

А.Т. Гагарина
СЛОВО О СЫНЕ

*Анна Тимофеевна Гагарина. 1961 год.
Фото Юрия Гагарина.*

39.6г
Г12

А.Т.Гагарина

СЛОВО О СЫНЕ

*Воспоминания
Анны Тимофеевны Гагариной,
записанные с ее слов
Татьяной Копыловой*

Гагарина А. Т.
Г 12 Слово о сыне. — М.: Мол. гвардия, 1983. —
160 с., фотогр.
65 коп. 90 000 экз.
В пер.: 1 р. 50 к. 10 000 экз.

Книга Анны Тимофеевны Гагариной, матери первого в мире космонавта планеты Земля, рассказывает о детстве и юности Юрия Алексеевича, его учебе и космическом полете, о добрых семейных традициях.

Г 4702010000—203
078(02)—83 Без объявл.

ББК 39.6г
6Т6(09)

© Издательство «Молодая гвардия», 1983 г.

Вместо предисловия

Кажется мне — все уже известно о Юре. Вот стоят у меня дома на полке тома: его книги о полете в космос, воспоминания родных, близких, художественные повести. Но идут и идут письма от разных людей. Ребятишки спрашивают, как стать космонавтом, что для этого надо делать с детства, как рос, чем занимался Юрий Гагарин в школьные годы.

Не знаю я такого родительского секрета — как воспитать космонавта. Да дело во все не в том, чтобы стать именно космонавтом, чемпионом, человеком известным.

Однажды, уже после того, как состоялся первый космический полет, собралась на мой день рождения вся наша семья. Юра поднялся и сказал: «Спасибо тебе, мама, что ты приучила нас с детства трудиться! Приучила каждое дело делать на «отлично». Это в жизни главное».

Я тоже так считаю — падо каждое дело, которое тебе поручили или ты добровольно его вызвался выполнить, делать добросовестно, не жалея сил.

Об этом и пишу ребятам, стараюсь убедить, что надо каждому думать не о сла-

ве, а о том, чтобы стать полезным людям. Тогда работа будет доставлять радость, жизнь станет краше, многое успеешь совершить.

Взрослые авторы писем рассказывают о семейных трудностях, о проблемах с ребятами, спрашивают совета, ждут подсказки, интересуются, как вообще надо воспитывать детей.

Я не учительница, не ученый, поэтому не могу прописывать каких-либо рецептов, как вырастить хороших детей. Да и нет, наверное, таких точных предписаний. Но жизнь я прожила долгую, трудовую, подняли мы с мужем моим Алексеем Ивановичем сыновей и дочку, которые тоже научились любить труд, умели обещание держать. Словом, людей честных и добрых. У детей у самих уж давно дети народились, внуки мои, даже и правнуки появились. Вот и получается, что всю жизнь я провела в труде да в воспитании ребяташек. Но рецептов выписать не в силах, а наблюдениями своими, опытом поделиться готова.

Буду рада, если мои мысли помогут и ребятам и взрослым.

Дети наши — Валентин, Зоя, Юра, Борис — родились в деревне. Сами мы с мужем моим Алексеем Ивановичем знали только крестьянский труд, и все-таки, думается, правильное считать семью нашу рабоче-крестьянской.

И когда в сорок девятом году совещались мы, на кого пойти Юре учиться, он твердо сказал: «Хочу быть, как дядя Сережа, токарем». Имел в виду он моего брата Сергея, хотя его никогда не видел, но много о нем слышал.

Отец мой Тимофей Матвеевич Матвеев и мама Анна Егоровна родом из деревни Шахматово, что недалеко от Гжатска. Земли в наших Смоленской, Рязанской, Калужской губерниях были небогатые, и мужчины часто занимались отхожими промыслами. Одни уходили на сезонную работу — выдывали овчины, плотничали, другие подавались на заработки в большие города, чтобы хоть как-то прокормить семью. Вот и отец мой уехал в Петербург, поступил там на Путиловский завод. Мама с детьми оставалась в деревне, вела хозяйство и только на зимние месяцы с малышами ездил к отцу.

В 1912 году (мне тогда было девять лет) все перебрались в Петербург. Жили мы на Богомолловской улице, в комнате густонаселенного дома.

Хорошо помню, как по утрам мощно гудел заводской гудок, созывая рабочих. Работали тогда по 12—14 часов, без выходных. А денег все равно не хватало. Мама стала стирать на людей. Каждую неделю приносила домой по большому тюку белья, чтобы

этим нелегким трудом добыть какую-никакую копейку. А концы все равно было не свести с концами.

Семья же у отца и матери была немалая: кроме меня, еще два брата и две сестры.

Однажды отец горестно сказал: «Вы не думайте, что мы так бедно живем, потому что семья у нас большая. Не поэтому. А потому, что хозяева отдают нам не все, что мы, рабочие, зарабатываем».

У нас, как и в других рабочих семьях, часто говорили о том, что нужно изменить жизнь, что рабочие должны бороться за свободу. И не только говорили. Рабочие объединялись, организовывали забастовки, стачки. Недавно в одной из книг я прочитала, что за первую половину 1914 года на Путиловском заводе было проведено 60 стачек: чуть ли не каждые три дня какая-нибудь мастерская бастовала. А 1 июля того года путиловцы собрались на большой митинг в поддержку бакинских рабочих. Пролетарии каспийских нефтепромыслов требовали 8-часового рабочего дня, официального признания праздника трудящихся 1 Мая. За эти справедливые требования их наказывали: выселяли из домов, арестовывали.

Рабочие Путиловского завода решили собрать деньги, чтобы помочь бакинским пролетариям. Но петербургский градоначальник велел запретить всякие сборы для помощи нефтяникам. Даже те средства, которые удалось собрать и переслать, не попали к бакинским рабочим: почта не выдала деньги бакинцам, а обратила их в доход казны.

Митинги путиловских рабочих разгоняла

Путиловский рабочий
Тимофей Матвеевич
Матвеев с женой
Анной Егоровной
и детьми.

Во втором ряду
(слева направо):
Николай, Сергей, Анна
(будущая мать
Космонавта-1),
Мария.
В первом ряду —
Ольга.

полиция. С демонстрантами жестоко расправлялись казаки.

Вскоре началась первая мировая война. Жизнь стала еще тяжелее. А тут нашу семью постигло новое горе: в цехе на отца с высоты упала пятифунтовая стальная масленка. Отец стал инвалидом, мы лишились единственного кормильца — хозяева его вышвырнули с завода без всякого пособия.

Как тяжело было в семье! Что было делать? Об этом не раз заговаривали взрослые. Тогда мама решила пойти на Путиловский завод. Попросился на Путиловскую верфь старший брат Сережа — было ему в ту пору пятнадцать лет. С трудом преодолевая недуг, стал трудиться вместе с мамой в шрапнельной мастерской и отец. Как-то в день полочки возвратился он домой. Был усталый, худой, измученный. Сел, выложил на стол плотно зажатые рубли, посчитал. «Получается, по девятисто копеек в день мне платят», — вымолвил отец и так горестно вздохнул, что мне захотелось плакать, но я сдержалась.

Среди рабочих все чаще раздавались разговоры о тяготах работы, жизни. Договаривались о новых забастовках. Хозяева не могли справиться с гневом рабочих. Тогда в начале 1916 года военные власти закрыли Путиловский завод.

Но старейший завод Петрограда поддерживали рабочие других предприятий. Вечерами, когда в семье обсуждали события дня, часто слышалось: «Забастовка. Бастуют там-то. Поддержали такие-то». И хотя дома было холодно, нетоплено, да и голодно, зато не так уж одиноко.

Конечно, я тогда не во всем хорошо разбиралась, но само понятие дружеского единения, сплоченности, сознание того, что о наших отцах, матерях думают другие, — это чувство вселяло уверенность. Не только во взрослых, но и в нас, детей.

Полмесяца не работали путиловцы, а потом власти, испугавшись силы рабочего протеста, распорядились вновь открыть завод.

Но по-прежнему было трудно. Мама приходила из лавки озабоченная, приносила в сумке какие-то продукты. Готовила и приговаривала: «Как же из этого суп сварить можно?» Суп был жидкий. Да и такому были рады.

Но как бы ни было тяжело, родители духом не падали. Сами они были неграмотные, но к учению относились очень уважительно. Мама по совету других женщин хотела отдать меня в обучение к перчаточнице, чтобы я имела «хлеб в руках», а отец запротестовал: «Нюра девочка смышленная, пусть в школе поучится».

Меня отправили в Путиловское училище. Там преподавали чистописание, русский язык, арифметику, естествознание, ну и, конечно, закон божий. Обучали правилам хорошего тона, домоводству, шитью, вязанию, вышиванию.

Училась я старательно, все мне было интересно, особенно же я полюбила чтение. До сих пор благодарю родителей, что дали они мне хороших собеседников, друзей, советчиков — книги.

Чтобы помочь семье, по вечерам я шила патронташи. Даже мысли не было, чтобы взятое задание задержать. Знала — и мои копеечки подмога в хозяйстве.

В конце обучения мне выдали свидетельство — это была рекомендация для дальнейшего образования. Но учение в гимназии требовало больших денег... Такое нашей рабочей семье было не под силу.

— Ничего, Нюра, скоро все будет по-другому, — успокоил меня старший брат. — И учиться будешь, и жить иначе.

Пошла я тем временем в рукодельную, чтоб получить профессию.

Начальное образование получили также

старший брат Сергей и старшая сестра Мария.

Брат Сережа был совсем молодым, но в семье никакое дело не начинали без совета с ним. Да и не только в нашей семье. Окружающие относились к нему с уважением. Часто к нам в дом приходили люди, о чем-то подолгу говорили с Сергеем, одни передавали, а другие забирали свертки, в которых можно было часто распознать пачки бумаги. Подростки — люди наблюдательные. Я догадалась, что брат ведет скрытную работу. А что такое «листовка», «прокламация» — девочке из рабочей семьи не нужно было объяснять.

Не раз и не два скрывались у нас в семье молодые люди. Подолгу жил наш земляк Дмитрий Зернов. Оттого, что он скрывался, мы, ребята, догадались, что он против царя. Брат предупреждал: «Никому ни слова». И нам, младшим, было все понятно: они связаны с забастовщиками, с большевиками.

Однажды Сергей вернулся раньше обычного, сказал маме, что у нас может быть обыск, а на чердаке были тогда спрятаны запрещенные книги. Я услышала тихий разговор и вызвалась отнести книги к маминной сестре, тете Наде. Переносила в продуктовой сумке. Копечно, на меня, девочку, идущую в гости к родственнице, никто не обратил внимания.

А поздно ночью в дверь раздался сильный стук. Пришел дворник, полицейские. У дворника была домовая книга, и он говорил, что поступили сведения о подозрительных посторонних людях, которые живут у нас.

Дмитрий Зернов, предупрежденный братом, не пришел почевать. Полицейские начали обыск. Они рылись в вещах, повыкидывали все из шкафа, трясли даже наши школьные тетради и учебники. Ничего подозрительного не обнаружили. Тогда один по-

дошел к кровати, где лежал больной отец, приказал подняться. Отец еле держался на ослабевших ногах, а полицейские все сбросили с кровати, оцупали подушки. Было понятно, что обыск не дает результата, и это полицейских вовсе разозлило. Они позвали маму, приказали распороть матрас. Мама заплакала от обиды, по приказанию выполнила. Полицейские слазили на чердак, выстукивали стены, шарили кочергой в печи. Ничего. Ушли только под утро. Главный из них с угрозой сказал: «Смотрите же!»

Тайник они не нашли, а он был под листом железа у печки. Мама и папа знали об этом. Когда Сережа как-то спросил, где спрятать важные бумаги, они и подсказали ему.

Хотя обыск ничего не дал, Сергея уволили с Путиловской верфи. В его документах сделали пометку: «Приему не подлежит».

На петроградские заводы путь ему был заказан. Жили мы буквально впроголодь. Брат уехал в Сестрорецк, но, как только там узнали о его деятельности в столице, сразу же уволили. Работал Сергей теперь нерегулярно, но дома подолгу не бывал. И мы чувствовали — он делает важное дело.

Однажды — это было в начале 1917 года — прибежал домой возбужденный, подошел к нам, своим сестрам, и сказал:

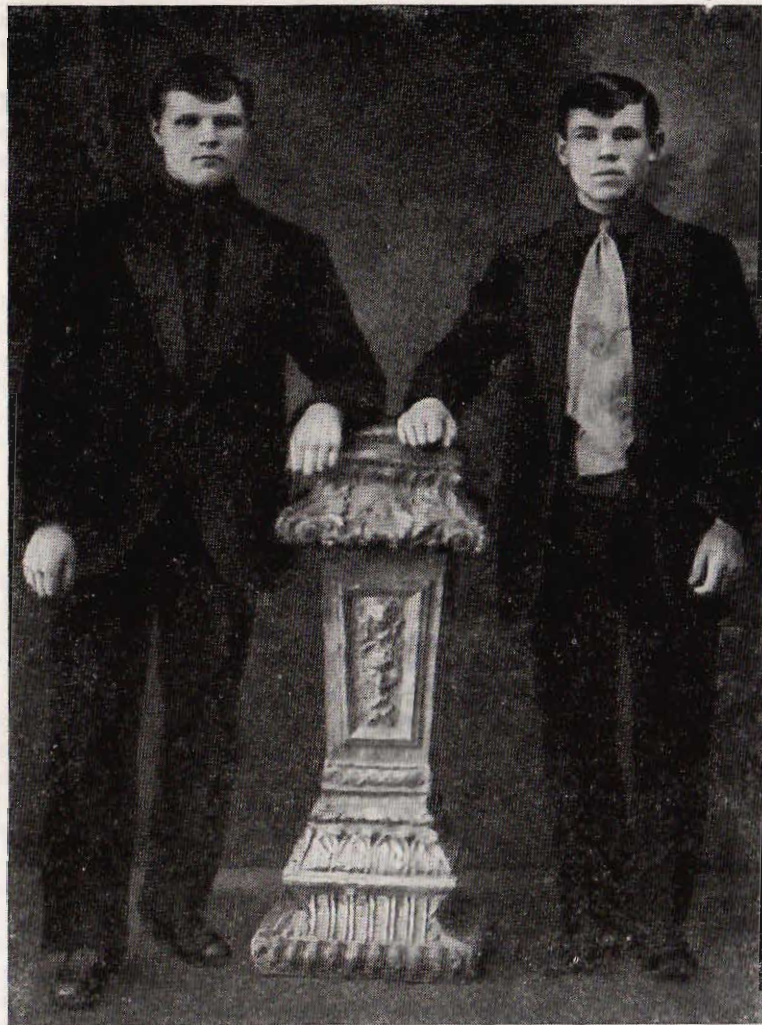
— Скоро прогоним царя.

Стало даже страшно, что он так, в открытую, произносит опасные слова. А брат ободряюще улыбнулся, потрепал меня по голове:

— Не трусить!

Вскоре он возвратился поздно ночью, поднял нас: «Революция! Свобода!» Сергей был с винтовкой и красной повязкой на рукаве.

В эти дни, по словам брата, их отряд путиловских рабочих участвовал в освобождении из Петропавловской крепости политзаключенных. Шли они к крепости с красными флагами, пели «Варшавянку», и люди, просидевшие в тюрьме не один год, увидев, кто

*Сергей Матвеев с товарищем
Василием Сидицыным.
Николай Матвеев.
(Фото публикуются впервые.)*

пришел за ними, плакали, обнимали алые стяги.

Настоящим праздником был день 1 Мая. Все люди труда ликовали. Праздничные колонны рабочих несли кумачовые транспаран-

ты с лозунгами: «Да здравствует пролетариат России!», «Долой эксплуататоров!»

Но, как известно из истории, буржуазии удалось тогда обмануть рабочих. Немногое изменилось на заводах, хозяева оставались

прежние, порядки тоже. Брата опять уволили, из моих родных работу удалось найти только маме и старшей сестре Марии.

Наступила осень, приближался октябрь.

Что-то грозное носилось в воздухе. Брат бывал дома совсем редко, говорил, что хозяева обманули рабочих, как всегда, смогли извлечь выгоду из событий для себя. Мать и отец горестно сетовали, как тяжело живется. Но Сережа успокаивал, что ждать осталось недолго. Мы понимали, что рабочие готовятся к решительным выступлениям, к вооруженному восстанию, что уж теперь не дадут обмануть себя, как после февраля.

Дни конца октября запомнились тем, что рабочие вечерами тайно собирались по домам, потом уходили куда-то. В тишине и организованно. Как теперь я понимаю, собирались с силами для боя. И однажды как гром пронеслось по улицам нашей рабочей окраины: «Зимний взят! Телеграф взят!»

Взрослые это произносили с такой радостью, что и мы, дети, понимали: победа!

Те дни остались в памяти особо сосредоточенными лицами рабочих в колоннах отрядов, пламенными словами брата: «Революция! Вся власть Советам!»

Трудовой народ взял власть в свои руки. Началась новая жизнь.

Говорили, что германские войска перешли в наступление на Петроград. Брат вместе с другими путиловцами откликнулся на призыв Комитета революционной обороны: «Революция в опасности!» Он записался в Красную гвардию. А вскоре и сестра Мария сообщила, что добровольно вступила в Путиловско-Юрьевский партизанский отряд санитаркой.

В те дни мы не виделись с Марией, а позже она рассказывала, как их отряд прибыл в Смольный. К ней подошел слесарь завода Андрей Васильев: «Я сейчас иду с путиловцами в Смольный. Берем и тебя с собой».

Поднялись на второй этаж, там в коридорах множество людей. Прошли в одну из комнат, где сидел за столом человек в военной форме, короткими фразами разговаривал с кем-то по телефону. Один из путиловцев сказал, что приказание выполнено, их отряд прибыл. Военный снял телефонную трубку: «Товарищ Ленин, к вам пришли с Путиловского завода». Услышав ответ, пригласил их в кабинет.

Мария подробно вспоминала, как беседовал с ними Владимир Ильич, расспрашивал о подготовке отряда.

Потом был митинг, перед красногвардейцами выступал Ленин. Говорил он кратко, о главном: как надо защищать еще не окрепшую Советскую власть. Защищать повсюду — не только на фронте, но и в городах и деревнях. Говорил, что надо распознавать классовых врагов, беспощадно бороться с ними.

Речь вождя произвела на всех огромное впечатление. Бойцы поклялись состоять завоевания революции.

Уже вечером отряд вместе с другими отпраздновал на Псковский фронт, под Нарву. Путиловцы в боях сдержали клятву.

...В начале 1918 года приехали из деревни земляки, разговаривали с мамой, отцом, сообщили, что и к ним пришла новая власть: крестьяне отобрали землю у помещиков, делают ее по справедливости.

Родители и Мария решили вместе с нами, младшими (мною, двенадцатилетним Николаем и семилетней Олей), вернуться в родные места, на Смоленщину.

Так закончился для меня мой городской период жизни. Конечно, многого я не осознавала, воспринимала все со своей «детской колокольни». Но впечатления детства оставляют у человека глубокий след на всю жизнь.

Позже, когда я сама выросла, стала ма-

терью, я часто возвращалась в воспоминаниях к нашей жизни в Петербурге. Мне нетрудно было объяснить своим ребятишкам, почему рабочие России поднялись против гнета царизма и буржуазии, что такое рабочая сплоченность, пролетарская честь и трудолюбие. Рассказывала им о родителях, ко-

торые никогда не клонили голову перед обстоятельствами, о брате Сереже, который часто говорил: «Только сами рабочие добудут себе свободу!», о сестре Марии, в семнадцать лет взявшей в руки оружие, чтобы защищать завоевания Октября. Ведь это была обыкновенная рабоче-крестьянская семья.

Сельское жительство - бытие

Дорога от Петрограда до Гжатска в 1918 году была долгой и трудной. В переполненном поезде, который часто и подолгу останавливался на станциях и в чистом поле, доехали мы до Бологого. А там на перекладных до нашего смоленского городка. Иной раз перекладных не было, тогда шли пешком, взвалив на плечи наши небогатые пожитки. И так от села до села. На ночлег нас пускали в избы, хорошо, когда хозяева давали на подстилку солому.

В Гжатск прибыли, когда уже начал таять снег. Так что до деревни Шахматово последние двенадцать верст пришлось добираться весь день — никто не согласился по весенней распутице гнать туда лошадей.

Но теплая встреча в Шахматове заставила забыть все тяготы пути. Мамина тетька — бабка Дуня, хоть и не ожидала нас, быстро организовала встречу. Напекла, нажарила что могла собрать в доме. По старому русскому обычаю напоила баню.

Началось наше деревенское жительство. Мама купила жеребую лошадь — это уже была надежда, что жизнь наладится. Но пока что было голодно, и соседи — кто чем мог

помочь — дали займы пемного ржи, картошки, приносили иногда молоко.

В поябре умер отец. Он так и не дождался свидания с сыном, который остался защищать Петроград. Сережа приехал в Гжатск позже, стал работать на бирже труда. Туда же устроилась и Мария. Их продажек помог нам выстоять до весны. А уж там стало легче: ожеребилась кобыла, пошел первый урожай лука, редиса, ранней картошки.

Когда Сережа и Мария приезжали погостить, говорили о светлом будущем, строили планы. О трудностях и испытаниях говорили легко и весело. И до сих пор, вспоминая то время, я представляю не голод и лишения, а моих молодых брата и сестру, их удачи и хорошие дела.

Начинала палаживаться наша жизнь, но в 1922 году до Гжатского уезда докатилась эпидемия сыпного тифа. Брат Сережа, которому по его работе часто приходилось ездить в Смоленск и Москву в переполненных теплушках, подхватил заразу. Его положили в больницу, и больше живым я его не видела. Через девять дней, не выдержав потери сына, скончалась мама.

...Недавно бойцы из интернационального студенческого строительного отряда, что работает у нас в Гагарине в третий трудовой семестр, установили памятные доски на могиле моих родных. Матвеев Тимофей Матвеевич (1871—1918), Матвеева Анна Егоровна (1875—1922), Матвеев Сергей Тимофеевич (1899—1922). Смотрю я на эти даты — и множество мыслей теснится в голове. Отец-то мой умер нестарым человеком, а в памяти он представляется чуть ли не дедом. Так его покорежили да сгорбили жизнь, болезнь, несправедливость. Мамино горе мне особенно близко и понятно. Потерять сына, похоронить свое дитя — есть ли беда страшнее?! Сергей Тимофеевич... По нынешним понятиям вроде бы юноша, молодой совсем. Но возраст человека определяется его делами и поступками. Иной в сорок пацан, а другой и в двадцать свою ответственность чувствует.

...Так, в двадцать втором, в свои неполные девятнадцать, осталась я сиротой, с двумя младшими на руках. Старшая сестра жила тогда в Гжатске.

Но горевать было некогда: деревенская жизнь остановки не знает. Сев проведешь, а там уж сенокос, сено уберешь — другая работа ждет не дождется: картошку окучивать надо, огород поливать, полоть. Глядишь — время жатвы настало. Это уж не говоря о том, что каждый день поутру встань корову подоить, в стадо ее выпустить.

За повседневными заботами горе чуть отпущало сердце. И молодость брала свое.

Тут я стала замечать, как один молодой парень из соседнего села Клушина частенько к нам в Шахматово заходит. Умел он играть на гармошке и в доме на окраине, где собиралась на вечерки молодежь, всегда был желанным гостем. А уж он во весь вечер с меня глаз не спускал. Мне он тоже люб был...

В 1923 году посвагал он меня. Как было

у нас принято, собрались на общий совет. У меня первый вопрос: «Как же ребятам оставаться?» Ну, Коля-то уже по тем понятиям взрослый был: семнадцать. Когда про младшую, Олю, речь зашла, мамин брат и говорит: «К вам в дом переедем, Ольгу обихаживать будем». Действительно, к девочке они — сами-то детей не имели — относились ласково, по-родительски. Ходила она в школу, выросла, а когда замуж вышла, уехала в Брянск.

Так стала я Гагариной. Венчалась, как и заведено в деревне, по окончании полевых работ, осенью, 14 октября. Алеша мой был восьмым ребенком в бедняцкой семье. Гагарины испокон пастушествовали, что в прежние времена означало уж очень сильную бедность. Но люди они были трудолюбивые, делали все на совесть. И когда после установления Советской власти раздали всем крестьянам-беднякам по справедливости помещицью землю, воспряли духом.

Так мой Алексей Иванович и сказал мне, когда начали мы с ним жизнь строить:

— Руки у нас с тобой, Нюра, работающие, голова на плечах есть, да и любим друг друга. Остальное — наживное. Не унывай!

Начинали мы, как сейчас говорят, с нуля. Стоял на краю Клушина старый гагаринский домик, в котором жила мать Алешина, свекровь моя, Анастасия Степановна. Женщина она к тому времени была очень больная: всех восьмерых одна поднимала, муж-то ее погиб, когда младшему четыре только исполнилось. Все время была на поденщине. Вот почему, кстати сказать, Алеше моему грамоте обучаться не пришлось. Два года походил в церковноприходскую школу и больше не смог: надо было пастушествовать, семье помогать.

Дала мне тетка на обзаведенье своим хозяйством корову испольную с условием: как отелится — вернуть, ну а теленочек нам

останется. Пособирали денег как могли, купили жеребенка да поросенка. Стали прямо как в сказке жить-поживать да детей наживать.

...Не раз слышала я слова о том, что жизнь деревенская тяжелая. Что ж, не спорю: труд крестьянский — физический, нелегкий, но, на мой взгляд, он, как никакой другой, приносит много радости. Потому что связан с живой жизнью, с творчеством.

Конечно, кто-то удивится: какое такое творчество? А как же?! Разве ежедневно не творит крестьянин урожай, не работает над улучшением пород скота? В силу скромности своей деревенские люди, конечно, не говорят (и даже не думают!), что делают что-то чрезвычайное, необычное. А делают... Нужны тут глубокие знания, которые из поколения в поколение передаются как уклад жизни, как что-то привычное. Многими неброскими хитростями да тонкостями надо овладеть, чтобы урожай хорошего добиться. Знать и чувствовать, насколько глубоко пахать, да когда бороновать, да не пожалеть труда — сорняки выполоть да вовремя и с умом унавозить поле... Жатва! Бывало, руки, все тело гудят от тысячи поклонов, но в селе праздник —

хлеб идет! Земля с благодарностью отвечает тебе на заботу.

А ежедневная работа со скотинкой! И напоить, и накормить, и обиходить, и слово ласковое сказать ей надо. Да что я говорю! Делаешь-то не по необходимости, а потому что хочется, чтобы корова твоя в настроении была, чтобы лошадь гладкая да ухоженная, поросята — смирные, не визгливые, а гуси наши серые, сухопутные — степенные и жирные. Растишь да наблюдаешь, что живность лучше любит, на что откликается, что ее умиротворяет. И здесь труду твоему воздается.

Вот и говорю: пелегко, но радостно работалось нам с Алешей. Усталости будто и не замечали. Да и проходила она скоро. А хозяйство росло, можно сказать, на глазах. Поженились — был только земельный надел да дом, а к 1933 году, ко времени создания колхоза, были у нас уже корова, племенная бык, лошадь, несколько поросят и овец, гусей да кур по несколько десятков. Да и денег на новый дом поднакопили. В колхоз пришли не с пустыми руками, не меньше других принесли. Чтобы работать сообща, чтобы жить по-новому.

Прибавление семейства

Ш

Шестьдесят лет уж скоро нашему первенцу — Валентину Алексеичу — исполнится. Зоя достигла пенсионного возраста, Юре в восемьдесят четвертом сровнялось бы пятьдесят, а спустя два года и Борису тоже было бы полсотни. А помню

в мельчайших подробностях день рождения каждого из них.

Валя появился на свет 30 июля 1925 года. С утра я пошла жать. Начались схватки, а мне вроде бы от людей неудобно, присяду в рожь, пережду — и опять за работу. Когда

стало совсем немотогу, поспешила я домой... А там свекровь уж соседку позвала, опытную повитуху... Как же Алеша гордился — сын родился! Сам сделал качку (он все в доме делал своими руками), изукрасил ее, любовно подвесил, приговаривая: «Вот здесь Валюшке будет удобно».

Но не меньше радости принесло рождение Зои, долгожданной нашей девочки. Еще жива тогда была свекровь, она помогала нянчить ребятку. Умерла, когда Зое не исполнилось и года. В деревне, где с детьми обычно старые возятся, сложнехонько без такой подмоги. Но ничего — вырастили.

В начале марта 1934 года отвез меня Алексей Иванович в родильный дом в Гжатск. Акушерка, что принимала меня, пошутила:

— Ну раз к женскому дню ждем, значит, будет девочка.

Но прошел день восьмого марта, вечер, наступила ночь. Я-то так и ждала сыночка, даже имя мы ему заранее определили — Юрочка. Вот он и родился. Небольшой — три килограмма, но крепенький, аккуратненький. Привез меня Алексей Иванович домой, развернули мы мальчишечку. Зоя подошла, стала братика рассматривать да как удивленно закричит:

— Ой-ой, смотрите-ка! У него пальчики на ножках как горошинки в стручке.

Почему-то частенько вспоминали потом эти ее слова, может, потому, что какие-то они бесхитростные были, а может, потому, что детская любовь так выразилась.

Через два года с небольшим, 2 июня 36-го, родился и последний наш мальчик — Бориска. Вот и вся наша семья.

Младших братишек нянчила Зоя. Правда, когда Юра родился, пригласила я одну старушку за мальчиком приглядывать. Но однажды Зоя прибежала на ферму (я в колхозе дояркой работала), сама вся в слезах:

— Бабушка Юру уронила! — плачет, сердится, а потом говорит: — Лучше я сама за ним ходить буду.

А самой-то семь всего! Но деревенские дети пораньше, чем городские, в работу включаются. Бывало, песет Зоя Юру ко мне на ферму, чтобы я мальчонку покормила, платочек его собьется, пеленки растреплются. Бабоньки-подружки кричат:

— Нюра, Нюра, твоя помощница идет!

Я спешу навстречу, а мне тепло от гордости: вот какая девочка у меня растет добрая да умелая, вот какой мальчонка хорошенький, здоровенький.

Так все лето нянчила дочка братика своего. Осень подошла, убрали все с поля, Зоя эдак по-взрослому говорит:

— Ну теперь, мама, ты управишься с Юриком? Ведь сейчас полегче.

Я сразу не поняла, о чем она:

— Управлюсь, — отвечаю.

— А я, — говорит, — в школу пойду.

— Так ведь уже октябрь!

— Ничего. Я постараюсь.

Пошла в школу. Директор потом меня на улице повстречал, рассказал. Пришла дочь в класс и учительнице говорит:

— Хочу учиться.

Та стала возражать:

— Мы уж много прошли.

— А я все буквы знаю, складывать умею. Раньше прийти не могла, братика растила.

Оставили ее. И не пожалели: заниматься Зоя сразу стала отлично.

...Теперь, когда приходится немало выступать, отвечать на многочисленные вопросы, как же мы воспитывали детей, волей-неволей приходится задумываться о прошлом, выводы делать. Много сейчас говорится о том, что балованные и трудные дети вырастают там, где родители очень заняты, не уделяют ребятам сколько требуется внимания, вот дети, мол, и портятся.

Не знаю, правильна ли такая мысль. Для меня она сомнительна. Я вот вспоминаю нашу молодую жизнь. Мы с Алексеем Ивановичем заняты были так, что летом ни единой свободной минутки не было. А дети все выросли хорошими, работящими да добрыми, отзывчивыми да внимательными.

Что же, само это, что ли, пришло? Думаю, что многое зависит от родителей. Во все пужно следом за ребенком ходить и все ему подсказывать, поправлять да направлять. Никакого времени у родителей не хватает. Ребенку такой опекун тоже быстро надоест. Другое дело, если ты сам ребенку всей своей жизнью, делами своими пример будешь показывать.

В доме у нас сложилось распределение обязанностей. Хозяйство и скотина были за мной, а вся тяжелая плотницкая и столярная, словом, мужская работа — за Алексеем Ивановичем.

Ему никогда не приходилось будить меня, говорить: «Нюра, вставай, корову доить пора!» Встанешь сама часа в три утра, русскую нечь затопишь, приготовишь еду на весь день, оставишь ее на загнетке. А тут уж пора корову доить да в стадо выгонять, глядишь — время пристало и на работу идти. Вечером после дойки скотину обиходишь, вещички ребятам пересмотришь — что подштопать, что починить, а там и спать пора.

Алексей Иванович все своими руками делал: буфет, стол, диванчик, качку, детскую кроватку. Дом и тот сам строил, нечь русскую клал. Валенки подшить или ботиночки починить — тоже его работа была. Сколько ремонта дом требует, чтобы всегда был в порядке! И никогда не приходилось мне его понукать. Если иной раз и скажешь: то-то надо сделать, то только потому, что, может, он сам не заметил.

Думается, что и ребята наши, видя, что родители без подсказки работают, тоже

дружно тянулись за нами. Каждый из них свою работу знал.

Валентин подрос — за ним было пригнать и угнать скотину в стадо, а потом вместе с отцом плотничал, починкой дома занимался. Зоя маленьких нянчила, потом помогала по хозяйству. Споровистая была, быстрая. Даже большая суббота стирка нам с ней была не в тягость. В четыре руки и тяжелая работа легка! Младшие гусей пасли, огород пололи и поливали, в доме прибирали.

Такое еще наблюдение: каждый должен чувствовать, что его работа нужна, что дело он делает необходимое, что без его вклада семейному коллективу нелегко будет справляться. Ребенок — человек чуткий. Он сразу раскусит, если занятие неправдашнее, не-всамделишное. Относиться сразу же будет спустя рукава. Ответственность любого серьезнее делает, основательнее — что взрослого, что ребенка.

Что еще нужно — так это терпение. Тебе-то с твоим опытом кажется, что все привычное делать просто, а ребенок в свет пришел вовсе неумехой. Ему всему-всему научиться надо. Ходить, говорить, есть, умываться, постель застилать, огород копать, печку топить, дрова колоть, рубанком орудовать. Каждая наука времени требует, а окрика не любит.

Как сейчас вижу: у самодельного верстака, что был сооружен позади нашей клушиной избы, стоят Алексей Иванович и Валентин. Алексей Иванович скупыми, точно рассчитанными движениями строгает доску. Отложил рубанок, приподнял край доски, зажмурил один глаз, глянул вдоль торца, проверяя точность скоса. Своей большой, загрубелой в работе рукой провел по доске — она гладкая да ласковая. Валя — ему уже лет 12 было — внимательно смотрит, а отец объясняет, как рубанок правильно держать,

как встать у верстака. Легко все вроде, понятно. Но вот передал рубанок Вале, тот попробовал, рубанок врезался в доску — ни с места. Алексей Иванович не торопится, объясняет, дает сыну время самому разобраться, понять причину. Смотрю издаലെка: как же неуклюжи непривычные к рубанку руки сына, движения-то как суетливы! От неумения, неуверенности и пот на лбу выступил. Отец наблюдает, замечаний не делает. Его спокойствие передается ученику. Вот уж раз-другой провел Валя рубанком вдоль доски — заулыбался. Теперь дело только за навыком. Алексей Иванович скрутил самокрутку, сел на самодельный табуретик, закурил. Потом, когда Валя кончил работу, навел только последний лоск. И опять, как по первой доске, провел рукой — смотрите, мол, не занозишься. Слышу — говорит, обращаясь как к равному за советом:

— Из этой, что ль, доски Зое диванчик соорудим?

Зоя тоже постепенно в хозяйство входила. Вначале немудрящее только могла приготовить, потом сама и хлеб ставила, и каравай выпекала, а это — каждая хозяйка знает — нелегкое дело. Так же и со стиркой, уборкой. Поначалу она даже как следует Юру запеленать не могла, но времени немного прошло, и стала Зоя такой умелой нянечкой, что я с легкой душой на нее малышей оставляла. Переоденет, накормит, спать их уложит.

Юра и Борис ее слушались, выполняли, что она скажет. Надо отметить, что младшие очень любили свою сестру. Мне кажется, они чувствовали — на девочке лежит большая забота — и потому старались ей помочь.

Как легко, приятно было возвращаться домой по вечерам! Придешь с Алексеем Ивановичем в избу, а дом убран, печка протоплена, обед сварен, ребятишки нас ждут: сидят за столом довольные, гордые, что вот

все к нашему приходу успели. Как же на душе покойно становилось!

Вообще мне кажется, что в дом побольше радости нести надо и радость эту находить необходимо, не пропускать.

Кажется, какое такое событие — сфотографироваться? Но однажды пришел к нам в Клушино фотограф. Зоя ко мне на ферму прибежала:

— Мамочка! Можно, мы снимемся?

Я ее поняла — интересно, да внове такое. Конечно, разрешила, наказала, чтобы ребятки младших она принарядила. Незадолго до этого купила я в Гжатске два белых свитерочка, младшие в них хорошо выглядели.

— Да Валентину накажи, чтобы приоделся.

Зоя убежала, я тоже не вытерпела, дела сделала, домой заспешила. Подхожу к избе, дети все уже сидят у крыльца, смиренные, важные. Гляжу, а Зоя-то в валенках! Я сразу все поняла: братишек одевала, а про себя забыла.

Потом мы это событие долго вспоминали, над Зоей подсмеивались.

Огромным радостным событием было, когда в колхоз пришел первый колесный трактор. Он остановился в самом центре Клушина, на скрещении двух деревенских улиц. Его окружила толпа, все пришли как на праздник. Да это и был праздник первых индустриальных побед.

Скоро в село провели радио. Вначале в каждом доме были наушники. Послушать этот нехитрый прибор — два темных блюдечка, надевавшихся на уши, скрепленных гибкой пластинкой, — становились в очередь. Было любопытно, а потом почувствовали, как это дивно знать, что в стране нашей, в мире происходит!

Наушники донесли до нас новость о чешлюкинской эпопее, тревогу за судьбу затертого во льдах ледокола. Мы следили с за-

миранием сердца за борьбой героического экипажа, а потом с облегчением обсуждали, как спасали людей. Тогда впервые были произнесены слова: Герой Советского Союза. Ими стали летчики, которые спасли людей, сняв их со льдов Ледовитого океана.

На смену наушникам пришли репродукторы — эти похожие на картонные тарелки устройства, а нам они виделись даже красивыми, казалось, что они украшают дом. Служили они бесперебойно, через них мы узнали о победах нашего народа на трудовом фронте, о героических свершениях Стаханова, Кривоноса, Паши Ангелиной, Марии Демченко, четверки папанинцев, героев-летчиков Чкалова, Белякова, Байдукова, экипажа Михаила Громова, смелых летчиц Гризодубовой, Осипенко, Расковой.

Для нас эти имена стали родными и близкими. Их подвиги обсуждались с ребятами особенно подробно.

Ребятишки есть ребятишки... Послушают-послушают да и скажут:

— Я буду как Чкалов! А я буду известный, как Стаханов!

Но уж тут Алексей Иванович неизменно вмешивался:

— Ишь, Чкалов! До Валерия Павловича расти да расти! Стаханов... Работать надо со-вестливо... А то — знаменитый...

Ну это так, к слову. А разговор о радости, которую надо не пропускать!

Ведь что получается? Можно говорить, что устал, что работа тебя за день измочалила. А можно и по-другому: вспомнить, что тебя председатель похвалил, что зоотехник отметил чистоту на ферме, что надои увеличились. Усталый приходил с косьбы, пахоты или жатвы Алексей Иванович. Но за стол сядет, станет говорить не о трудностях, а о том, как славно поработали. Ребятам тоже хочется гордость испытать — в поле просятся. Конечно, специально это не делается, я

Анна Тимофеевна Гагарина (стоит слева) с сестрами Ольгой, Марией и тетей Надеждой Егоровной Крюковой. 1937 год. (Фото публикуется впервые.)

*Юра Гагарин (сидит) с братьями
Валентином, Борисом и сестрой Зоей. 1938 год.*

только подчеркнуть хочу, что мы с Алексеем Ивановичем никакого труда не чурались, даже больше — работу любили, а эта любовь помогала нам и детей воспитывать в уважении к труду. Увидишь, что ребята твои трудолюбивыми растут, новая радость придет — уже от гордости за сыновей и дочку.

Так что, считаю, трудовой образ жизни — самый главный воспитатель.

Поговорить с ребенком, конечно, тоже нужно. Но вот что замечаю: сейчас иные матери и отцы на отсутствие времени жалуются, а расспрашивать станешь — поймешь, что они все свое свободное время у телевизора проводят. Детектив — смотрят, «А ну-ка, девушки!» — смотрят, «Алло, мы ищем таланты» — смотрят, «Сельский час» — смотрят, все подряд смотрят. А чем ребята заняты, какой у них интерес, с кем дружат — не знают. Да еще объяснения своему перадению найдут: школа воспитывать обязана. Школа-то обязана, но кто и когда с нас, родителей, эту ответственность снял?

У меня так и стоит перед глазами, как в зимние вечера заберется с ребятами Алексей Иванович на печку и начнет им сказки рассказывать. В сказках мудрости много, да и Алеша мой, что нужно, присочинит: или залевившегося Валентина устами сказочного богатыря подковырнет, или разбаловавшихся младших припугнет, или того, кто бахвалится, пристыдит... Ну и, конечно, любил рассмешить деток. Уж такой звонкий смех да веселые восклицания неслись из этого «клуба» — с печки, что самой смеяться хотелось!

А то соберутся в большой комнате у стола под всяческой керосиновой лампой, просят: — Мама! Книжку почитай.

Я все новые книжки в нашей избе-читальне брала. В Гжатске, когда туда по делам ездила, тоже старалась купить. Потом старшие подросли — Зоя стала ребятам чи-

тать. А я рядом обычно сижу — шью. Я ведь всю семью обшивала. Пригодились те навыки, которые в Путиловском училище приобрела. Я старалась поскладнее ребят одеть. Уж не буду по-деревенски просто порты кроить, а брюки по всем правилам сошью. Юре да Бориске красивые матросочки делала: штанишки тогда шили на детском длинном лифчике, чтобы держались лучше, а рубашечки отделывали белыми и красными каптиками. Зое платье скрою в сборку. Получалось так складно, что наши деревенские женщины у меня даже выкройки просили да совета ждали.

Мне всегда хотелось, чтобы ребятам праздники запоминались, чтобы день этот был выделен из ряда других. Всегда хотелось их порадовать — вот и старалась к каждому празднику сделать им обнову. По нынешним временам это скромные вещички, но дети мои видели, как мама старалась, и ценили мои усилия. Они осознавали, что в подарке ценны человеческий труд и теплота. Вот и носили сшитые мною вещи аккуратно и бережно. И осталась у них эта привычка на всю жизнь.

Шью, а ребята старшие уроки делают, младшие рядом вертятся, ждут, когда Зоя освободится, читать им станет.

У Юры память очень цепкая была. Раз-два прочитаешь ему — он уже все запомнил. Потом сам с выражением декламировал:

Села кошка на окошко,
Замурлыкала во сне.
Что тебе приснилось, кошка?
Расскажи скорее мне!
И сказала кошка: «Тише,
Ну-ка, тише говори,
Мне во сне приснились мыши,
Не одна, а целых три».

Как забавно передавал он этот диалог! Юра вообще очень тянулся к книгам, к новым знаниям. Он даже в школу стал потом

ходить вместе с Зоей. В деревенской школе правила помягче, да и учительница Анастасия Степановна Царькова нашу семью хорошо знала, потому и разрешала Юре находиться в классе. Даже иногда его вызывали, просили стихотворение рассказать — он читал без запинок. А сколько потом радости было: он настоящий ученик! В школьных вечерах самодеятельности Юра тоже участвовал. Читал:

Я хочу, как Водопьянов,
Быть страны своей пилотом...

И еще одно стихотворение было тогда очень популярным:

Климу Ворошилову письмо я написал:
«Товарищ Ворошилов, народный

комиссар!

В Красную Армию в нынешний год,
В Красную Армию брат мой идет!
Слышал я — фашисты затеяли войну,
Хотят они ограбить Советскую страну...»

А последние слова были заверением, что если, мол, что с братом случится, «я стану вместо брата с винтовкой на посту».

В 1940 году Юру даже послали в группе наших клушинских школьников на смотр художественной самодеятельности в Гжатск. Уехали они на два дня. Сколько же впечатлений у мальчика было от этой поездки-праздника. И дорога на лошадях до города, и ночевка в Доме учителя, и большой торжественный концерт в Доме пионеров. Сопровождала Юру, конечно же, его главная наставница и друг Зоя. Ей, безусловно, тоже все было внове, но она, чувствуя себя старшей, уступала слово своему братишке, успехами которого гордилась, а восторгом любовалась. Она пересказывала его радость и удивление. Больше всего поразили мальчика машины. Их-то он увидел впервые. Повстречает полуторку или «эмку» и с восторгом кричит:

— Это — мамина! Это — Валина! Это — папина! А это моя!

Директор школы, который возил ребят на смотр, сказал, что Юра стихотворение читал очень хорошо, вовсе не смущался. А как же иначе: я его тоже паставляла: «Надо так надо!»

...Пишу, и вроде все легко и гладко получается в воспитании: мы, родители, трудились, а дети за нами тянулись. Пример родительский в воспитании важен, но если бы только этим все ограничивалось, тогда бы меньше было проблем.

Вот и у нас... Воспитывали ребят мы одинаково, никаких исключений да отступлений не делали, а вот поди ж ты... Зоя училась отлично, до войны закончила семилетку, ей в каждом классе похвальную грамоту вручали. А Валя занимался неважно, от уроков все увильнуть старался, его даже на второй год оставляли. В младшей нашей паре ребяток такая же картина: Юра учился всегда очень хорошо, а Бориска — плохо.

В чем дело? Ребята-то все разные: одни быстро усваивают, другим разжевать, растолковать нужно, им с трудом учеба поддается. Ребяточки ведь результат быстрый любят. Не получается — им уж и надоело, они исхитряются: только чтобы убежать от такого занятия.

Вот для таких-то детей важен родительский контроль, строгий родительский спрос! Даже осуждение, хотя бы молчаливое, любимого, авторитетного человека. Конечно, я Алексея Ивановича не хочу обвинять, но было такое: я говорю с Валею, потом с Борисом, выясняю, что они выучили, что упустили, а Алексей Иванович сидит молча, делом-то, конечно, занят, но чувствуется, не так уж сердится на нерадивых учеников. А случилось, даже скажет:

— Не всем же учеными быть, кому-то и землю пахать нужно, коров пасти.

Ребятам только этого и надо — чьей-то поддержки. Смотришь, а уж Валентина и след простыл, Бориска — за ним.

Говорю об этом с горечью. Но сказать необходимо: может быть, молодые родители урок извлекут, поймут, что действовать всегда надо заодно, любое разногласие родительское ребяташки очень даже чувствуют, поступают тогда как им легче, удобнее. Пожалуй, это было единственное несогласие между нами.

А в общем семья наша была дружная. Каждый думал сначала обо всех близких, потом уж о себе. Мне кажется, что не нужно бояться ласковости. У иных бывает, что и люди неплохие, добрые, но вот манера обращения друг к другу грубоватая. А ведь грубоватость может и в грубость перерасти, и в невыдержанность. Я старалась всегда приласкать ребяташек. Сама спать не лягу, чтобы всех не обойти. Вот Валя примостился на печке — он тепло любит, так обязательно посмотрю, удобно ли он постелил себе. Зоя лежит в большой комнате на диванчике — одеяло под ноги запроваляю, косички ей расправляю. Маленькие — на кровати, что стоит в ногах нашей постели, — этих иной раз и переложить надо. Юра любил спать на животе, и мне было приятно поцеловать его в спинку над лопатками.

Потом я прочитала в Юриной книжке, что теплота ассоциируется у него с поцелуем мамы между лопатками. Я и не думала, что он это помнит. Оказывается, все помнится...

Зимой в наших смоленских избах заведено выкладывать небольшую временную печурку в дальнем от русской печки углу. Делал такую и Алексей Иванович. Под утро, когда в доме становилось прохладно, он обычно вставал протопить печечку. И вот уже волны тепла идут по избе, а я слышу, что Алепа тоже проверяет, не раскрылся ли кто из ребят во сне, удобно ли им...

Так мы и жили. Конечно, были и огорчения. Вот я как-то узнала, что ребята забрались в колхозный сад. Очень рассердилась, стала их отчитывать.

— Разве вы видели, чтобы я или отец когда-нибудь чужое что брали?

Валя тогда, набывшись, буркнул:

— Так все же лезят.

Но тут вмешался отец:

— А ты не баран, чтобы как все поступать. Свою голову на плечах надо иметь. Ну-ка, марш в угол!

Не скажу, чтобы ребята совершенно прекратили набеги — обманывать не буду, — но все-таки поостерегались. Да и я стала постороже следить, чтобы дотемна они не бегали на улице. Посмотришь, что сумерки спустились, никаких уж «чижика», «ножичка» не разглядеть — кликнешь в дом возвращаться, мол, дела ждут.

Случалось кому-то и покапризничать. По-

мню, как-то Алексей Иванович подшил Зое валенки, а ей цвет заплатки привиделся каким-то не таким. Алеше обидно показалось — он-то весь вечер возился — и в горячах даже запустил в дочь валенком, но в буфет угодил, стекло разбил. Зое это хуже всякого наказания было — расстройство отца. Она за ним в сени выскочила, слышу — прощения просит:

— Я не права, папа! Я не права.

Отец сам переживал, что из себя вышел. Ну ничего, ребенок тоже должен понять, что взрослый может быть усталым, расстроенным, что с этим считаться надо. Деликатность ведь проявлять всем необходимо.

Но отдельные случайности не портят общей картины согласия, что царил в нашей семье. Пишу о них, чтобы читатель не упрекнул меня в украшательстве, справедливость требует припоминать и то, что может кому-то сначала и не понравиться.

Грозная година

Тот воскресный день в июне сорок первого ворвался в нашу жизнь, как в жизнь всех советских семей, неожиданно, трагически.

Алексей Иванович по колхозным делам был с утра в сельсовете, откуда пришел прямо-таки почерневшим: война!

Уже в первые дни отправились на фронт наши деревенские парни. Первыми ушли комбайперы, трактористы, шоферы. Скоро уж всякая семья стала семьей фронтовика. Пришла весть, что ушел добровольцем на

фронт мой младший брат Николай, были мобилизованы муж младшей сестры Ольги — брянский рабочий Николай Ричардович, братья Алексея Ивановича. Сам Алексей не мог вступить в ряды Красной Армии: еще в младенчестве он получил тяжелую травму, одна нога у него была короче другой на несколько сантиметров. В мирной жизни это не особенно замечалось — Алексей Иванович мастерил себе сам специальную обувь, так что хромота не бросалась в глаза. Но ощущать он ее всегда ощущал: на здоро-

вую ногу падала двойная нагрузка, и Алеша к концу дня уставал сильно. Замечала это только я по особенной тяжести походки, но жаловаться было не в его характере.

То обстоятельство, что не может он стать красноармейцем, очень на Алексея Ивановича подействовало. Ведь всю жизнь он жил и работал как все, не меньше. А тут вдруг исключение из общего числа мужиков. Алексей Иванович стал мрачным, угрюмым и от общего горя, и от своей обиды. Думаю, что и тифом он заболел в первые дни войны не столько от заразы, сколько от своей обиды, общего горя. Лежал в больнице около двух месяцев. Поправился — вызвал его председатель, сказал, что нынче каждый мужчина на вес золота, просил заняться полеводством.

После первых дней растерянности пришла особенная собранность. Нам, колхозникам (а точнее, колхозницам), нужно было кормить армию. Враг захватывал все новые и новые плодородные земли Украины, Белоруссии, Прибалтики. Забот прибавлялось.

В то время я работала свиаркой. С фермы ушли на фронт все мужчины. Мы, женщины, работу поделили между собой. Свиноферма у нас в колхозе была знатная, а молодняка в том, сорок первом, было много. Нужно было сохранить поголовье. Нужно было и выполнять военное задание по поставкам мяса. Мы выполняли.

Наступил сентябрь. Старшие мои отучились. Зоя еще весной окончила с похвальной грамотой семилетку. Валентин не захотел повторять не усвоенный им курс, не пошел в школу. Мы не настаивали: военная пора, забравшая из хозяйства мужиков, требовала от подростков работы. По деревенским понятиям он был маленьким, потому что пошел в колхозную полеводческую бригаду. Трудился там на совесть.

Но все-таки один школьник у нас был.

Хоть тогда учиться ребята начинали с восьми лет, а Юре только шел восьмой, он, мечтавший о школе уже давно, 1 сентября 1941 года отправился в первый класс. Даже в тот военный сентябрь мы постарались все-таки отметить такой день. Я с утра пораньше побежала на ферму, накормила свиноматок, задала корм пороссятам, почистила клетки, а к восьми была уже дома. Провожали Юру братья, Зоя и я. Он шел гордый, в наглаженной матросочке, с Зойным портфелем, в котором лежал аккуратно обернутый сестрой в чистую газету его первый учебник — букварь.

Война не давала о себе забыть ни на минуту. Дни и ночи шли через деревню беженцы. Люди рассказывали, как быстро катился вал немецких армий, как уничтожали они наши города, села, как бомбили скопления военных колонн и мирных граждан. С запада в сторону Москвы ежедневно пролетали в ровном строю тупоносые немецкие бомбардировщики. «От Советского Информбюро...» — эти радиосообщения ждали, этих сообщений боялись. Потому что вести были страшные. Пали Минск, Рига, Таллин, Вильнюс, фашисты обложили Одессу, двигались к Ленинграду, а потом в сводках замелькали и вовсе близкие нам названия: Ельня, Смоленск.

В село пришли первые похоронки...

Слово «мобилизация» вошло в наш мирный, деревенский быт. Мы тоже считали себя мобилизованными, тоже считали себя военными людьми. Потому что работали для фронта, потому что работали за себя и за тех, кто ушел защищать нашу Советскую Родину от страшного врага.

Однажды мы услышали нарастающий шум мотора. Казалось, что самолет идет прямо на нашу ферму. Все свиарки выскочили во двор. Это был наш, советский самолет, ясно было, что с ним что-то неладное случилось, потому что летел он так низко.

что чудилось: вот-вот врежется в землю. Но он все тянул в сторону от построек, а потом сел где-то у нашей избы. Пришла — младших нету, сразу догадалась: они на болоте, куда спланировала военная машина. А тут в небе показался еще один красноразвездный самолет, он сделал круг, другой и уверенно приземлился на сухом твердом пригорке.

Чуть спустя прибежал Юра. Глаза горят от возбуждения, хочет поскорее все мне рассказать, потому сбивается, путается. Но я все-таки поняла. Первому летчику удалось выпрыгнуть из кабины уже над самой землей. Он даже не поранился. Ругался на гитлеровцев, кулаком им грозил. Подбежал летчик с другого самолета. Они стали договариваться, расстегнули плоские кожаные сумки, а там карты. Юра пересказывал каждую мелочь, передавал каждое движение, все время повторял слово «летчик»: «Летчик спросил: «Как ваша деревня называется?» Летчик сказал: «Ну гады, ну фашисты — заплатите!» Потом удивился: «Вы почему с портфелями?» И сказал: «Молодцы! Надо учиться! Нас не сломить!» Солнце припекало, летчик расстегнул кожаную куртку, а на гимнастерке у него — орден. Летчики — герои. Они храбро сражались в Испании. А орден называется — боевого Красного Знамени».

— А еще он мне дал подержать карту в кожаной сумке. Она планшеткой зовется. Мама! Вырасту — я тоже буду летчиком!

— Будешь, будешь! — говорила я ему, а тем временем поставила в кошелку крынку молока и положила хлеб. — Отнеси им, сынок! Да пригласи их в дом.

Но летчики не покинули машины. Дотемна не возвращались и ребяташки. Только поздно ночью пришли домой. Юра все повторял фамилию, которую назвал ему первый летчик.

...Уже после первого космического полета к Юре пришло письмо из города Горького.

Бывший военный летчик Ларцев писал, что он хорошо помнит тяжелый воздушный бой в сентябре 1941 года, вынужденную посадку у смоленского села, помнит и группу ребятков, которые рассматривали машину, а потом заботливо принесли поесть. И еще он писал: ему кажется, что он припоминает мальчишку, который все повторял: «Я буду летчиком, дядя!» Мог ли он, пилот военных лет, предположить, что на деревенском лугу в тяжелом сорок первом повстречался с будущим первым космонавтом планеты Земля? Ларцев писал, что болеет — дают о себе знать глубокие отметины войны.

...В ту сентябрьскую ночь летчики остались у боевых машин. Утром мы услышали рев взлетающего с пригорка самолета, увидели, как на болоте горит первый истребитель. На втором летчики улетели дальше воевать. Позаботились, чтобы ничего из боевой машины не досталось наступавшему врагу.

Гитлеровцы были уже рядом. Пала Вязьма. Через село шли колонны грузовиков — везли раненых. Шли наши войска. Красноармейцы были усталые, измученные. Мы смотрели на них и плакали, а они и головы не поднимали.

В колхозе заговорили, что всем надо эвакуироваться. Увязали на телегу самое необходимое. Брат Алексея Ивановича Павел Ивасович погнал на восток колхозное стадо, а я с другими свинарками — свиней. Но уйти далеко нам не удалось. В нескольких километрах от Клушина повстречались нам красноармейцы:

— Куда?

— Отступаем! — говорим.

— Впереди — немцы! — предупредили они. — Возвращайтесь.

Мы повернули назад. Свиней раздали по дворам.

Пушки грохотали уже где-то совсем рядом. Мы с Алексеем Ивановичем собрали

всех ребятшек в одной комнате — опасались, как бы не выскочили, не угодили под шальную пулю, осколок.

Наступил вечер. А наутро в село вошли люди в серо-зеленых шинелях. Они врываются в дома, везде шарили, кричали:

— Где партизаны?

Партизан не находили, а вот вещи утаскивали, хватали кур, гусей, еду. Через три-четыре часа в доме не осталось ничего. Последний каравай я запрятала ребятшкам, но высокий белоглазый солдат по запаху нашел его на печке.

— Оставь хоть по кусочку малышам! — укорила я гитлеровца, а он неожиданно на русском языке, высокомерно скривив губы, сказал:

— Еще напечешь! — и замахнулся на меня кулаком.

Он ушел, а Бориска заплакал от страха и обиды:

— Это кто? Кто это? Он наш или фашист?

— Гад! Вот кто! — угрюмо ответил Алексей Иванович.

Фронт был рядом, артиллерийская каюта гремела невдалеке. И мы надеялись, что скоро нас освободят. Но проходил день, другой, третий... Красная Армия не возвращалась. В селе обосновались немцы; они расположились в избах, а нас повыгоняли на улицу. Алексей Иванович отрыл на огороде землянку и сложил печь.

— Фашист нас уничтожить хочет. Не поддадимся! — твердо говорил он.

Мы старались понять, как обстоят дела на фронте, уловить любой намек, малейший луч надежды. Ведь газет-то, естественно, не было, радио молчало. Вот в сторону Германии пролетели эскадрильи наших самолетов — значит, есть силы у нашей армии! Вот повезли от Гжатска на запад раненых и обмороженных фашистов — значит, идут

где-то бои. Вот помягче в обращении с населением стали стоявшие на постое фашисты — значит, боятся, значит, где-то получили отпор.

Живший в нашем доме немец по имени Пауль стал спешно собираться. Перед самым уходом подошел к нам:

— Москва. Русская победа. Нам — капут. В Германии у меня трое киндер.

На другой день наш, советский самолет разбросал листовки с вестью о разгроме немцев под Москвой.

Но наши чаяния пока еще не осуществились. Мы оставались «под немцем» долгих полтора года: с 12 октября 1941 года по 6 марта 1943 года. Каждый из этих дней запомнился, оставил тяжелую зарубку на сердце.

Фронт был рядом, в нескольких километрах от Клушина, но мы были от наших буд-то далеко, где-то за чертой нормальной жизни.

Советские люди нынешних мирных дней, которые родились после победного сорок пятого, конечно, много читали, много знают о войне, о героизме воинов, отстоявших независимость нашей Родины, о том, как самоотверженно трудились рабочие и крестьяне для фронта, во имя победы, о бессонных ночах у станков, о титаническом труде на полях людей, поднявших из пепла страну. Знают много... Но невозможно до конца, полно представить весь ужас вражеского нашествия, то время, когда мы полностью находились во власти жестокого, бесчеловечного врага, когда речь шла о жизни и смерти. Враги могли выгнать нас из дома, отобрать у нас еду, скот, последнюю одежду, самую жизнь...

Жить или умереть. Но не только об этом шла речь. В дни, когда гадали, как раздобыть кусок хлеба, миску ржи, чугунок картошки, а раздобыв, радовались, словно важ-

ному событию, мы не имели права сосредоточиваться на том, как бы только выжить. У нас с Алексеем Ивановичем на руках были детишки, мы беспокоились, какими они останутся после оккупации, — не сломятся ли, не станут ли трусоватыми, забитыми. Конечно, это сейчас та забота складывается в четкие слова. Тогда было труднее. Было ощущение, что ты должен что-то сделать еще, кроме того, чтобы остаться в живых, чтобы сохранить детишек. Однажды я поделилась с мужем мыслями, сказала, что у меня такое чувство, будто вернулись дореволюционные времена. Он промолчал. А когда в землянке к вечеру собралась вся семья, как бы продолжая разговор, заметил:

— Помпишь, Юра, как ты мне о своем житье в Петербурге рассказывала, о борьбе рабочих, о Сергее?

Я, конечно, сразу же поняла, что он задумал, вот и ответила:

— Хорошо те дни припоминаю. Уж как тяжело рабочим было, а люди не сдавались, не разрешали капиталистам свое человеческое достоинство топтать, не продавались за кусок хлеба. Много было забастовок на Путиловском, хозяева тогда объявили: кто придет работать — денег получит больше обычного. Зря рассчитывали: предателей не оказалось. Семьи страдали, маленькие ребятинки от голода плакали, но даже они не уговаривали отцов и старших братьев, чтобы те шли продаваться за лишнюю копейку. Сережа нам тогда часто говорил, что нужно объединяться, надо противостоять, надо бороться. А выдержать борьбу могут только сильные и гордые люди.

Разговаривали мы с Алешей негромко, между собой. Я стояла у печки, спиной к нам, к столику, где сидели дети, но, даже не видя, ощущала, как они замерли, прислушиваясь к нашей беседе. Пусть слушают, пусть знают, пусть выводы делают!

В первые дни по приходе немцев Алексей Иванович вынул из своего валенка подкладку, которая делала его походку ровной, ходил, сильно припадая на левую ногу, кособочился весь: хромого-то немцы авось на работу не пошлют. Если что мастерил по хозяйству, то, случись фашист какой начнет наблюдать за работой, он сразу же становился неспортивным, неуклюжим. По делам ходил рано-рано утром, чтобы гитлеровцев не повстречать, лишний раз не кланяться. Да и я норовила поменьше показываться им на глаза, стараясь выглядеть неопрятной, неумелой, перасторопной — только бы им ни в чем не пособлять!

Уже после освобождения узнала я, что детишки наши воспринимали эти уроки. Юра да Бориска поделились, как они вместе с другими ребятами старались вредить гитлеровцам: разбрасывали по дорогам старые гвозди, битые бутылки, прокалывали шины у остававшихся в деревне автомашин, в выхлопные трубы заталкивали камни, куски глины. Да подбирались так умело, что гитлеровский часовой ни разу не смог их обнаружить.

Теперь в Клушине стояла эсэсовская часть. Наш дом занял фашист Альберт. Он заряжал аккумуляторы для автомашин. На досуге любил развлекаться. То на глазах у голодных ребят скармливал собаке аппетитные консервы, то начинал стрелять по кошкам, а то припимался рубить деревья в саду.

Детей наших он просто-таки ненавидел. Однажды Юра ворвался в землянку с воплем:

— Альберт Бориску повесил!

Я кинулась наверх. На дереве, подвешенный за детский шарфик, висел мой младшенький. А рядом, уперев руки в бока, закатывался от смеха фашист. Ему было интересно наблюдать за судорогами ребенка.

Я подлетела к яблоне, сдернула с дерева удавку, подхватила Бореньку на руки. Ну, думаю, если Альберт проклятый воспрепятствует, то лопатой зарублю! Пусть потом будет что будет, а ребенка спасу. Не знаю, какое уж у меня лицо было, только Альберт глянул на меня, сразу повернулся, в дом зашагал — сделал вид, что его кто-то окликнул. А я мигом в землянку. Боренька уж не дышал. Раздели мы его с Юрой, уложили на нары, стали растирать: смотрим — порозовел, глаза приоткрыл. Когда Боренька в себя пришел, а я смогла вокруг кое-что различить, обратила внимание, что с Юрой творится неладное. Стоит, кулачки сжал, глаза прищурил. Я испугалась, поняла — отомстить задумал. Подошла, на коленки к себе сына посадила, по голове глажу, успокаиваю:

— Он же нарочно делает, чтобы над тобой тоже поиздеваться, чтобы за пустяк убить. Нет, Юра, мы ему такую радость не доставим!

Думала, убедила сыночка. Прошло несколько дней, слышу, Альберт с мотоциклом своим возится, завести не может. Вышла из землянки, наблюдать издали стала. А уж когда он из выхлопной трубы мусор какой-то выковырял, сразу все поняла. Альберт ругнулся, к нам зашагал. Я к нему навстречу пошла, поравнялась, он мне на ломаном русском и говорит:

— Передай твой щенок, чтобы мне на глаза не попадаться.

На большее не решился. Может, все-таки испугался мести матери или чего другого. Фронт тогда уже дрогнул, артиллерийская канонада не умолкала. Всем было ясно: немцам здесь долго не продержаться.

Несколько дней Юра не ночевал дома — устроила я его у соседей, подальше от ненавистного Альберта.

Клушино наше, как я говорила, было

прифронтовым. Войск немецких стояло немало. Село часто подвергалось обстрелу нашей артиллерии, налетам авиации. Мы сидели в землянке, считали бомбовые удары, артиллерийские залпы, но воспринимали их как привет Родины.

Припоминаю: в конце лета это было, пошла я со старшими на соседний луг накопить травы для домашних нужд. Вдруг слышался гул приближающихся самолетов. Глядим — наши летят. Складно так, враз разворачиваются и пикируют на село. Прикинули: метят в большой немецкий склад. Фашисты ответный огонь открыли, подбили один бомбардировщик, огонь на нем вспыхнул, он летит низко, над крышами. Весь в огне, как большой костер, а сам стреляет и стреляет, развернулся и опять вдоль улицы летит. Там фашистской техники, войск полно было. Валентин вскочил, руками размахивает, кричит:

— Так их! Бей гадов!

А я думаю: как там Юра с Бориской, небось из землянки выскочили, бой наблюдают?

Раздался страшный взрыв — самолет врезался в самую гущу немецкой техники на деревенской площади. Бой затих. Мы побежали к селу. Ребята встретили нас у крайних изб, перебивая друг друга, захлебываясь, о бое рассказали. Как я и предполагала, они с первыми взрывами на улицу выбрались, легли на огороде. Я их ругать стала, страдать, что убить их могло, ранить, а они мне в ответ:

— Так это же наши самолеты были. Своих своих убить не могут...

Валентин к вечеру принес кусок конины — лошадей погибло так много, что немцы не в силах были туши ни вывозить, ни охранять.

Вот так я, как заботливая клуша, старалась спрятать под крылышко младших —

непокорных и непослушных. А беда пришла с другой стороны.

18 февраля 1943 года поутру раздался стук прикладом в двери нашей землянки. Я открыла. Гитлеровец, остановившись на пороге, обвел вокруг взглядом, глаза его задержались на Валентине:

— Одевайся! Выходи.

Я попыталась протестовать, но он замахнулся на меня автоматом:

— Шнель, шнель! Быстрее! Германия ждет!

Автоматчики согнали на площадь совсем молодых парней, построили, окружили и повели. Угоняли в неизвестность, в неволю, на муки.

Как же разрывалось мое сердце! А прошло пять дней — снова стук в дверь. Думаю — ошиблись, некого у нас больше забирать. А фашист, внимательно всех оглядев, в Зоину сторону пальцем ткнул:

— Девочка! На платок! Одевайся.

Я к нему:

— Посмотрите, она же маленькая. Толк какой с нее? Оставьте!

Эсэсовец даже не глянул на меня, через мою голову Зое говорит:

— Ждать не буду! Ну!..

Шла я за колонной наших девушек до околицы. А там на нас, матерей, фашисты автоматы направили, не пустили дальше. Стояла я, глядела вслед удалявшейся колонне.

Не помню, как домой добрела. Сына забрали — было тяжело, а дочку увели — стало вовсе нестерпимо. Какие только мысли да опасения в голове не бились! Пятнадцатилетняя девочка, да в неволе, на тяжелой работе, в полной власти фашистов, у которых и человеческих понятий-то нету совсем...

День ото дня нарастал гул боев. Через деревню потянулись отступавшие части гит-

леровцев. Теперь это были уже не те нахальные мерзавцы, которые полтора года назад входили в село. Укутанные в обрывки одеял, тряпье, в грязных повязках, с обмороженными лицами, они являли собой жалкое зрелище. Но мы-то знали, что они еще на многие мерзости способны.

Я видела, что Алексей Иванович теперь старается почаще быть на улице, у дороги. Он наблюдал за всеми передвижениями фашистов. Под вечер обычно засыпал недолгим сном, а потом, как на дежурство, опять выходил. Как-то вернулся с тремя нашими советскими автоматчиками — встретил их Алексей Иванович на Мясоедовской дороге. Ребятишки лежали тихо на нарах, но я почувствовала: проснулись, наблюдают.

Вынула я из печи приготовленный на утро котелок с картошкой, — соли не было, разлила по кружкам горячую воду, на травах настоянную, — пахнуло домом, хоть и сидели мы в землянке.

Разведчики стали расспрашивать о расположении немецких батарей, огневых точек, о сосредоточении фашистов. Алексей Иванович точно да толково все рассказал. Не зря, значит, он часами по селу ходил да все высматривал! Солдаты наши на карте отмечали. Я глядела на бойцов и наглядеться не могла: вон какие они ладные, здоровые, и полушубки у них исправные, и валенки аккуратные, и маскхалаты хорошо пригнанные. А лица-то родные, милые!

Засиживаться бойцам было некогда. Уходя, сказали:

— Ждите. Скоро будем.

Поутру Юра спросил у отца, кто приходил. Алексей Иванович глянул на него с хитринкой, сказал: «Да это сон тебе приснился». Мальчику спрашивать больше не стал, но видела я: все понял.

В одну из первых ночей марта я услышала, как Алексей Иванович осторожно сполз с

нар, стараясь не скрипнуть дверью, вышел из землянки. Отсутствовал долго. Возвратился, увидел, что я не сплю, — тихо, едва бы разжимая, рассказал:

— Последние немцы ушли. Дорогу заминировали. Если со мной что случится — запомни: мины напротив нашего дома, да у дома Беловых, и еще около сушкин-

ского дома. Запомни, Нюра, и предупреди наших.

Сам погрелся немного и опять пошел на свое добровольное дежурство. Утром я разыскала в хозяйстве две дощечки, вывела на каждой крупно: «Мины». Эти знаки Алексей Иванович укрепил в начале и конце заминированного участка.

Освобождение

Вскоре в село вошли части нашей, родной Красной Армии. Какой же это был праздник! Все, кто остался жив, вышли на улицу, кричали «ура», звали в избы.

Подтянутые, стройные, шагали солдаты. А какие у них веселые были глаза! Удача красит людей, успех придает силы. И хоть наступление — это тяжелая пора, как все тяжело на войне, но это было славное время.

Мы смотрели, узнавая и не узнавая наших бойцов. Они отличались от войск, что прежде покидали с боями свои родные земли, и четкостью рядов, и особенным, вдохновенным выражением лиц, и даже формой. На плечах у бойцов и офицеров уже были тогда погоны.

Командир части, которая вступила в наше село, сразу же разыскала Алексея Ивановича, сказал, что благодарит его от имени всех бойцов и командиров за точные сведения, за предупреждение о минах. При всех обнял и расцеловал. Ребятишки очень гордились отцом. Юра даже спросил:

— Мама! Полковник расцеловал папу

как солдата, правда? Ты слышала, как он сказал: «Благодарю за службу!», слышала?

Еще грохотали близкие бои, а в селе возрождалась наша, советская жизнь. Пора уже было думать об урожае. Командир части, расположившейся в нашем селе, распорядился, чтобы саперы осмотрели поля, очистили их от мин, перазорвавшихся снарядов. Собрались мы, посчитали свои силы... Грустные это были смотрины: мужики на фронте, молодых парней да девушек фашисты угнали в Германию. Но что делать: трудиться надо. От хлеботорба самая жизнь зависит.

Вечером мы читали «Правду». Ее оставили нам вступившие в Клушино пехотинцы. В ней была напечатана фотография — митинг в Гжатске, заметка об освобождении города. У жителей лица радостные, все улыбаются, а в центре полковник читает приказ Верховного Главнокомандующего. Были и другие материалы о нашем районе. Мы эту газету прочитали от строчки до строчки, начиная с названия. Начал Алексей Иванович:

— «Правда». Издается с 1912 года. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Прочел, а у меня прямо-таки дух захватило, слезы на глазах! Еще несколько дней назад мы такие слова не смели произнести. Под угрозой казни. Но произносили, армию нашу ждали. Как могли ей помогали.

9 марта, в Юрин день рождения, был ему сделан самый желанный подарок: возобновились занятия в школе.

Накануне учительница Ксения Герасимовна Филиппова обошла все деревенские дома, извещала, чтобы на завтра к 9 часам все собрались в доме Веры Дмитриевны Клюквиной — там будет школа. Изба у Веры Дмитриевны была большая, а семья — она одна, вот и попросила Ксения Герасимовна разместить классы у Клюквиной. Школу-то нашу, которой колхоз до войны гордился, немцы сожгли при вступлении в Клушино. Вера Дмитриевна охотно согласилась, избу всю почистила и полы вымыла, у соседей лавки подзаняла, старалась как можно лучше все устроить.

Я разыскала на чердаке Юрин портфельчик. А положить в него было нечего: букварь и другие учебники пошли на растопку у гитлеровцев, ни одной тетради не осталось. Но ученик есть ученик, должен быть с портфелем. Проводили мы Юру на уроки с пустой сумкой.

Вернулся он возбужденный, стал делиться впечатлениями. Учебников в классе не было, по командир полка передал Ксении Герасимовне Боевой устав пехоты. По нему то и овладевали грамотой. В одной комнате располагалось по два класса: сначала первый и третий. Заканчивались у них занятия — начинали учиться второй и четвертый. Ксения Герасимовна сразу же дала задание: набрать гильз, чтобы по ним учиться счету, поискать в домах бумагу. Любой клочок был необходим, каждому листику радовались.

Многого в школе не хватало. Даже так скажу: ничего не было. А учила Ксения Герасимовна ребят хорошо. Да и воспитывала по-настоящему, по-советски. В школе (в доме Клюквиной) даже самодеятельность была. Помню, учил Юра стихотворение (автора его я не знаю), декламировал его с большим чувством. Оно и мне запомнилось:

Юноша прямо стоит на допросе,
Молча стоит он — ни слова в ответ.
Немец-жандарм закурил папиросу
И достает комсомольский билет.

— Вот и билет твой,
Я предлагаю: ты откажись,
отрекись от него,
Жизнь сохранить я тебе обещаю,
Жизнь — что на свете дороже всего?

Что в нем хорошего?
Книжка — не боле,
Книжку сожги —
И допросу конец.

— Нет, не сожгу, —
Отвечал комсомолец, —
Пусть лучше сердце
Сожжет мне свинец..

Потом в стихотворении говорилось, что комсомольца казнили, облив его водой, он заledenел, но не сдался:

Так и стоял,
Измытая над катом,
Долго по телу
Струилась вода.

Так и остался
Стоять он у хаты,
Точно был вылеплен
Весь из льда.

Но не водой ледяною облитый
И не покрытый корой ледяной,
Вылит из бронзы и солнцем залитый,
Будет он вечно стоять над землей.

Это стихотворение Юра читал не раз. Уже потом, когда мы переехали в Гжатск, он его декламировал на школьном вечере самодельности. Читал его как клятву, как солдат присягу произносит.

Юра сразу учиться стал старательно, все задания выполнял. Немалое значение имело и то, что он понимал: учительнице нелегко приходится одной обучать ребят четырех классов, да еще нет учебников, никаких школьных пособий. Юра всегда был добрым, отзывчивым. Вот он и стремился не расстраивать учительницу и мне поменьше доставлять беспокойств. Ведь в семье у нас жила тревога за судьбу Валентина и Зои. Каждый из нас, Гагариных, сдерживал себя. Алексей Иванович, Юра, Бориска старались не говорить о горе. Да и я дома держалась. Только по дороге на ферму, в поле, когда вокруг никого не было, давала волю слезам.

Через несколько месяцев после освобождения пришла похоронка на моего младшего брата Николая. Он погиб в то время, когда мы были в оккупации, погиб, отвоевая у врага родную землю. А вскоре пришла другая горестная весть из его семьи, из села Затворова. Подорвался на mine его сынишка, его тоже звали Коля, был он на два года помладше Зои.

Побежала я в Затворово. Хоронили его все оставшиеся в селе жители. Как же все горевали! Страшно, когда умирают дети! Дедушка не дал отнести его на кладбище, схоронил в саду, под окнами избы. Стояла я у могилы, сердце закаменело от горести. Разные мысли всплывали. Говорят, что война своей костлявой, смертельной рукой коснулась каждой советской семьи. Это правда. Подумалось, что у нас-то погубила целый род, никто уж не носит на земле фамилии отца моего Тимофея Матвеевича, путиловского рабочего.

У Сергея, старшего брата, семьи не было, меньший — Николай — погиб, а тут и Колю хороним.

Есть такое выражение: глаза все повыплакала. Оказывается, оно-то буквальное. Скоро я стала замечать, что у меня с глазами творится что-то неладное.

Обычно женщины наши просили меня читать газеты, журналы, которые доставляли к нам на ферму, в бригады. Говорили:

— У тебя, Нюра, лучше всех получается, ты с выражением читаешь.

Через месяц-другой после освобождения заметила я, что буквы на газетной странице как-то подергиваются, потом и другие предметы стали мелко подрагивать...

Болезнь успокоилась, лишь когда пришли известия о старших. Первое письмо было из Дорогобужа. Неизвестная женщина переслала Зоину записочку. Женщина писала, что в ее хате немцы расположили группу наших советских девушек, которых гнали на запад, что девушки все держатся стойко, все вместе.

Однажды летом сорок третьего поздним вечером раздался в окно стук. Выглянула — две женщины стоят, на столбик крыльца оперлись, чувствуется, устали. Много тогда людей бродило, что без крова остались. Пошла открывать, а сама прикидываю: уложить уложу, а чем накормить-то?

Открыла, а они мне:

— Нюра! Живая!

Гляжу: сестра Мария и тетя моя — Надежда Егоровна. Были они с начала войны в эвакуации, в сорок третьем вернулись с семьями в Москву. Как узнали, что Гжатск освобожден, решили пробраться, родных поискать. Долго сидели, разговоры разговаривали. Тяжелое было время. Война. Мужья их были на фронте. Каждый день жди: минует — не минует... Неизвестно ничего было

о нашей младшей сестре Ольге: осталась она с детишками «под немцем» в Брянске. Вестей не было никаких. Я поделилась своим горем. Поплакали мы все вместе. Утром они в обратный путь собрались. Отдала я им мешочек сухарей, что держала на самую-самую крайность. Рассудила: мы у земли, прокормимся, им тяжелее, чем нам. Уж потом, после войны, племянница Надя, дочка Марии, все спрашивала:

— Тетя Нюша! Что вы тогда за сухари прислали? Вкусны-ые!

Вскоре почтальонца принесла сложенный треугольником листок бумаги — письмо от Валентина. Оказывается, он сумел бежать из плена, перейти линию фронта. «Теперь я советский солдат!» — писал Валя. Он стал танкистом, башенным стрелком. Юра и Бориска в тот день всю деревню обегали, сообщали всем о письме Валентина, о том, что его часть героически сражается с фашистами, бьет гитлеровцев беспощадно.

Потом от Вали пришло еще письмо, а в нем — фотография, маленькая такая, а на обороте надпись: «Привет с фронта. Жду писем. Мой адрес: полевая почта № 75417 «а». Сколько времени прошло, а строчки те все перед глазами. Радость не меньше горя отпечатывается.

А следом новое сообщение — уже от Зои. И ей удалось вырваться из фашистской неволи. Конечно же, она тоже стала помогать Красной Армии. Поскольку годами еще не вышла, в действующие на переднем крае части ее не записали, тогда она пошла в ветеринарный военный госпиталь. «Мне очень пригодились мои деревенские знания, — писала моя дочка. — Я ухаживаю за ранеными лошадьми. Мы возвращаем их в строй, чтобы наши кавалеристы могли громить фашистов, могли отплатить за горе советских людей».

Алексей Иванович к тому времени жил в Гжатске. Сразу же после освобождения нашего района он попросил использовать его на военных объектах. Его направили в госпиталь, потом он охранял военные склады. Я продолжила работать в колхозе. Дети были при мне, зимой учились в школе, летом помогали в меру своих детских сиденок, а точнее сказать, в полную меру своей недетской ответственности. Ребятишки во время войны росли медленнее, а выросли мгновенно.

Уже в первую весну по освобождении увидела я, как Юра и Бориска на скотном дворе раскопали из-под рухляди плуг.

— Зачем? Это не игрушка, — говорю.

А Юра мне в ответ:

— Пахать надо.

А как пахать: во всем колхозе ни одной лошаденки.

— Так мы ж за коней будем!

Попытались. Конечно, сдвинуть плуг было не под силу мальчишкам. Вскопали поле вручную, но уж бороновать решили предложенным ими способом. Выпряглись сыновья в борону, склонились от усилий, к земле пригнулись — и двинулись. Я иду, борону направляю, а сама плачу: ребята уж больно жалко. До конца поля они дошли, оглянулись — пот по лицам течет, а улыбаются. У Юры улыбка широкая, задирстая:

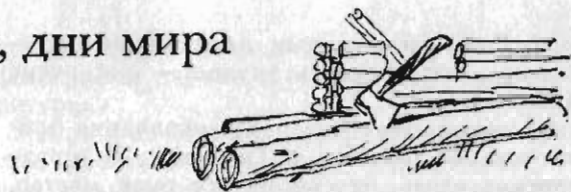
— Мама! Ты плачешь или устала?

Мне даже совестно стало своей слабости: дети малые не сдаются, а я духом пала. Отвечаю:

— Не плачу и не устала, солнце припекло.

Огород весь вскопали, только тогда мальчишки побежали играть: палки, как автоматы, схватили, начали свои бесконечные бои, которые неизменно оканчивались нашей победой.

День Победы, дни мира

Сохранились документальные кадры, как советские люди встречали День Победы. В Берлине воины-освободители в победном салюте подняли руки с автоматами. Рабочие заводов и фабрик выходили на городские площади, собирались на митинги. Ребятишки в школьных дворах устраивали демонстрации. Меньше почему-то осталось фотодокументов о трудовом ритме этого дня. А ведь работа продолжалась. Не покинули своего места у операционного стола хирурги и акушерки в родильных домах, машинисты поездов оставались в кабине летящих вперед паровозов, точно по графику курсировали составы Московского метрополитена, не могли отвлечься ни на секунду доменщики и сталевары.

Но праздник был у всех, радость захватывала безбрежная.

Веспа сорок пятого выдалась ранняя. Сеять мы начали еще перед майскими праздниками. Торопились, а силенок было мало. Рассчитывали каждый час, учитывали каждую пару рабочих рук.

По снегу еще прибыл в колхоз трактор. График ему был составлен чуть ли не на круглые сутки работы, обслуживали его три трактористки, чтобы в простое «стальной конь» не был.

Утром девятого мая позвали меня и Анну Алексеевну Дербенкову в правление колхоза, председатель Иван Васильевич Бурдин говорит:

— Горючее для трактора на исходе, поезжайте-ка, женщины, в Гжатск.

Запрягли мы бурешку, на телегу закатали

железную бочку, поехали. Подъезжаем к селу Затворову, — людей на улице полно, песни поют, нас окружили:

— Куда едете?

— За горючим для трактора в Гжатск.

— Никого там на складах не найдете.

Победа!

Мы с Анной посоветовались, решили вернуться. Но все-таки местного председателя в Затворове разыскали, взаймы горючего попросили. У них у самих запас небольшой имелся, но поделились.

Вернулись в Клушино — там тоже ликование. Ребята по улицам носятся, плакаты самодельные развесили на домах. «Ура! Победа!» — написано. У правления колхоза женщины собрались, смеются, переговариваются, планы строят, когда теперь мужья домой вернутся. Это, конечно, у тех, кто похоронки не получил.

Председатель на крыльцо вышел, поздравил всех с великим праздником, а потом тихо добавил: «Товарищи, время не ждет!»

Мы с Аней поехали в поле, к трактористкам, а потом объехали и другие бригады. Весть-то надо было донести до всех.

Когда говорят о Дне Победы, мне видится, как деловито идет по полю наш колхозный трактор, как сноровисто пашут на коровах клушинские женщины, трудовым энтузиазмом встречают Мир.

Урожай, что заложили в победном сорок пятом, собрали богатый. Но сколько же еще было в стране незалеченных, пострадавших от войны полей, неотстроенных поселков, городов, деревень, разрушенных заводов, фаб-

рик! Раны, нанесенные нашествием гитлеровцев, затягивались трудно — уж очень много их было!

Алексей Иванович после окончания войны остался работать в Гжатске. В городе присмотрелись, что он на все руки мастер, пригласили плотничать в квартирно-эксплуатационную часть. Решили мы с ним дом в город перевезти. Пока по старой военной привычке оборудовали на выделенном участке на окраине Ленинградской улицы маленький домик.

Более двадцати лет была я к тому времени замужем за Алексеем Ивановичем, но вот начинал он новое дело, к которому, кажется, подступиться невозможно, и я невольно любовалась им, как, бывало, в молодости: до чего же у него все складно да ловко получалось! Так и с переездом на новое место. Решили перебираться, я похолодела: сколько забот, трудов, мороки! Подумать боязно: с насиженного места стропуться! Алексей Иванович успокаивает:

— Нюра, это только кажется, что трудно. Одолеем! — Стал перечислять: — Яму под фундамент да под печь в начале лета выкопаем, а уж там дела пойдут. Фундамент в Гжатске сложим. Избу клушинскую разберем, пронумеруем все бревнышки, собрать — проще простого. Не один дом чужим строил. Никто, сама знаешь, не жаловался. Себе неужто не сделаю? Балки в доме крепкие, полы не гнилые, крышу подлатаем. Чего же ты, Нюра, боишься, я же все эти работы, считай, с закрытыми глазами могу сработать. Так говорю?

Не спорю. Успокаивать успокаивал, но заметила: сам готовился загодя, осмотрительно, неспешно. Видно, крепко спланировал, какую работу за которой выполнять. Юра с Бориской ему помогали по-взрослому. Землю копали, раствор месили, песок таскали, глину мяли, кирпичи подавали.

Вечером собиралась наша семья за ужином. Алексей Иванович говорил:

— Ну, мать, давай-ка нам, мужикам, поесть.

Однажды весенним вечером глянула я в окошко, вижу — идет к нам девушка. Еще и сообразить не смогла, кто же это пожаловал, а сердце застучало радостно. Девушка уверенно толкнула дверь — вошла: Зочка! Бросилась я к ней, от радости слезы льются, всю-то ее потрогать хочу: живая, целая, невредимая. Потом отстранилась, чтобы лучше рассмотреть, а у нее у самой все лицо мокрое. Ребята за столом сидели, уроки готовили. Смотрю, Юры нету. А он вмиг за печку бросился, где на плечиках его школьная одежда висела, оделся, даже галстук повязал. И вот он тут как тут стоит приваренный. Хотел, значит, своей сестре-наставнице во всей красе показаться, похвастаться, что уже и в пионеры принят. Зоя глядит на них, глаза сияют.

— Неужели Юрка так вырос?! А Бориска-то взрослый стал! Отец...

Смотрю на Алексея Ивановича, он просто помолодел от счастья. Но, чтоб слез не заметили, отвернулся, сглотнул комок, говорит:

— Вот и еще подмога прибыла. Теперь и вовсе легко будет с переездом.

Усадили мы Зою за ужин, а ей есть некогда, все рассказывает, как воевала, как потом лошадей из их ветеринарного госпиталя отправляли в колхозы и совхозы, что по дороге домой видела. Засиделась за полночь. Ту ночь я впервые с начала войны спала спокойно.

Дом в Гжатске был таким же, как и в Клушине: в три небольшие комнатки, с вместительной кладовкой, с погребом, пристроенным скотным двором. Нам, сельским жителям, даже и в голову не приходило, что можно в хозяйстве обойтись без коровы, кур, поросенка или без собственной картошки,

овощей, яблок. Долгими десятилетиями складывалась наша крестьянская психология, наше понимание: крестьянин не должен (не может!) на хлебном у общества быть.

В Гжатске Юра пошел учиться в третий класс, а Бориска — во второй.

Отвела я Юру в школу при педагогическом училище, называлась она базовой. Учительница Юрипа — Нина Васильевна Лебедева — мне очень понравилась. Была она совсем молодецкой, лицо у нее было доброе, приветливое. Ребята ее любили. Это сразу же замечаешь. О любимом учителе ребята постоянно говорят, на него ссылаются. Вот Юра часто повторял: «Нина Васильевна сказала, Нина Васильевна объяснила, Нина Васильевна рассказала...»

Рассказывала она им много и о многом. Как-то Юра прямо с порога поспешил поделиться: «Мама! Я учусь в историческом доме».

Оказывается, базовая школа располагалась в доме, принадлежавшем когда-то купцу Церевитинову. Именно сюда был приглашен гжатчанами Кутузов, когда он, назначенный главнокомандующим, ехал через Гжатск к войску в Царево-Займище. В войну 1812 года принял на себя наш смоленский край немало ударов, как немало и славных страниц вписал он в историю Отечества в этой войне. Тут, под Гжатском, начал действовать партизанский отряд Дениса Давыдова, партизанские отряды крестьян, которые немало досаждали французам. В отместку наполеоновские войска сожгли Гжатск и окрестные селения.

Но более всего Юре запали в душу рассказы учительницы о Владимире Ильиче Ленине, о его детстве, семье, родителях, старшем брате, о ленинской справедливости и доброте, которые формировались еще в детские годы. Помню, как однажды Юра сообщил: «Нина Васильевна читала книжку о

детских годах Володи Ульянова, там была фотография табеля с отметками. Сплошные пятерки».

Юра и до того дня занимался хорошо, тут стал особенно стараться. Пока все-все на дом заданное не выполнит, спать не ложился. Тетрадки у него были аккуратные. Учебников тогда было мало, выдавался один на несколько человек. Юра других ребят приучал обращаться с книгами бережно. Учебники их были заботливо обернуты в газеты, красиво подписаны.

Немало Юра рассказывал о своих одноклассниках. Уже окончилась война, но рубцы ее навечно остались во многих советских семьях. Вот и в рассказах Юры часто звучало: «У такого-то отца убили», «У такой-то брат не вернулся с фронта», «Тот — сирота», «У Паши Дешина старшего брата расстреляли». Обычно этим Юра объяснял неуспеваемость того или другого одноклассника. Он передко говорил:

— Пойду пораньше, задачку надо объяснить.

Бориске предлагал:

— Давай помогу!

Но мой младший не очень-то хотел заниматься. Готов был любую работу по дому сделать, только бы за уроки не садиться.

В те годы школьники сдавали экзамены после четвертого класса. Юра получил за годовые контрольные по арифметике и диктанту «отлично», перевели его в пятый класс с похвальной грамотой.

Заведовала базовой школой Елена Федоровна Лунова из соседнего с Клушином села Воробьева. Когда она жила в деревне, мы дружились, вместе хозяйственные дела решали, книжки одни читали, впечатлениями обменивались. Вручила она мне Юрину грамоту и говорит: «Нюра, сын в тебя пошел, читать любит, памятливей».

Базовая была четырехлетней. В пятый

класс Юра стал ходить в другую школу — дальше по Советской улице. Сейчас в этом двухэтажном здании жилой дом. Он и до войны, по-моему, был жилым. В школу был превращен в силу необходимости: ведь в Гжатске после фашистского нашествия оставшихся пригодными зданий было наперечет. В первую очередь Советская власть подумала о детях, о здоровье людей. Уцелевшие дома, требовавшие небольшого ремонта, сразу же были отданы под школы, Дворец пионеров, детские сады, ясли, больницы.

Сейчас, восстанавливая в памяти события, хочу, чтобы и читатели мои представили себе те условия, в которых учились и жили ребята военного детства. Классы — бывшие жилые комнаты — были небольшими, парт в них не было, а стояли сколоченные из досок длинные столы и скамьи. Пришла я на первое родительское собрание, еле протиснулась за стол, думаю, как же ребята к доске выходят отвечать? Скамьи и столы стоят почти вплотную к стенам. Юра на мое недоумение рассмеялся, объяснил:

— А мы под столом пролезаем!

Отапливались классы недостаточно — дров и для детских садов не хватало. Вот и сидели школьники зимой в пальто. Чтобы писать, приходилось им пузырьки с чернилами отогревать на груди.

Но они не унывали. Ребята, пережившие оккупацию, познавшие издевательства врагов, рады были малейшей возможности учиться. Надо сказать, что и мы, взрослые, не считали все мною перечисленное трудностями или какими-то особенными сложностями. Так жили все советские люди. Преодолевая разруху, восстанавливали заводы и фабрики, строили школы, МТС, деревни, больницы и собственное жилье.

Тогда ребята на такие условия даже внимания особого не обращали, не обсуждали их. Как не считаем мы чем-то из ряда вон

выходящим январские морозы, февральские метели, ветреные вечера или иссушающий летний зной. Они есть. Они — условия нашей жизни.

Интересы Юры, Бориски, их товарищей были в другом.

Вот Юра сообщил, что его и других ребят приняли в пионеры, потом товарищи выбрали его председателем совета отряда. Каждый вечер он наглаживал свой пионерский галстук, чтобы утром завязать его аккуратно, выправив узел, расправив концы. Сейчас мне думается, что в эту операцию он вкладывал особый смысл. А может быть, так оно и было?! Ребенок, пережив оккупацию и повзрослев, особенно трепетно ценил все завоевания Советской власти, гордился ими, считал себя приобщенным к борьбе за свободу и независимость Отчизны.

У меня такое впечатление, что Юра старался охватить все. Участвовал он и в художественной самодеятельности. В школе они задумали сделать театр теней — сколько же рассказов было о спектакле «Сказка о попе и его работнике Балде»! Ребята сами вырезали из картона фигурки действующих лиц, прикрепили их к лучинкам, учились водить за натянутым полотном. Юра исполнял роль Балды, слова учил по вечерам, здорово изображал этого умного работника. Его друг Лева Толкалин был главным осветителем. Юра рассказывал, как тот умело использовал большой трофейный карбидный фонарь. Декорации, афиши ребята тоже рисовали сами. Конечно, они были не такие красивые, как рисунки настоящих художников, но детишкам они были дороже и очень нравились. В день после спектакля Юра так подробно рассказывал дома о состоявшемся представлении, о реакции публики, так выразительно изобразил действующих лиц в спектакле, что мы все будто побывали в этом театре.

Интересный был вечер, радовались все — и я, и Алексей Иванович, и Бориска, и Зоя, и ее муж Дима.

Увлекались они слевой и фотографией. Лева где-то нашел старенький фотоаппарат, напоминающий пынешний «Любитель». Целыми вечерами они его разбирали, чистили, что-то вытаскивали, заменяли какие-то детали. Но фотоаппарат все никак не поддавался. Потом заработал. Ребята задумали приладить приспособление, чтобы он «щелкал» через несколько секунд и можно

было бы самому фотографу запечатлеться на снимке. Задуманное удалось. Ребятишки сфотографировали свои семьи, потом побежали в школу, там рассказали о своем успехе классной руководительнице Ольге Степановне Раевской и даже сфотографировались вместе с ней. Потом для стенгазеты запечатлели своих товарищей на занятиях в классе и на уборке моркови. Стенгазета привлекла

Юра Гагарин в школьные годы.

внимание всей школы. Юра и Лева были горды тем, что смогли выпустить интересный номер газеты. С фотоаппаратом не расставались. Именно этим нехитрым аппаратом сделаны почти все детские снимки Юры в Гжатске.

Казалось, Юре везде хотелось поспеть. Объявили, что во Дворце пионеров создается духовой оркестр. Он туда записался. Да так упорно стал заниматься, что отец раз не выдержал:

— Марш из дома! Уши болят.

Юра трубу прихватил, пошел на улицу, примостился на дровах, что к задней стороне дома были сложены, стал играть. В те дни пастухи по утрам коров в стадо дудочкой собирали. Наша Зюмка знакомый звук услышала, заволновалась, мычит — в поле просится.

Алексей Иванович послушал-послушал, рассмеялся, за Юрой пошел:

— Нечего скотину нервировать. Ладно уж, возвращайся в дом, потерпим.

— Пап! Я постараюсь играть потише.

Но разве на трубе потише получится? Ничего, вытерпели. Я-то даже и не замечала рева, наоборот, радовалась, что вот у сынка все получается, за что ни возьмется.

Не только развлекались ребята. Пионеры вместе со взрослыми расчищали от битого кирпича улицы, за городом на месте искорененных войной деревьев сажали новые, всем отрядом выезжали в колхозы на уборку овощей. А в воскресные дни уходили в лес. Нет, не в походы. Разыскивали могилы наших бойцов, обихаживали их, украшали цветами, устанавливали памятные доски.

Юра рос очень компанейским. У нас постоянно хороводились его товарищи. То они что-то вместе мастерили, то репетировали, то уроки готовили. Особенно часто бывали Лева Толкалин, Слава Нижник, Валя Петров, Паша Дешин, Тоня Дурасова, Володя Попов.

Паша Дешин — он был постарше — и предложил Юре на лето пойти работать в городское подсобное огородное хозяйство. Работа там была разная: сажали овощи, окучивали, поливали. Осень пришла — Юра с гордостью привез на тачке картошку, лук, выданные ему за труды.

Часто очень Юра занимался с неуспевающими ребятами. Пашу Дешина даже «вытянул» из второгодников. Безусловно, увлеченность привили ему прежде всего его учителя. Литературу и русский язык преподавала им Ольга Степановна Раевская, она же была классным руководителем. Уроки ее были очень интересны, могу об этом судить по тому, с каким увлечением рассказывал о них Юра. Он говорил о жизни Пушкина, Лермонтова, об их творчестве. Пересказывал произведения, разучивал отрывки, стихи. Ольга Степановна умела донести глубокий смысл творений Гоголя, басен Крылова. Она приучала ребят любить родной язык, уважать книги, пропикать в смысл написанного. Именно Ольга Степановна подсадила ребятам идею теневого театра, она же помогала составлять литературные композиции для торжественных вечеров.

Химию и биологию вела Елена Александровна Козлова, математику в пятом классе — Зинаида Александровна Комарова, в шестом — Натан Вульфович Марьяхин, географию — Антонина Васильевна Иванова, а завучем была Ираида Дмитриевна Троицкая — депутат Верховного Совета СССР.

Но, пожалуй, в нашей семье больше всего звучало рассказов о Льве Михайловиче Беспалове. Это и понятно. Юра увлекался физикой, а Лев Михайлович с увлечением преподавал ее ребятам. Еще не встретившись с ним на родительском собрании, я уже хорошо представляла его по живым Юриным рассказам. Их физик служил в рядах Красной Армии, был не то штурма-

ном, не то стрелком-радиом. Демобилизовавшись, пришел в школу, чтобы опять заниматься своим любимым делом. Ходил он в военном кителе, только без погон. Было ему лет тридцать. Лицо было доброе, но чуть сдвинутые брови делали его строгим.

В школе он вместе с Зинаидой Александровной Комаровой организовал технический кружок, в который Юра тотчас же записался. Ученики под руководством наставников сделали летающую модель самолета, смастерили бензиновый моторчик и как-то отправились на пустырь запускать свою модель. Разговоров о том, как эта машинка — «проворная, как стрекоза», — взяла и полетела к солнцу, было не на один вечер!

— Хочу быть летчиком! — заявил Юра. Тогда к его словам мы отнеслись как к детскому лепету: кто из тогдашних ребят не мечтал летать!

В школе по подсказке Льва Михайловича прочел Юра книгу о жизни Циолковского. Любовь к этому человеку, восхищение его одержимостью, страстностью, бескорыстным служением идее космических полетов пронес сын через всю жизнь.

...Бывает, собираются у меня Юрины учителя, одноклассники, вспоминаем мы послевоенное время. Как-то я слушала, слушала, даже растрожилась: уж не очень ли идеальный мой сын по рассказам выглядит? А ведь он, как все мальчишки в его возрасте, и баловной и шаловливый был.

Припомнила, как однажды пришли они с Бориской в дом, я глянула — ахнула: лица у них черные от копоти, а у Бориса и брови опалены. Я все поняла: самострелом баловались. В тот послевоенный год ребячьи карманы так и распирало от гильз, осколков снарядов, перазорвавшихся патронов. Сколько уж раз, извлекая это опасное «богатство» из сыновних карманов, страшала я их, предупреждала беречься. Боялась я этих

игр: случались трагические истории, от взрывов дети гибли, оставались калеками, слепыми. Хотела я наказывать сыновей так, чтобы на всю жизнь запомнили, но тут поглядела в Юрино лицо, вижу: сам все осознал. Только одно и сказала:

— Понял, что брат чуть глаз не лишился? Нельзя так!

Это еще в те дни было, когда Валя с Зоей не вернулись, поэтому я с горечью и добавила:

— Или у меня и без ваших игр горя мало?

Надо сказать, что после этого младшие мои ребята самострелом не баловались, хотя иной раз слышала — подсмеивались над ними товарищи. Насмешки сверстников перенести нелегко, но мальчишки держались.

Бывало, что убегут на рыбалку — нет их и нету. Забеспокоюсь я: мало ли что приключилось, мальчишки ведь шустрые! Ох, шустрые! Однажды так долго не возвращались, что искать пошла. Все берега Гжати исходила, до собора добежала. Нету! Домой совсем по темноте пришла, а они дома. Сидят за столом такие чинные, такие притихшие, что я сразу поняла: набедакурили.

Юра сразу же ко мне.

— Мама! Борискины ботинки пропали. Только он не виноват. Мы все берега облазили. Украли их.

У меня ноги подкосились. В послевоенное нелегкое время это была большая потеря. Ботинки только-только по ордеру купили. Как же, думаю, он в школу пойдет? Мне ребяток жалко, и как положение поправить — не знаю. Юра нашелся:

— Мы уж придумали. На носки галоши Зоины наденем — хорошо будет. — И эдак тихонечко да ласково: — Ты, мам, носки потоньше свяжешь?

Ругать уж настроения не было. Видно же: ребята сами мучаются и переживают.

...Учителя тоже стали припоминать, что на уроках, случалось, Юра вел себя беспокорно: то кому-то подскажет, то руку тянет — отвечать хочет. Не без этого. Зинаида Александровна Комарова вошла однажды в их пятый, а на месте никого: ребята все на переменке «задержались», играли в салочки на улице, звола «не слышали».

— Выхожу из дверей, а они такой гвалт подняли, что слов моих не слышат! Бегают, меня будто не замечают. Еле-еле одного из них изловила: «А ну, сам крикни, что звонок, мне вас не перекричать!»

Елене Федоровне Луиной припомнился эпизод с планером. Было это, когда Юра еще в базовой школе учился. Как-то незадолго до окончания урока вошел в учительскую пожилой человек, был он явно чем-то рассержен, в руках держал какие-то покореженные деревянные детали. Протянув их Елене Федоровне, с гневом заговорил:

— Это что же такое происходит? Здесь школа или запретная опасная зона? Иду мимо — и вдруг из углового окна прямо на голову вот это падает.

Елена Федоровна разглядела «это» и увидела модель планера. Взяла заведующая школой «это» и пошла в класс. Ребята поднялись и, рассмотрев в руках Елены Федоровны модель, затихли.

— Чей это планер?

Минуту висела в классе напряженная тишина, а потом выступил вперед мальчишка.

— Хорошо, Юра Гагарин, что сознался, — сказала Елена Федоровна, — но завтра приходи с мамой.

— Я и сам все понял, — упрямо сказал Юра. — Маму волновать не надо.

...Но после этого рассказа Елена Федоровна добавила:

— Почему вспоминается другое? Конечно же, потому, что мы знаем, кем стал наш ученик. Потому что память человеческая со-

храняет главное. Потому что Юра был шаловливым, но честным, открытым, добрым. Вот однажды проводил их отряд сбор про песню. Пели «Три танкиста». Я чувствую — вот-вот расплачусь: сын у меня танкистом был, погиб он. Ребята знали о моем горе, как-то я с ними поделилась. Когда запели про экипаж машины боевой, я своего Валентина вспомнила, а чтобы слез ребята не видели, ушла. Стою в коридоре у окна, слышу: дверь скрипнула — несколько ребят подошли ко мне. Юра остановился рядом. Вижу — утешить хочет, а слов нет. Вот так мы постояли-постояли... Успокоилась я, вернулись мы на сбор.

Другие учителя тоже подтвердили, что никогда в его шалостях не было вредности, злости, грубости или распушенности.

Не знаю, как поточнее определить это качество, но был Юра с детства по-особенному чутким, умеющим распознать, что человек чем-то обеспокоен, расстроен. Хотя был ребенком — знал: взрослый тоже теплоты ждет. Я, во всяком случае, теплоту эту ощущала. Оказывается, другие тоже замечали.

Однажды (было это уже после космического полета) Ольга Степановна Раевская меня спросила:

— А помните, Юра однажды на вечере, посвященном Международному женскому дню, читал отрывок из «Молодой гвардии» про мать, руки ее?

Я помнила.

— Мне кажется, что Юра читал о вас. Я даже уверена в этом. Потому что как-то во время репетиции он застенчиво сказал: «Ольга Степановна, Фадеев как будто в нашем селе бывал». От мальчика большей откровенности не дождешься.

Мне тоже казалось, что, когда Юра учил этот отрывок, он как-то по-особенному взглядывал на меня... Теперь я часто перечитываю

ваю это место романа, вспоминаю те далекие вечера, детский голос сына, со скрытым волнением и теплотой произносящий:

«...Мама, мама! Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознавать себя на свете. За лето их всегда покрывал загар, он уже не отходил и зимой, — он был такой нежный, ровный, только чуть-чуть темнее на жилочках. А может быть, они были и грубее, руки твои, — ведь им столько выпало работы в жизни, — но они всегда казались мне такими нежными, и я так любил целовать их прямо в темные жилочки. Да, с того самого мгновения, как я стал сознавать себя, и до последней минуты, когда ты в изнеможении, тихо, в последний раз положила мне голову на грудь, провожая в тяжелый путь жизни, я всегда помню руки твои в работе».

...Сейчас мне нередко приходится бывать в школах, беседовать с пионерами, комсомольцами, учителями. Когда я вижу красивые здания, просторные классные комнаты, кабинеты, оборудованные хитроумными приборами, пионерские, октябрятские комнаты, вместительные актовые залы, а в школьных дворах волейбольные, баскетбольные площадки, беговые дорожки, — мое сердце матери радуется. Как же наш народ заботится о ребятах! Насколько же им стало сподручнее учиться, знаниями овладевать! Расспрашивают меня школьники о детских годах Юры, об его увлечениях, распорядке дня. Рассказывают о своей учебе, о спортивных достижениях, о сборе макулатуры, металлолома, о труде во время пятой трудовой четверти. Люблю я эти встречи, будто опять я молодой становлюсь, мамой своих небольших еще детишек. Только, пожалуй, одно во время этих встреч, бывает, режет глаз: то, что в иных школах родители вместо детей пионерские дела выполняют. Что я имею в виду?

Несколько лет назад в одной школе учителя и ребята с гордостью показывали мне свое хозяйство. Я обратила внимание на выставку стенных газет. В этой школе проходил районный конкурс. Я залюбовалась красивыми заголовками, красочным оформлением, умело расположенными заметками. Спросила о крайней, которая получила первую премию:

— Кто же художник в редколлегии?

Вышел вперед темноволосый мальчик, щеки пылают от смущения.

— Я! — говорит, а глаз даже не поднимает.

Понятно, человек-то незнакомый спрашивает! Я его подбодрить захотела, похвалила:

— Как хорошо ты рисуешь! Молодец! Где же учился? Во Дворце пионеров или в школе есть кружок?

Он застенчиво, негромко отвечает:

— У меня папа художник.

— Значит, он тебя научил рисовать?

Мальчик поглядел на меня:

— Нет, не научил. Эту газету папа сам оформил. Я же, Анна Тимофеевна, рисую плохо, меня из-за папы в редколлегию выбрали. — Говорит, а в глазах такая решимость, что понимаю — ему самому этот порядок не нравится.

Состоялся у нас в этой школе разговор с учителями, пионервожатой, комсомольскими активистами. Поначалу они пытались мне объяснить, что «вынуждены» были так поступить: в районе, мол, проводился конкурс стенных газет, который необходимо было выиграть. Честь школы, мол, этого требовала.

Поделилась и я своими мыслями. Почему, на мой взгляд, такая практика не только не полезная — вредная. В стенах школы ребенок должен приобрести знания, к самостоятельной жизни подготовиться. А о какой подготовке может идти речь, когда за

него работает другой, взрослый человек?! Да хорошо ли, если ребенок чужие успехи будет выдавать за свои? Самостоятельности такое положение поубавит, а черты тунеядства может взрастить, даже некоторую непорядочность воспитать. Вообще я считаю, что честь школы можно только честными путями защищать.

В той школе я моих взрослых собеседников убедила. Но с тех пор всегда, когда бы-

ваю в школах, присматриваюсь и к оформлению классов, кабинетов, пионерских комнатов. Приятно увидеть, когда сами ребята стараются украсить школу. Детскую руку от взрослой сразу отличишь; ну уж если вижу — взрослые подтасовкой занимаются, тоже скажу. Считаю: раз меня на встречу пригласили, помощи в воспитании ждут, не должна я замеченный недостаток замалчивать.

Семья вся в сборе

В 1947 году вернулся из армии Валентин. Ребята как замороженные слушали его рассказы о боях, о танках. Валя привез с собой шлем и в знак особого поощрения разрешал то одному, то другому братишке пощеголять в нем.

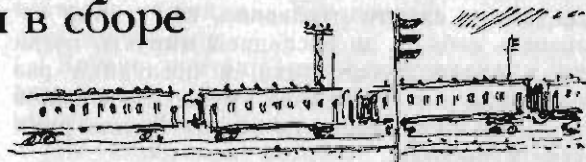
Теперь вся наша семья была в сборе, да еще с прибавлением: у Зои и Димы появилась дочурка — моя первая внучка Тамара. Маленьких давно не было в нашем доме, и девочку с удовольствием пичкали все по очереди. Зоя напомнила Юре, как она возилась с ним в детстве, шутя сказала:

— Отрабатывай должок.

Малышка так к своему юному дяде привязалась, что в шутку его прозвали «крестным», что по нашему деревенскому обычаю обозначает большую степень участия в воспитании. Тамара так всегда его и звала.

...После апреля 1961 года Юра как-то даже сделал Тамаре замечание:

— Неудобно, зови меня как-нибудь иначе, люди могут подумать, что я верующий какой...

— Как же мне тебя называть, крестный? Не знаю.

Он засмеялся, махнул рукой:

— Что ж, коли не знаешь, зови по-прежнему.

...Валентин стал работать электриком: восстанавливали старые линии в селах, прокладывали новые. Однажды забрался он на «кошках» (особых крючках, что крепились к погам и, врезаясь в деревянный столб, удерживали монтера на столбах) на самый верх, чтобы навешивать провода, столб подломился, рухнул, придавил Валентина. Несколько часов пролежал он покалеченный, пока его не хватились. Привезли в больницу, перелом оказался тяжелым. Валентин поправлялся трудно, после выписки еще несколько месяцев ходил в гипсе. Наконец окончательно выздоровел.

Наступила весна сорок девятого. Юра окончил шестой класс, как всегда, на «отлично» и вдруг ни с того ни с сего заявил:

— Поеду в Москву, буду поступать в ремесленное училище.

Мы с отцом старались его отговорить. Виделся он мне еще вовсе мальчиком. Очень уж не хотелось отпустить от себя. Наконец-то семья вся собралась, а тут опять кто-то из детей будет не со мной, опять сердце будет исходить беспокойством.

Но Юра, оказывается, все продумал. Рассуждал он как взрослый, говорил, что хочет учиться дальше, образование думает получить, в то же время понимает, что нам с отцом будет трудно работать на учеников. Вот он овладеет какой-нибудь профессией, встанет крепко на ноги, учиться будет по вечерам. К этому времени и многие его одноклассники, которые были Юры постарше, уже поступили в ремесленное.

— Паша Дешин в ремесленном учится. Очень доволен, — говорил Юра, но вовсе сразу сразил меня, когда заявил: — Ты, мама, столько про своего отца, про дядю Сережу рассказывала, почему же сейчас противишься? Разве не хочешь, чтобы я, как дядя Сережа и дедушка, стал рабочим?

Брат мужа Савелий Иванович еще до войны переехал в Москву, работал на заводе имени Войкова. Списались мы с ним, он Юрины планы одобрил, пригласил остановиться у них в семье. Собрала я Юре все необходимое, Валентин поехал проводить его до самой Москвы, на Радиаторскую улицу, где в маленькой квартирке жили Гагарины.

Встретили их в семье Савелия Ивановича приветливо, радушно. Дочки Савелия Ивановича — двоюродные сестры моих сыновей — Тоня и Лида взяли над ними опеку. Дня два-три возили по Москве, показывали достопримечательности, знакомили с городом, по доске объявлений изучали, где, в каком ремесленном училище идет набор. Остановились на Люберецком, при заводе сельскохозяйственных машин. Было в нем несколько отделений. Юра еще в Гжатске

говорил, что хочет стать токарем или слесарем. Такие отделения в этом училище были.

В Люберцы отправились целой делегацией: Юра, Валентин, Тоня. Решать-то непростой вопрос предстояло!

Когда приехали в Люберцы, выяснилось, что на эти отделения принимают с семилетним образованием, а Юра закончил лишь шесть классов. Кроме того, учащиеся этих отделений не обеспечивались общежитием.

Юру эти новости очень расстроили. Но директор училища успокоил Юру:

— Не горюй, парень! — сказал он. — Возьмем тебя в литейщики.

Юра вначале не очень-то обрадовался, а директор, видно, почувствовал его колебания, стал уговаривать:

— Видал в Москве памятник Пушкину? Это, брат, работа литейщиков.

Юра согласился. Экзамены он сдал на одни пятерки, был зачислен в ремесленное училище, жить переехал в общежитие.

Валя вернулся из Москвы, всю мою тревогу успокоил, а следом — письмо от Юры, подробно рассказывал о житье-бытье, распорядке дня, в письмо вложена фотография: Юра в форме ремесленника. Показался он мне повзрослевшим, форма ему была очень к лицу, тем более что он ее подогнал по росту, выглядел в ней опрятно, аккуратно.

Написала я своей старшей сестре Марии, которая жила недалеко от Москвы на Клязьме, попросила разрешения, чтобы Юра воскресные дни проводил у нее. Хотелось, чтобы мальчик не ощущал одиночества. Мария съездила в Люберцы, пригласила Юру гостить у них в семье.

Письма он писал подробные, понимал, что матери и отцу любая мелочь в жизни сына интересна. Да и привык советоваться с нами. Мне его тоже не хватало: у меня ведь вошло в привычку обсуждать с детьми жизненные планы, так и эдак прикидывать.

Большущее письмо было о первом посещении завода. Такие цехи он видел впервые в жизни. Некоторые поразившие его машины он даже зарисовал, чтобы я могла лучше представить. Писал он о своем мастере Николае Петровиче Кривове, о том, как он привел их к месту будущей работы — в литейный цех. Жутко и захватывающе все: куда ни глянь — огонь, дым, струи расплавленного металла. Рабочие ходят в специальных, жаронепроницаемых спецовках, на головах у всех каски. Привел он в письме слова старого рабочего, который приветливо встретил новичков: «Огонь силен, вода сильнее огня, земля сильнее воды, но человек сильнее всего!» Конечно, ребятам все показалось в диковинку, они даже побаивались, опасались, что раскаленный металл может их обжечь. В страхах своих Юра не признался, я сама поняла, когда прочитала: «Но ты не волнуйся, мама, вели мы себя дисциплинированно, от Николая Петровича не отходили». Потом Юра сообщил, что его определили к станку, стали учить на формовщика. Рассказывал он о товарищах, с которыми вместе живет в комнате, о книжках, которые удалось прочитать. Чувствовалось, он сразу же вошел в новую жизнь.

Месяца через два-три я собралась в Москву. Сердце матери неспокойно, пока само не убедится: у сына все в порядке.

Приехала я в Люберцы рано поутру, группа была на теоретических занятиях. Нашла я воспитателя, рассказала, зачем приехала. Он меня понял, стал знакомить с училищем, по минуткам объяснил распорядок дня, повел в общежитие.

— Посмотрите, какой порядок в комнате! Юра у них старостой выбран, он следит за тем, чтобы тут чисто, уютно было. Мы очень им довольны, очень грамотный рабочий растет. Советуем в вечернюю школу поступить, чтобы у него среднее образование

было завершено. Думается, что ему следует продолжить обучение. Отличников мы направляем в индустриальный техникум, их зачисляют без экзаменов.

Пришел Юра с занятием, обрадовался встрече. Гостинцами (привезла я окорок, яблок из сада, варенье) поделился с товарищами. Бывает, что иные ребята вроде бы матерей стесняются. Юра, наоборот, в комнату провед, со всеми ребятами познакомил. Сказала я ему насчет вечерней школы, он согласился кивнул:

— Пусть не волнуются. Я и сам чувствую: надо учиться.

Разузнал, что дома происходит: о том, что Валентин женился, любимая его племянница всюю лопочет, Бориска неважно учится. Спросил:

— Может, мне удастся его урезонить? Я ему отдельное письмо напишу.

Отправилась я в Клязьму, где на улице Гоголя жила моя сестра Мария с детьми Надей (она была на три года постарше Юры) и Володей, который родился перед самой войной. Жили они втроем, муж Марии — Кирилл Георгиевич Дюков, прошедший всю войну, трагически погиб на железной дороге в 1947 году.

Здесь, в Клязьме, Юра проводил все воскресные дни. Я, конечно, интересовалась, как Юра ведет себя, не в тягость ли его поездки для сестры. Она мне сказала: наоборот, Юра всегда-всегда по хозяйству помогает, всю мужскую работу делает — то заборчик поправит, то крыльцо починит, то печку подмажет. Да и с двоюродным своим братом Володей занимается, помогает ему по русскому языку.

Недавно Надя, Мариина дочка, привезла старую тетрадь, в которой Володя писал диктанты под Юрину диктовку. Листали мы эту тетрадку, заметили: диктантов много, а ошибок в них к концу все меньше да мень-

ше. На последних страничках Юра даже пятерку брату вывел, подписался: Ю. Гагарин.

Неподалеку жила и моя младшая сестра Ольга с девочками Лидой, на год Юры младше, да маленькой Галинкой, которая родилась в конце войны и которую отец не увидал. Ольгин муж Николай Ричардович погиб накануне Дня Победы. Ольга с дочками перебралась из Брянска в Клязьму, поближе к старшей сестре.

Ольга тоже порассказала о Юре, о том, что он ласковый, заботливый и очень веселый.

Уехала я из Москвы успокоенная: сын мой на верном пути.

Перед Новым годом пришло от Юры коротенькое письмо, полное радостных сообщений: 14 декабря 1949 года его приняли в комсомол, за отличные успехи в учебе и практике наградили билетом на елку в Колонный зал Дома союзов.

Новый, 1950 год семья наша встречала почти в полном составе: Алексей Иванович, я, Валентин с женой Марией, Зоя с мужем Димой Бруевичем и дочкой Тamarочкой, Бориска. Не хватало только Юры: билет на елку в Колонный зал был выдан на второе или третье января.

Встречать его к поезду пришли я, Бориска и Тамара. Смоленский поезд останавливался в Гжатске на короткие минутки, едва стал — бежит мой мальчик: полы форменной шинели развеваются, шапка на затылок сдвинута, сам румяный, довольный и, как всегда, улыбается во весь рот. Тут же у поезда открыл маленький фибровый чемоданчик. Чувствую — сразу всем хочет поделиться. Тамаре вынул гостинец — яркий пакет со сладостями.

— Такой подарок вручают на елке. — А потом говорит: — Ты уж всем дай полакомиться. Здесь много, тебе останется.

Пока до дома дошли, он про Колонный зал рассказывал. Все его там поразило: красивые лестницы, огромные хрустальные люстры, натертый паркетный пол. Но более всего, конечно, елка — лесная красавица и все аттракционы: всевозможные игры, хороводы. Говорил взалхлеб: «Представляете?.. Нет, вы представить не можете!» Очень уж ему хотелось, чтобы мы вместе с ним будто бы поприсутствовали на этом торжестве. Юра не уставал говорить о елке в Колодном зале. Но рассказал и о том, как весело встретил он Новый год. Конечно, отправился он в Клязьму. Перечислил все радостные заботы: и как елку украшали, и как они с Надей винегрет готовили, и какие вкусные пироги тетя Маруся напекла. За столом собрались обе семьи: Мариина и Ольгина. Не хватало только самой Марины. Так уж выпало, что она дежурила в поликлинике в эту ночь. Ребятишкам очень хотелось, чтобы семьи были в полном сборе, но в поликлинике работал очень строгий вахтер, он, зная Мариных ребят, даже не вызвал бы сестру к ним.

Юра дошел до этого места в рассказе, на минуточку замолк, обвел всех задорным взглядом и сказал:

— А я говорю: «На спор — вызову тетю Марусю!»

В половине двенадцатого ребята гурьбой пошли к поликлинике, нажали звонок, сами отошли, на крыльце только Юра остался. Выглянул вахтер, Юра голосу своему тревогу придал:

— Мам-ка рожает! — И вроде бы заплакал.

Вахтер сразу же заторопился:

— Сейчас, мальчик! Сейчас фельдшер-акушерка придет. — Заспешил в поликлинику, зовет: — Мария Тимофеевна! Срочный вызов! Роды!

Мария вышла, Юру увидела — сразу, конечно, все поняла.

*А. Т. Гагарина
с дочкой Зойй,
ее мужем Дмитрием
и внучкой Тamarой.
Анна Тимофеевна
с сыном Борисом.
Зоя с дочерью.
(Фото сделаны
Юрием Гагариным
в 1950 году.
Публикуются впервые.)*

Юра заразительно смеялся, да и нам всем было весело, когда мы представляли, как он роль свою играл. Алексей Иванович смеялся, приговаривал:

— Это ты хорошо придумал: «Мамка рождает!» Это ты молодец! С таким годить не приходится! Вахтер сразу: на вызов!

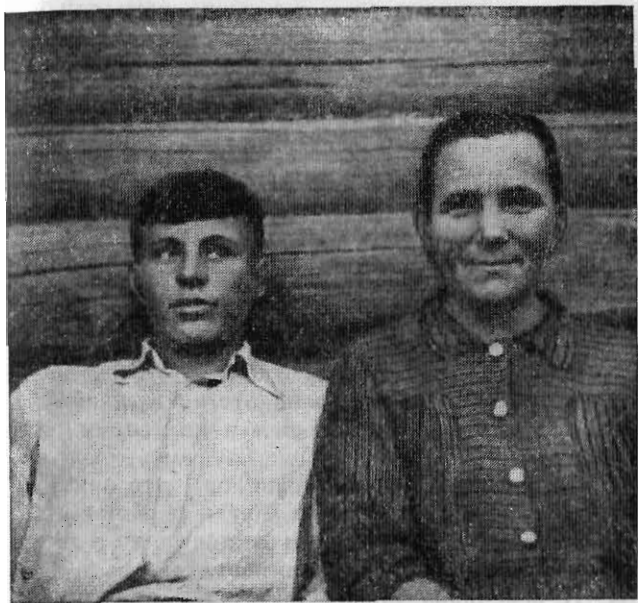
— Да! Я спор выиграл. Тетя Маруся тоже довольная была. На самый Новый год с нами посидела. А потом мы все ее проводили. Это уже в 1950 году было.

В каникулы повстречался он со многими друзьями, сходил в школу на бал-маскарад, во многом помог мне по хозяйству: наколот дров столько, что хватило их до весны, водой полностью обеспечивал, почистил скотный двор, разметал снег на участке, на улице рядом с домом. Особое удовольствие доставляли ему игры с Тamarой, он ей и сказ-

ки читал, и какие-то фигурки клеил, и рисовал.

Через неделю уехал. Письма из Люберец шли постоянно, они помогали нам знать о жизни сына. Как-то написал, что у товарища купил фотоаппарат. Не новый, но очень хороший. Назывался «Любитель», стал присылать фотографии. Проявлял и печатал он в Клязьме, так что получала я снимки, видела, как выглядят мои сестры, племянницы и племянник. Однажды Юра покаялся, что от фотографирования пострадала Мариина гортензия. Ребята, оказывается, все растворы выплескивали за окно, прямо в сад. «Мама, не беспокойся, — писал он. — Мы с Надей пересадили на прежнее место другой куст, не хуже. Тетя Маруся успокоилась».

Юра всегда так. Если допускал ошибку, всегда сознавался, сразу же исправлял.

Я, конечно, ему выговор сделала, Мари написала письмо с извинениями. И она ответила, что не сердится, да и новый куст сразу прижился, обещает быть не хуже загубленного.

...Эта гортензия растет в Клязьме и по сей день. Когда Надя приезжает ко мне, она захватывает цветущую ветку. Летом ли, зимой. Ведь зимой засохшая гортензия выглядит очень парадно.

...Мария писала мне не реже Юры, сообщала о его посещениях, говорила, что часто она рассказывает племяннику о жизни в Петербурге, о революционных традициях рабочего класса. Марии было что рассказать! А Юра делился с пей впечатлениями о прочитанных книгах. Он, как и все ребята, старался побольше узнать о революционерах, о людях, совершивших подвиг во славу Роди-

ны. Прочитал все книги о В. И. Ленине, преклонялся перед героизмом Артема, Михаила Васильевича Фрунзе.

Зимой Юра с двоюродными сестрами Надей, Лидой ходил на каток, на лыжах. Приучал он и Володю к спорту, очень его пристрастил к этому занятию.

Как о каком-то особенно важном, торжественном событии сообщил Юра, что у них началась производственная практика, что работу они выполняют наравне с рабочими («только, конечно, помедленнее» — уточнил в письме), дитейщики относятся к ним как к равным. Встает рано, быстро умывается, завтракает, выходит на улицу, а там вливается в рабочий поток.

Я представляла, с какой гордостью идет мой сын в рабочий строй.

Через месяц пришел денежный перевод

из Люберец. Юра получил первую получку, часть послал «на хозяйство». Алексей Иванович поворчал немного:

— Чего выдумал, пусть бы себе, что необходимо, купил. — Но я видела, что отец доволен этим поступком сына.

Вообще надо сказать, что Алексей Иванович очень ревниво относился к мужской чести, считал, что мужчина должен взять на себя тяжелую работу, прежде всего позаботиться о близких, а потом уж о себе, не ждать помощи, а стараться самому такую помощь оказать. Высшей похвалой в его устах были слова: «Самостоятельный мужик».

После завершения первого года обучения в ремесленном Юра приехал в Гжатск на каникулы. Привез всем подарки на деньги, заработанные на заводе: мне — платок, отцу — нарядную рубашку, Тамаре — трехколесный велосипед. Он сильно вытянулся за эти полгода, стал ростом почти вровень со мной. Обычно ребятишки в этом возрасте угловаты, а Юра всегда ходил ровнехонько, как-то по-особенному подтянуто. Наверное, сказывалось то, что он много занимался спортом. Он и дома всегда делал физзарядку, говорил, что это хорошая привычка, не надо ее терять.

В этот раз Юра очень много фотографировал тем самым «Любителем», который приобрел у товарища. Бывало, старые телогрейки, одежду на полу постелет, чтобы все щели закрыть, сам с Бориской в подпол залезет, учит его там фотоаппарат перезаряжать. Проявлял он дома, но вот печатать было негде. Помню, тогда мы все пленки на свет рассматривали. А потом Юра уже из Люберец фотографии прислал. Всех он тогда запечатлел.

Разговоров, особенно первое время, только и было, что об училище. О практике, о теоретических занятиях, о товарищах, о комсомольской работе. Несколько

раз заговаривал о том, что после ремесленного училища можно, мол, поступать в техникум, институт. Сказал, в общем, вроде бы безотносительно к себе, я же почувствовала: это его мечта. Он твердо решил поступать в вечернюю школу, хотя, конечно, одновременно учиться и в ремесленном, и в вечерней школе было бы нелегко. Но Юра всегда очень тянулся к знаниям.

Едва уехал после летних каникул в Люберецы — письмо: «Задуманное осуществил. Я теперь занимаюсь в седьмом классе Люберецкой вечерней школы». А в следующих письмах — известия об отличной учебе, да и в ремесленном тоже не отставал, наоборот — в первых рядах шел и по теории и по практике. Знаю, нелегко ему было. В одном письме он обмолвился, что заниматься приходится много. Когда в общезнании выключают свет, он выходит на лестничную площадку, доучивает там.

В вечернюю школу он пошел не один, еще двух товарищей сагитировал. Они так и держались втроем: Юра, Тимофей Чугунов и Саша Петушков. Помогали друг другу. Мне их дружба нравилась. Все трое закончили ремесленное с отличием, получили уважаемую рабочую специальность, были аттестованы на пятый разряд литейщика-формовщика. Да и седьмой класс в вечерней завершили неплохо, с похвальной грамотой.

Но вообще этот, 1950/51 учебный год был у Юры какой-то суматошный. Чем он только не увлекался, куда его только не тянуло: планы менялись постоянно. То пишет, что собирается продолжить учебу, то поступить на завод, то уехать в далекий город. Раз он нам написал, что ему предложили по окончании ремесленного училища поступать в Ленинградский физкультурный техникум, потому что он к этому времени был неплохим спортсменом, участвовал вместе с рабочими Люберецкого завода

сельскохозяйственных машин в соревнованиях, занимал призовые места, награждался грамотами и выпелами.

Читала письмо я, как всегда, вслух. Услышал Алексей Иванович о Юриных планах, помрачнел:

— Что же это за работа — бегать? Ты ему напиши, Нюра, что мужчине такое не к лицу.

Я попыталась объяснить Алексею Ивановичу, что он заблуждается. Хотела заступиться за сына, тем более что тот сообщал, что даже отборочные испытания уже прошел, экзамены вступительные выдержал на круглые пятерки (это место письма я Алексею Ивановичу не читала, решила прежде подготовить). Но муж уперся:

— Напиши, Нюра. Если он в моем совете нуждается, слова моего ждет, так вот оно: я не согласен! Пусть бегают или там во что хочет играет, если останется свободное время от нужных дел.

Переубедить мужа я не смогла, не знала, как к разговору приступить, уведомить его, что Юра уже сам все решил. Но тут, слава богу, пришло новое письмо. Кто-то из друзей разузнал, что отличники учебы могут быть направлены в техникум по специальности. Литейное отделение имелось в Саратовском индустриальном техникуме. Пошли они к директору училища, попросили дать направление. Тот с пониманием отнесся к желанию ребят: выдал необходимые документы, направления, рекомендации, бесплатные билеты на саратовский поезд... и пожелания успехов.

«Конечно, все решилось правильно, — писал Юра. — Каждый спортсмен, каким бы он ни был мастером, должен иметь какую-то специальность, заниматься производительным трудом. Не человек для спорта, а спорт для человека!»

Алексей Иванович был удовлетворен:

— Правильно Юрка сделал, что совета послушался. Ты, Нюра, напиши, что мы его поздравляем и все такое...

В Саратовский индустриальный техникум приняли троих друзей из Люберец без экзаменов, как отлично завершивших обучение в ремесленном училище и седьмой класс школы.

Юра был поражен могучей Волгой, описывал город, где ему предстояло четыре года жить и учиться, делился, что в группе они, пожалуй, самые молодые, так как поступают люди, уже поработавшие на заводе, несколько человек в военных гимнастерках — видно, участинки Великой Отечественной войны.

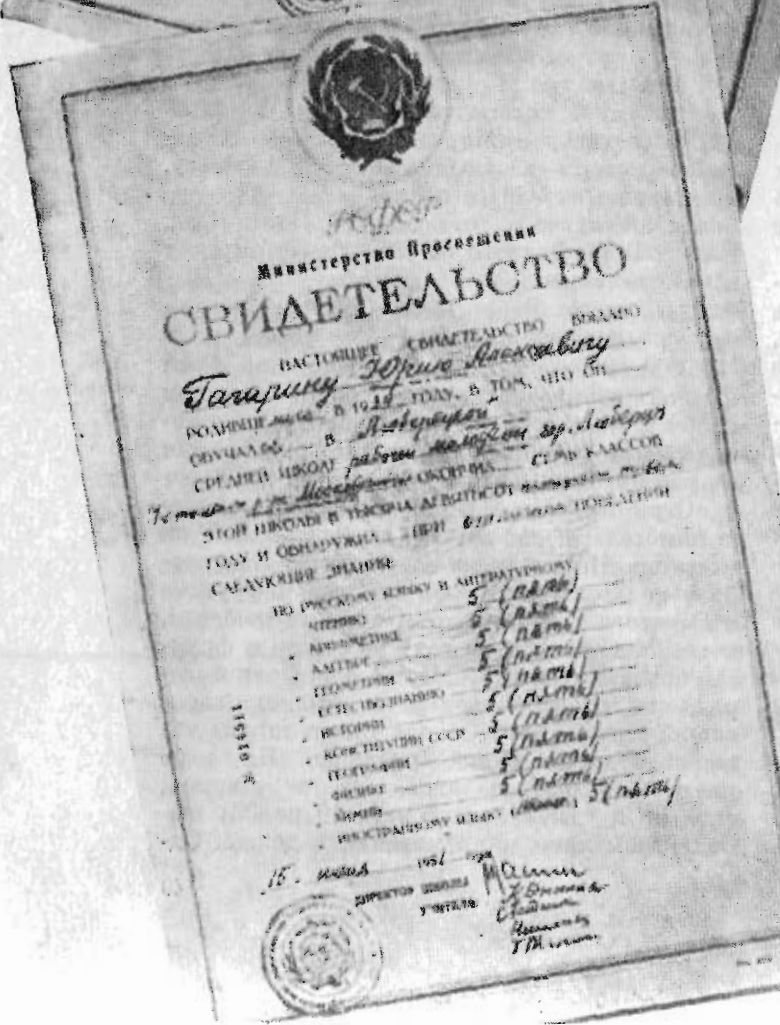
Вот какое письмо написал Юра в Клязьму моим сестрам Марусе, Ольге да их детям — своим двоюродным сестрам, брату.

«Привет из Саратова!»

Здравствуйте, тетя Маруся, тетя Оля, Надя, Лидя, Вовочка и Галочка. Привет всем остальным.

Сегодня у меня свободный вечер и я решил написать письма вам и домой.

В техникум я уже зачислен, еще 18-го нам об этом сказали. С 15 по 17 сдавали пробу в мастерских. 18-го сообщили, что зачислены и отправили в колхоз на два дня на работу. Этот колхоз расположен в 200 км от Саратова. Мы ездили на своей машине и помогали колхозникам вывозить хлеб на элеватор. Несмотря на засушливый год, хлеба в колхозах много. Овощей же и фруктов в Саратове немного и они немного дешевле, чем в Москве. В этом году на овощи и фрукты повлияла засуха. Местные жители говорят, что такое жаркое лето бывает здесь очень редко. Жара сейчас стоит такая, что жарко ходить в одной рубашке. На небе почти не бывает облаков. За все время, сколько я здесь нахожусь (с 10 по 23) выпал утром лишь один маленький дождь. Од-

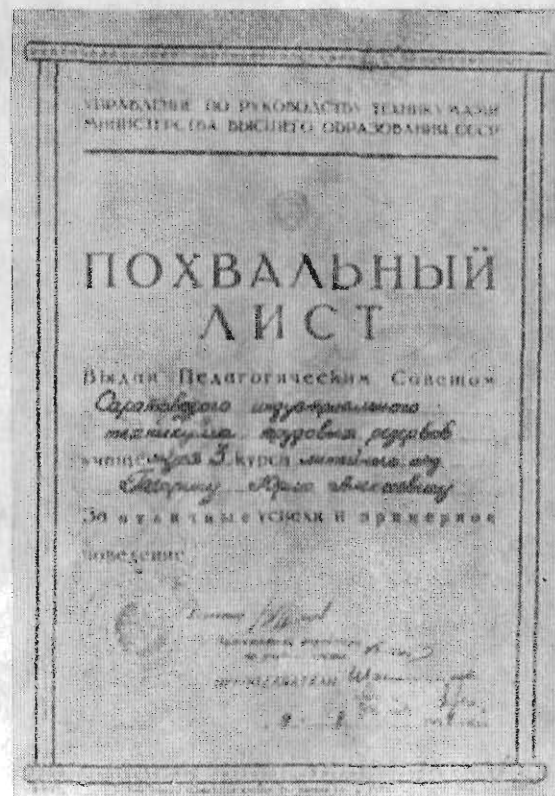

*Ремесленное
училище,
вечерняя школа
успешно
закончены.
Юрию Гагарину
предстояли годы
учебы
в Саратовском
индустриальном
техникуме (СИТ).*

Насколько будущий космонавт увлеченно учился, добросовестно работал, азартно отдыхал, говорит грамоты, дипломы, характеристики, выданные учащемуся СПТ Юрию Гагарину. (Фото этого и последующего разворотов.)

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А

на учащегося Саратовского индустриального техникума ГАГАРИНА Юрия Алексеевича.

Тов.ГАГАРИН Ю.А.поступил в индустриальный техникум осенью 1951 г.на литейное отделение.

За все время пребывания в техникуме тов.ГАГАРИН был исключительно дисциплинированным учащимся,успеваемость его отличная.

Хороший физкультурник.Его общественная работа - секретарь ДСО "Трудовые резервы".

Принимал активное участие в общественной жизни техникума и группы.Выступал с докладами на литературных конференциях техникума,являлся активным участником физико-технического кружка.

Все просьбы и поручения дирекции,классного руководителя тов.Гагарин всегда исполнял беспрекословно и относился исключительно добросовестно к порученной работе.

Преддипломную практику проходил в ремесленном училище г.Ленинграда.Характеристика,выданная руководителями практики, говорит о хорошей теор.подготовке тов.Гагарина и о его серьезном отношении к работе.

За отличное поведение и успеваемость в техникуме тов.Гагарин имеет почетную грамоту и имеет несколько почетных грамот от ДСО "Трудовые резервы".

Директор Саратовского
индустриального техникума

Классный руководитель -

- *Родионов* /С.РОДИОНОВ/
Акулов /АКУЛОВ/

Привет из Саратова!

Здравствуйте тётя Маруся, тётя
Оле, Надя, Лиза, Вовочка и Таночка.

Привет всем оставшимся.

Сегодня у меня свободный вечер и я решил
написать письма вам и домай.

В техникум я уже зачислен, ещё 18го нам
об этом сказали. С 15 по 17 сдавали про-
бу в мастерских. 18го сообщили, что
зачислены и отпраздновали в колхоз на два
дня на работу. Этот колхоз распо-
ложен в 200 км. от Саратова. Мы едем
на своей машинке и помогаем кол-
хозникам вывозить хлеб на элеватор.
Несмотря на засушливый год, хлеба в кол-
хозах много. Овощей же и фруктов в Сара-
тове немного и они немного дешевле,
чем в Москве.

В этом
засуха.
такая ч
здесь оче
кая, что
на небе
время,
выпал
Одно ст
так, ч
ра, как
сейчас
на к у

г. Саратов. Ул.
Гарина

Со свидания.
С приветом Вам
деду от Вет.

г. Саратов

д. №21 Гарина Ю.

*Письмо Юрия Гагарина из Саратова родным.
(Публикуется впервые.)*

*Алексей Иванович и Анна Тимофеевна
Гагарины со всеми своими детьми. 1954 год.*

но спасение сидеть в Волге. Я загорел так, что Наде теперь далеко до моего загара. Как на юге.

Сейчас помогаем в подготовке техникума к учебному году. Пишем лозунги и т. д.

Мой адрес: г. Саратов, ул. Мичурина, д. № 21. Гагарин Ю.

До свидания. Пишите все о себе. С приветом, Ваш Юрий.

Жду ответа. 23/VIII—51 г.».

Так что этим летом нам свидеться с Юрой не удалось. Я очень скучала без него.

Только заботы отвлекали от мыслей о сыне. А забот этих прибавилось. В семье Валентина после Люды, которая родилась в 1949 году, появилась вторая девочка, Галинка. Сын к этому времени отделился, но дом он поставил рядом с нашим, так что девочки постоянно были у бабушки с дедушкой.

Родился второй ребенок и в семье Зои и Дмитрия. Когда выписали мы дочку из роддома, она сказала:

— Назовем мальчика Юрой.

Я поняла, что и она тоскует по любимому брату.

Осенью 1951 года Бориска объявил, что

задумал тоже идти в ремесленное училище. Мне не хотелось его отпускать, он-то не такой организованный был, как Юра. Но Боря настаивал, пожаловался даже Юре, что ему препятствуют. Юра тут же пришел брату на помощь, написал, что хоть учился Боря не так уж прилежно, но человек он работающий и не надо, мол, его будущее губить.

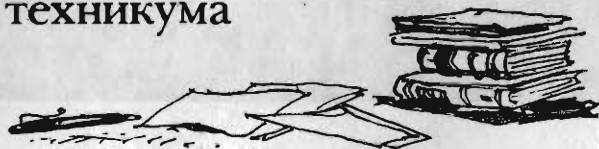
Уехал Боря в Одинцовское строительное ФЗУ, которое проводило у нас в Гжатске набор ребят. Стал обучаться на каменщика. Закончил ФЗУ успешно, получил высокий рабочий разряд, вернулся в Гжатск отстраивать родной город. Так что его рабочая биография началась с шестнадцати лет.

Я несколько раз приходила на стройку. Постую, издаലെка — чтобы он не приметил — посмотрю на младшего. Напоминал он моего Алешу в его молодые годы: вроде бы неторопливы движения каменщика, а сноровисты: стенка незаметно, но ровнехонькая подымается.

Вплоть до того времени, как ему в армию идти, проработал Борис на стройках, стал опытным рабочим, люди его за труд уважали, молодежь выбрала в комсомольское бюро.

Письма из техникума

Юра понимал, что мы без него скучаем, поэтому старался, чтобы мы поменьше ощущали его отсутствие. Письма по-прежнему приходили обстоятельные. И мы уже могли до мелочей представить их студенческие дни. Его, Петушкова и Чугу-

нова прозвали «неразлучными москвичами», учеба у них ладилась. Зато у остальных студентов обучение шло трудно, особенно у тех, кто в последний раз сидел за школьной партией еще до войны.

Зоя в этом месте письма вздохнула:

— Могу себе представить, как трудно припоминать. Я уж на что хорошо училась, а, кажется, заставь учиться — не смогу... А если человек раньше занимался не ахти как?

Юра тоже это понимал. Они, неразлучные москвичи, изо всех сил и возможностей помогали своим друзьям — бывшим фронтовикам восстановить подзабытые знания. Через месяц-другой как о своих победах сообщал Юра о том, что у товарищей по группе исчезли двойки, а потом и троечки стали редкостью. Спортом он по-прежнему занимался немало. Баскетбольная команда их техникума заняла даже первое место в городских соревнованиях. Юра был в ней капитаном.

В Саратове хороший оперный театр, и Юра стал ходить на спектакли. Я прикинула, что выкраивать ему на билеты нелегко из маленькой стипендии, послала ему денег. Но Юра тут же откликнулся: мама, не беспокойся, не отрываю от себя, знаю — вам тяжело достаются деньги. Государство обуваает, одевает нас, даже кормят бесплатно, так что стипендия полностью идет на развлечения. На самом же деле они часто ходили разгружать вагоны, чтобы заработать на кино и театр.

Много писал Юра о книгах, которые удалось прочесть, — «Овод», «Повесть о настоящем человеке»... Рассказ о подвиге и жизни бесстрашного летчика, не сдавшегося при сложившихся обстоятельствах, потряс его. Большое впечатление произвел на него роман Л. Толстого «Война и мир». Как-то Юра прислал длинный список книг, которые им рекомендовала прочитать преподавательница. Читал он много, наверстывал то, что в детстве не смог, не успел сделать.

Писал так интересно, что некоторые книги я взяла из библиотеки. Читали мы с Зеей

по очереди, она, правда, подтрунивала над нашим увлечением:

— Ну вот и мы с тобой, мама, знакомимся с «Историей молодого человека XIX столетия».

Зато, когда Юра приехал на каникулы, мы не только говорили о домашних разных разностях, но и делились впечатлениями от прочитанных книг. А Юра сказал:

— Я, мама, так и знал, что чтением тебя увлеку. Список специально переписал.

Вот и получается, что не только родители воспитывают своих детей, но и дети — родителей.

Уехал Юра в Саратов, и опять я получала объемистые конверты, листки, исписанные его четким, разборчивым почерком. Я не была в городе на Волге, но после Юриных писем кажется — многое в городе знаю. Выбрали Юру в бюро комсомольской организации, был он секретарем спортобщества «Трудовые резервы».

Домашние подсмеивались, что теперь я встал за сыном должна заняться спортом, в баскетбол играть. Я не обижалась. Я шутку люблю, приятно, когда в доме смех.

На следующие каникулы Юра сразу приехать не сумел. Отправился работать физруком в детдомовский пионерский лагерь. Как и к каждому поручению, отнесся, чувствую, серьезно: книжки по воспитанию посмотрел, подолгу беседовал с воспитателями об особенностях ребячьих. Хотя и сам, кажется, ненамного от них ушел по годам. Но ребята эти были особенные. Следы войны, раны сиротства сказывались. Я ему в письме посоветовала: «Только не сердись на них. Даже если, на твой взгляд, они вредничают. Прежде всего пойми их, внимание на что-нибудь полезное переключи. Спорт тебе поможет».

Юра проработал все лето, его работой были довольны, с ребятами он подружился,

они даже звали его к ним в детдом вести кружки. Но ему было некогда. Предстоял последний курс в техникуме. Юра побывал у нас, купил себе на заработанные деньги новый костюм, ботинки, часы. Словом, все у него складывалось как надо: практику воспитателя прошел, деньги заработал.

Наступил последний год учебы в техникуме. Юра описывал, куда направляли выпускников предыдущего года, ждал, видно, «свидания с металлом», как он выражался. Год был насыщенный. Вначале их отправили на практику на завод имени Войкова. Работал он много, готовился к своим будущим обязанностям серьезно. Но не забывал и о родных: съездил в гости и к моим сестрам, и к дяде Савелию Ивановичу, раза два приезжал к нам в Гжатск. Рассказал, что собирается он в Ленинград, там у них следующий этап практики. Мечтал увидеть крейсер «Аврора», Смольный, достопримечательности, памятники, музеи. Осторожно так спросил: «Мама, а ты что из детства помнишь?»

Помнила я многое, все это касается жизни путиловских рабочих, их борьбы за справедливость. Жили мы на петербургской заводской окраине шесть лет, но в музеях, загородных дворцах и парках мне побывать не пришлось. Не для рабочих они строились. Да и жизнь была такая, что времени на прогулки, развлечения не оставалось.

Уехал Юра на практику в Ленинград. Письма его оттуда приходили подробные, наверно, ему хотелось познакомить меня с городом моего детства, городом революции, который тогда, в далекие годы, мне не удалось узнать. Одна из его первых самостоятельных экскурсий была на бывший Путиловский завод. Все намеченные поездки он осуществил, очень красочно, живо их описал. Да и практику завершил на «отлично».

Вернулся он в Саратов незадолго до по-

вого, 1955 года. И вдруг новое сообщение: поступил в аэроклуб! Мне уже тогда почудилось, что это не просто очередное Юрино увлечение, как предыдущие занятия спортом, в кружках. «Мама! В аэроклуб объявили прием четверокурсников техникумов. Аэроклуб — это то, о чем только можно мечтать!»

Теперь его письма стали короче. Я понимала: сын трудится как бы на два фронта. А он понимал, что без известий от него мне будет одиноко, поэтому свою сыновнюю обязанность выполнял неукоснительно. Сообщал, как продвигается работа над дипломом. Много ему приходилось чертить. Юра добрым словом вспоминал старенького учителя, который преподавал им черчение в ремесленном училище.

Не знаю уж, как он успевал, но занятий в аэроклубе не пропускал. В письмах часто упоминалось имя его летчика-инструктора Дмитрия Павловича Мартынова. Все привлекало Юру в этом человеке. То, что окончил Борисоглебское училище военных летчиков, в котором когда-то учился Валерий Павлович Чкалов. То, что он после демобилизации из армии не расстался с небом, стал инструктором аэроклуба. То, что дисциплинированным, точным, подтянутым он оставался и после армии. То, что умел подбодрить ребят, учил их преодолевать страх. Мартынов готовил своих курсантов и к их первым парашютным прыжкам.

Так часто бывало с Юрой: в какое-либо дело влюблялся он через того, кто это дело олицетворял. В школе любил физику — и обожал Льва Михайловича Беспалова. В ремесленном приворожили его раскаленный металл и мастер Николай Петрович Кривов, в техникуме упоенно изучал законы физики и с особым, трепетным уважением относился к преподавателю Николаю Ивановичу Москвину. А может, все происходило наоборот?

Может, эти люди, увлеченные предметом преподавания и будучи истинными воспитателями, умели перед учениками раскрыть красоту своего дела, страстно увлечь им робит?

Зная Юрину натуру, я по письмам поняла: его неудержимо тянет аэродром, самолеты. Не забросил бы учебы в техникуме, ведь идет последний год, решается судьба! Осторожно, чтобы не обидеть Юру (ведь он всегда очень добросовестно учился, ответственно отнесился к заданиям!), написала, спросила как бы между прочим, когда окончание работы над дипломом, куда направят их трудиться.

Юра, конечно, сразу же все понял, успокоил, что дипломная работа продвигается успешно, назначен уже день защиты. Но все равно большая часть письма была отведена под аэроклубовские впечатления.

Однажды распечатываю я письмо от Юры, а там — номер молодежной газеты. Развернула, иду глазами заметку, понимаю, не зря же ее Юра прислал. «День на аэродроме» называется. Я ее столько читала и перечитывала, что запомнила дословно:

«Сегодня учащийся индустриального техникума комсомолец Юрий Гагарин совершает свой первый самостоятельный полет. Юноша немного волнуется. Но движения его четки и уверенны. Перед полетом он тщательно осматривает кабину, проверяет приборы и только после этого выводит свой Як-18 на линию исполнительного старта. Гагарин поднимает правую руку (снимок в кругу), спрашивая разрешения на взлет.

— Взлет разрешаю! — передает по радио руководитель полета.

В воздух одна за другой взмывают машины. Инструктор, наблюдая за полетами своих питомцев, не может удержаться от похвалы:

— Молодцы, хлопцы!»

На овальной фотографии — Юра в кабине самолета. Фотография небольшая, но хорошо видно Юрино лицо.

Алексей Иванович выслушал письмо из Саратова, рассмотрел газету. Конечно, мы были несказанно рады, что о сыне в газете напечатали. Честь это большая. Но подумал-подумал, поразмышлял-поразмышлял мой Алеша, этак нахмурившись, говорит:

— Юра, а почему, думаешь, именно о нем напечатали?

Я предположила, что у него лучше, чем у других, обучение идет. Алексей Иванович кивнул:

— И я так думаю. Вот ты и пропиши, чтобы он пос-то не задира, не вообразил, что он особенный.

Так я, конечно, писать не стала. Радость сыну омрачать не хотела, но все-таки предостеречь надо было, вот я и написала: «Мы гордимся, сынок... Но смотри не зазнавайся...»

Наверное, слова мои материнские запаля Юре в сердце, если спустя десять лет вспомнил он о них, привел в своей книге «Дорога в космос».

Наконец долгожданная весть: Юра закончил техникум, получил диплом с отличием. Мы его ждали домой, но Юра сообщил, что наступил заключительный этап и в аэроклубе, а живут курсанты по-военному, в лагерях рядом с аэродромом, почти каждый день полеты. Все лето тренировались курсанты. Подошла пора выпускных экзаменов. Юра все сдал на «отлично».

...Теперь, когда документы о Юриной учебе собраны в Мемориальном музее Юрия Алексеевича Гагарина, который организовала в нашем прежнем доме, я, случается, останавлиюсь у стендов, перечитаю знакомые-перезнакомые строки из документов:

«Отзыв о выполнении дипломного зада-

пия учащимся 4 курса Саратовского индустриального техникума ГУТР при Совете Министров СССР Гагариным Ю. А.

При выполнении проекта учащийся умело использовал давшие технической литературы и опыт советских литейных цехов и передовых заводов.

Учащимся самостоятельно решены ряд технических вопросов, а также вопросы учета, планирования и организации производства.

Представленный проект свидетельствует о хорошей подготовке учащегося и об умении им самостоятельно и вдумчиво решать технические и методические вопросы.

Оценка проекта:

Пояснительная записка — 5

Графическая часть — 5

Общая оценка — 5.

Рядом в музее — характеристика на Юру как студента техникума:

«За все время пребывания в техникуме тов. Гагарин был исключительно дисциплинированным учащимся, успеваемость его отличная.

Хороший физкультурник. Его общественная работа — секретарь ДСО «Трудовые резервы».

Принимал активное участие в общественной жизни техникума и группы. Выступал с докладами на литературных конференциях техникума, являлся активным участником физико-технического кружка... относился исключительно добросовестно к порученной работе».

А вот выписка из сводной ведомости успеваемости учащегося IV курса литейного отделения группы Л-41 Гагарина Ю. А.: «отлично», «отлично», «отлично», и так все 32 предмета, одна лишь четверка в этом ряду — по психологии. Вот почему вывод преподаватели сделали такой:

«Присвоить квалификацию техника-тех-

полога литейного производства, мастера производственного обучения и выдать диплом с отличием».

Так Юра учился, а ведь в это же время он страстно, увлеченно овладевал и другим делом — летным.

Имеется в музее и «Выписка из ведомости индивидуальных оценок пилотов первоначального обучения, окончивших Саратовский областной аэроклуб ДОСААФ 24 сентября 1955 года». Юрины отметки такие:

«...оценка теоретической успеваемости: самолет Як-18 — отлично; мотор М-11р — отлично; самолетовождение — отлично; аэродинамика — отлично; НПП-52 — отлично; радиосвязь — отлично; средний балл — отлично». Там же сказано: «Оценка летной подготовки — отлично, общая оценка комиссии — отлично». А в конце написано: «Решение комиссии о дальнейшем использовании по специальности: курсанта Гагарина Ю. А. направить для дальнейшего обучения в 1-е Чкаловское военно-авиационное училище».

Читаю — и хочется мысленно сказать ему слова похвалы, слова поощрения, слова, которые при жизни Юры мы всегда с Алексеем Ивановичем произносили с оговоркой. Поощряли, конечно, но тут же добавляли: мол, не гордись, сынок, нехорошо выставляться, нос задирать пегоже. Пере-страховывались, как теперь выражаются. Наши опасения объяснимы, понятны. Родители всегда за детей беспокоятся, предостерегают, опасность хотят от них отвести. Предостерегали, предостерегали, а Юре, видать, опасность нескромности, которая людское осуждение сразу же вызывает, и не грозила.

Так получается, что от беды отводили, а зато ласки недодали. Как же я горюю теперь, что на ласковые слова скупилась. Осо-

бепно по ночам. Осуждаю себя... Но утром, когда мысль яснее работает, понимаю: все было правильно! Алеша мой с его скромностью хороший урок ребятам давал. Предостерегать надо. Ведь когда ошибка произойдет — поправлять поздно. Загладить ее можно, а переделать так, чтоб и следа не

осталось, нельзя. Жизненный путь один, и вернуться к началу дороги, чтоб ее заново, по-другому пройти, невозможно.

Правильно поступали. Но сейчас, когда моих младших в живых нет, постоянно мучаюсь невысказанными ласковыми словами...

Осуществление сыновней мечты

В 1955 году в нашей семье было двое военных: Юра да Борис, которого призвали в армию.

Юрино сообщение об училище мы с Алексеем Ивановичем встретили по-разному. Он как бы между прочим заметил:

— Что ж это такое? Опять учеба! Работать-то когда?

Иной раз я пропускала мимо ушей разные замечания. Если на все реагировать, только и будешь свою точку зрения доказывать. Но тут вопрос был важным, жизненный вопрос, поэтому я возразила Алексею Ивановичу:

— Есть желание у сына — пусть учится. А у Юры больше чем только желание, и у него ведь все так хорошо получается!

Объяснила мужу, какое для меня было потрясение в детстве, когда я поняла после окончания Путиловского училища, что никогда уж мне за парту не сесть. Рекомендации были, способности у меня были, желание так и переполняло меня. Хотелось узнавать, постигать, но не было главного для продолжения обучения — денег в нашей рабочей семье. Я до сих пор ощущаю, что крылья знаний у меня поурезаны.

Так неужели же сыну своему отсоветуем ученым человеком становиться? Тем более что семейные обстоятельства благоприятно складывались. Мы в помощи, на которую родители вправе рассчитывать, не нуждались. Жили мы в это время одной семьей с Зоей, ее мужем Дмитрием, детишками Тамарой и Юрочкой. Валентин с женой Марией поставил рядом дом, и хоть в семье его уже было трое детей, в тяжелой, мужской работе нам не отказывал.

Переубедила я моего Алешу. Написала Юре, что мы рады его решению, прямо сказала: «Есть, сынок, желание — учись. Чем сможем — поможем».

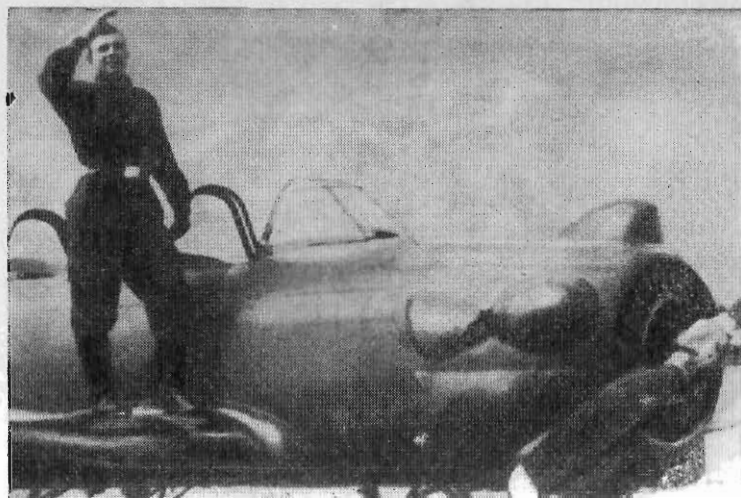
Первое письмо из Оренбурга (он тогда Чкаловом назывался) заняло несколько страниц. Еще бы! Город-то был для Юры совершенно удивительным. Он отметил, что на улицах встречаются лошади и... верблюды. Но, конечно, больше всего в письме было об училище. Я уже заметила, что Юра всегда находил причину-повод, чтобы гордиться делами того коллектива, в котором жил, где учился. Вот и сейчас он описывал славные дела людей, окончивших его военное училище. Здесь получили путевку в не-

*Курсант военно-авиационного училища
Юрий Гагарин.
В Гжатске во время отпуска.
На тренировочных полетах. 1956 год.*

5 А. Гагарина

Уважаемая АННА ТИМОФЕВНА !

В Международный женский день 8 Марта
командование части, где служат Ваш сын ГАГАРИН
Д р и в поздравляет Вас с всенародным праздни-
ком.

Советские матери самоотверженно трудятся на благо
Родины, воспитывают ей достойных сыновей и дочерей
преданных Коммунистической Партии, делу коммунизма.

Вы, Анна Тимофеевна, можете гордиться своим
сыном. Он отлично овладевает военной наукой, показывает
образцы военной дисциплины, активно участвует в
общественной жизни подразделения.

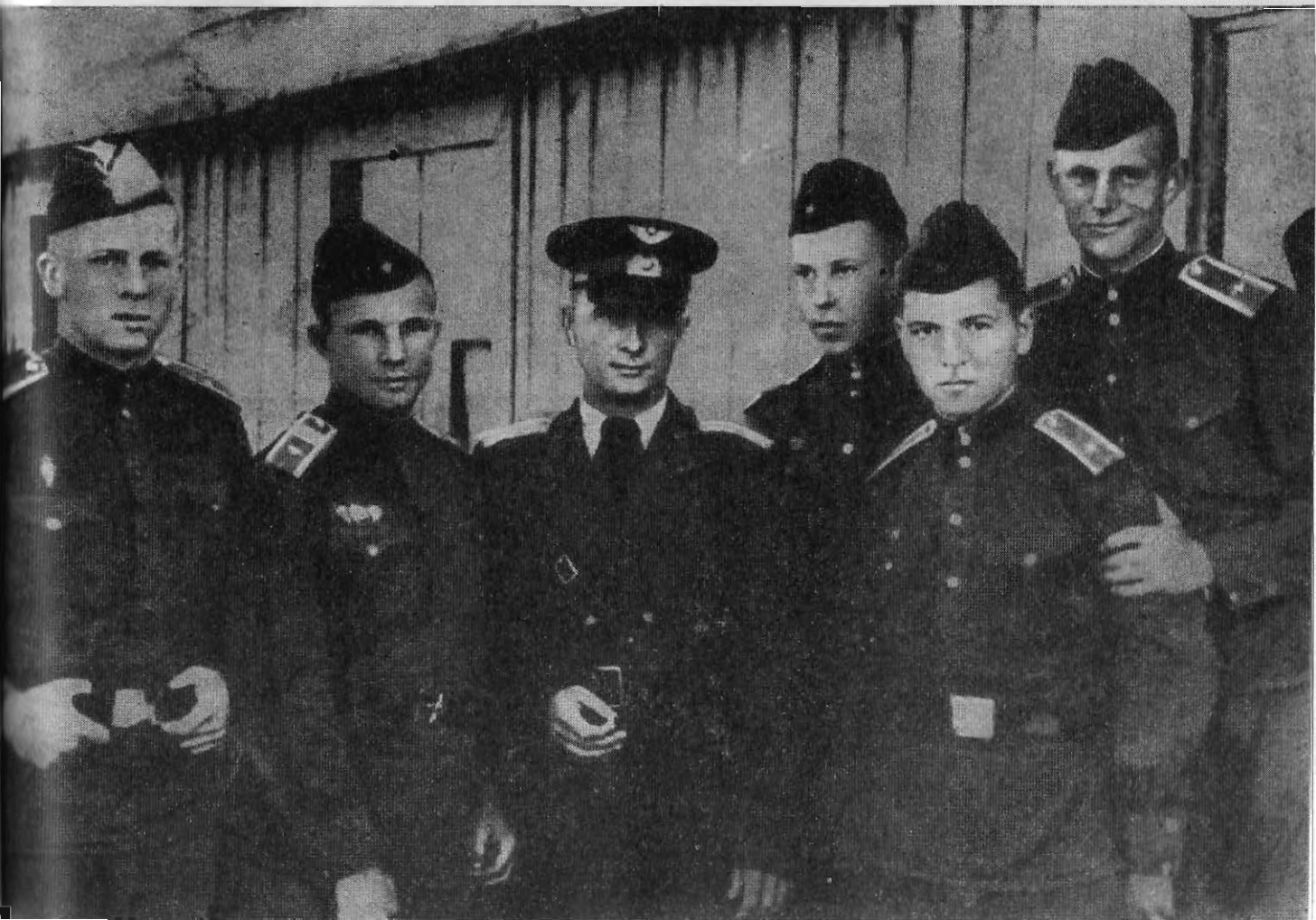
Командование благодарит Вас за воспитание сына,
ставшего отличным воином и желает Вам счастья в жизни
и успехов в труде.

КОМАНДИР ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ

Рябиков
(РЯБИКОВ)

« 3 » марта 1956 г.

*Высоко оценивали командиры, воспитатели
воинские, гражданские и товарищеские
качества курсанта Юрия Гагарина.*

В этом месяце побываю генералом на
глубокомасштабных конференциях в со-
ветском училище и на оружейной Там же гене-
ралом много интересного и полезного

Володе, здравствуй!

Сегодня ты наконец-то решил написать
мне письмо. Хотел написать раньше, и
но, как поворот не хватило времени.
Докажи до Эманова хорошо. В Эманов при-
ехал вечером. Как раз на митинге а
даже и не, но раз был сильный. Было
очень красиво. Здесь в училище нас
ожидает разочарование. Оказалось что
нам продлили срок учёбы ещё на год.
Там что следующая очередь опять при-
ду к вам кураторами. А тут ещё одна
новость не совсем приятного характера в
сердине месяца. Получу два в месяц
200 руб. Было мне 100. Т.е. сразу же
будет. Правда это сейчас в счёт удержан-
ия митинга, но митинг-то вам и так
всё же хватало. Ну и вот, приходится
се покориться, выбора другого не может

вам на в

дасять

и. Тоголевский 8-15
пу Кириллов

об (обд)

ваш

Тасарин.

гашить. С 1954
01 54 год.

бо летчики, имена которых гремели еще до войны: Михаил Громов, Андрей Юмашев, Анатолий Серов. Более ста тридцати выпускников училища стали Героями Советского Союза.

Юра писал, что от вступительных экзаменов он освобожден, потому что у него диплом об окончании техникума с отличием, да и рекомендация из аэроклуба очень крепкая. Но он помогал готовиться товарищам, сам занимался немало.

Отсеялась почти половина поступавших. Юра сожалел о неудачах ребят, с которыми уже успел подружиться. Прошедших испытания зачислили, подстригли под машинку, выдали форму. Она очень понравилась

Юре. С какими подробностями он перечислял атрибуты одежды! Началась его военная жизнь. «Работа в училище предстоит большая», — писал сын.

Это сразу же стало ясно, потому что первые месяцы из Оренбурга, кроме поздравительных, праздничных открыток, ничего не поступало. Значит, так уж было занято, что лишней строчки черкнуть было некогда.

В 1956 году вслед за поздравлением с Новым годом пришло долгожданное письмо. Юра поделился, что готовились к важному событию в жизни каждого советского воина: принятию присяги. Это произошло 8 января 1956 года. В письме дата была подчеркнута. Сыну хотелось, чтобы мы ее запомнили. Мы запомнили этот день!

Алексей Иванович сказал, что сам напишет Юре. Мы долго обсуждали это письмо

Письмо курсанта Ю. Гагарина двоюродному брату. 1957 год. (Публикуется впервые.)

к сыну-воину. Юра тоже ощутил значимость родительского напутствия. В своей книге «Дорога в космос» он отметил, что, неся впервые караул у знамени училища, вспомнил это письмо, полученное накануне из Гжатска. Вот что написал он в книге:

«Давая мне советы и напутствия, отец писал: «Юрий, где бы ты ни был, помни одно: колхозники и рабочие уважают честных, мужественных и храбрых людей, каждый советский человек ненавидит и презирает трусов. Малодушный никогда не поборет врага, потому что не верит в свои силы, не верит в стоящих рядом товарищей, не верит в победу».

Письма не было перед глазами, и прочел-то я его всего один раз, но припоминал из него фразы, сразу вдруг пустившие глубокие корни: «Честный воин бьется с врагом до последнего дыхания, до последней кровинки, предпочитает смерть бесчестию и полону».

И хотя письмо было написано рукой отца, я знал, что писалось оно вместе с матерью. «До последней кровинки», — были ее слова.

Отец и раньше давал мне умные наставления, говорил, что честность, как солнечный луч, должна пронизывать собой всю жизнь, учебу и службу солдата, войти в его плоть и кровь. Отец требовал, чтобы я соблюдал порядок не только при начальниках, но всегда и всюду, при всех условиях.

— Военная гордость — глубокое народное чувство, — говорил он Валентину, мне и Борису — своим сыновьям.

И мы на всю жизнь запомнили его слова».

...Не впервые привожу слова Юры из его книги. Они для меня как привет из спокойного прошлого от моего сына и как свидетельство его неизменного внимания и уважения к нам, родителям.

Не прекращал он переписываться и с род-

ными. Сестра сообщала, что Юра подробно рассказывает о своей жизни. К этому времени Надя (дочь Марии) вышла замуж за Сашу Щекочихина, военного переводчика, и они уехали к месту его службы в ГДР. Юра свои письма обращал теперь к брату Володе.

«Володя, здравствуй!

Сегодня вот наконец-то решил написать тебе письмо. Хотел написать раньше, но, как говорят, не хватило хотения. Доехал до Чкалова хорошо. В Чкалов приехал вечером. Как раз на площадях зажгли елки, мороз был сильный. Было очень красиво. Здесь в училище нас ожидало разочарование. Оказалось что нам продлили срок учебы еще на год. Так что следующей осенью опять приеду к вам курсантом. А тут еще одну новость не совсем приятную получили в середине месяца. Получку дали вместо 200 руб. всего лишь 100. Т. е. срезали ровно вдвое. Правда это сделали в счет улучшения питания, но питания-то нам и так вполне хватало. Ну что ж, придется покориться, выбора быть не может.

В этом месяце побывал делегатом на двух комсомольских конференциях. В своем училище и на окружной. Там услышал много интересного и полезного... Сейчас занимаемся, изучаем теорию. Живем пока на гарнизоне, но через несколько дней должны переехать в училище...

А как у тебя дела? Как занимаешься? Как дела со спортом? Куда думаешь поступать? Пиши обо всем подробнее. Пришли мне Надии адрес. Привет большой маме, т. Оле, Лиде, Гале. До свидания. С приветом Юрий. 25.01.57 год».

Сейчас перечитываю Юрины письма, и глаза невольно задерживаются на некоторых строках: «...приходится покориться, выбора быть не может». Вот так он всегда — был. Не начинал ругать все вокруг. Выбором

нет — нет и нытья, а есть работа, деятельность.

И сразу же к комсомольским делам переходил. Потому что дела общественные очень его захватывали. А если Юра чем увлекался, то не мог не поделиться с близкими.

С уважением писал оя нам о своих командирах, о распорядке, дисциплине. Никогда не жаловался на строгость военных требований. Мне кажется, что он не чувствовал какого-либо стеснения от выполнения правил. Он ведь был очень организованным, любил порядок во всем и всегда: в занятиях, одежде, делах. Я неизменно любовалась: какие же у него аккуратные тетради, конспекты, чертежи! Посмотреть приятно! Самые обычные, а будто на выставку приготовленные. Подтянут и строен он был в любой форме — учащегося, студента, курсанта.

Накануне мартовского праздника пришло мне из училища письмо. Командир Рябиков писал: «Уважаемая Анна Тимофеевна! В Международный женский день 8 марта командование части, где служишь Ваш сын Гагарин Юрий, поздравляет Вас со всепародным праздником. Вы, Анна Тимофеевна, можете гордиться своим сыном. Он отлично овладевает воинской наукой, показывает образцы воинской дисциплины, активно участвует в общественной жизни подразделения. Командование благодарит Вас за воспитание сына, ставшего отличным воином, и желает Вам счастья в жизни и успехов в труде».

Каждой матери приятно, когда слышит она похвалу своему ребенку. Отрадно было почитать такое поздравление именно в начале марта. Для меня в эти дни двойной праздник: 8-го марта наш общий, а 9-го — день рождения Юры.

Юра писал часто. Вот передо мной еще одно его письмо Володе. Первое, что я при-

вела, было написано 25 января 1957 года, а меньше чем через два месяца пришло еще одно письмо двоюродному брату. Его он написал с места практики. Немпожко и выговаривает зализавшемуся брату и в то же время подбадривает (Володя тогда плохо выступил на лыжных соревнованиях и очень переживал это). Ну а уж местность да погоду начнет описывать — сразу представляешь завьюженную степь. Вот это письмо:

«Вова, здравствуй!

Вчера вечером получил от тебя письмо, за что большое тебе спасибо. Решил вот сегодня написать письмо, хотя времени свободного у меня не больше, чем у тебя. Я недавно послал письмо Лиде, в котором просил узнать, почему от тебя нет долго ответа... Живем мы сейчас среди широкой оренбургской степи. Кругом метель, вьюга, да ветер гуляет, как в трубе. В феврале у нас была отличная погода, а с самого начала марта и до сих пор даже не хочется носа наружу высовывать. Все время ветер, вьюги, бураны. Порой бывают такие, что в десяти метрах ничего не видно. В такую погоду даже никого никуда не пускают из казармы. Уже надоела такая какайтель, скорей бы приходила весна. Спасибо за поздравление с Днем Советской Армии. Ничего, что поздно. В следующий раз исправись. Вообще-то печально у тебя с лыжами получилось. Знаешь, бывает так, что кажется, все складывается против тебя. Но главное — не сдаваться и добиваться своего. Я думаю, ты так и делаешь. Конечно, обидно бывает, когда так получается, но ты не волнуйся. Сейчас ведь у тебя главное — это учеба. И я рад за тебя, что все идет хорошо. Вот когда будешь учиться в институте, тогда дашь полную волю своим спортивным способностям. Куда ты думаешь идти после окончания десяти классов?»

...«Главное — не сдаваться и добиваться

своего». С таким настроением Юра жил всегда. Он и окружающих заражал бодростью, уверенностью в счастье, которого только и нужно, чтоб добиться.

А потом в письме — речь о разных событиях и, конечно, об учебе, приближавшихся экзаменах. Думаю, он Володе о своей учебе часто писал, чтобы показать ему пример. Володя к Юре очень тянулся, старался ему подражать. Юра, чувствуя свою ответственность, наставлял его: «Сейчас некогда развлекаться. Учим серьезную технику. Требуется много серьезного труда, чтобы знать. А знать ее необходимо хорошо. Вот и приходите поднажимать. Скоро приближаются экзамены, будет вообще горячая пора. Наде я давно уже послал письмо, но от нее пока ничего не получил. Думаю, что скоро получу».

Письмо это большое. Идет-идет серьезное объяснение, а потом Юра добавит: «Ну, понял что-нибудь?» Будто над собой усмехнется. Он любил шуткой, улыбкой перемежать разговор. Так и в письмах:

«Ну, понял что-нибудь? Устно, конечно, я тебе лучше объяснил бы, а если на бумаге все писать, то слишком длинно получится.

Вот и все мои новости. Пиши больше о себе. Как здоровье т. Маруси, как она себя чувствует? Что пишет Надя? В общем, описывай подробнее, как у вас идут дела.

До свидания.

С горячим приветом. Юрий.

Привет от меня передай т. Марусе, т. Оле, Лиде и Гале».

В отпуск Юра приехал вскоре после ноябрьских праздников. Приехал он с уже отросшей шевелюрой, в форме с нашивками сержанта. Конечно, сразу же захотелось все осмотреть, повидать, сравнить. Привез нам подарки. Вообще ни разу не было такого случая, чтобы Юра приехал с пустыми руками. Даже когда учился в ремесленном,

где денег у него было меньше некуда, и то что-нибудь да привозил. Племяннику-тезке привез вырезанный из дерева самолетик, который для Юрика стал любимой игрушкой, бережно сохранялся и сейчас передан в музей.

Сходили мы все сфотографироваться. Не хватало только Бориса — он был в армии. Фотографии я получила уже, когда Юра уехал, и нет-нет да и вынимала снимки, чтобы на сына посмотреть. Зоя-то и Валя были рядом, а Юра далеко — скучала я.

Я чувствовала, что Юра хочет о чем-то поговорить со мной наедине. Я догадывалась о чем. В последних весточках из Оренбурга часто мелькало имя: Валя Горячева.

Я сама в его годы только-только познакомилась с гармонистом Лешей Гагариным. Вот только радостью мне с родителями не пришлось поделиться: отец и мама к тому времени умерли. Не с кем было посоветоваться, не с кем планы обсудить.

В один из вечеров, когда мы с Юрой остались одни в доме, подошла я к нему. Поняла, что сам он все никак не решается начать, и спросила:

— Расскажи, сынок, про Валию.

Он обрадовался — трудное начало пройдено, поведал, что познакомился с девушкой на танцевальном вечере в училище.

— Как мы с Алешей! — не удержалась я от воспоминаний. — На посиделках я его встретила.

И пошел у нас разговор. Юра рассказал о Валиной семье. Отец ее, Иван Стенапович, работал поваром в санатории, мама вела домашнее хозяйство. В семье было шестеро детей.

— Хорошо, когда в семье много ребятшек! Значит, все к труду приученные, не избалованные. — Это я знала по опыту, по наблюдениям. Валя была самая младшая среди троих братьев и троих сестер. Она ра-

ботала на телеграфе, а нынче поступила в медицинское училище.

— Я у них часто бываю, — сказал Юра, — эти праздники тоже отмечал у Горячевых...

Разговор у нас был душевный, открытый, я спросила:

— Думаешь расписаться?

Юра неопределенно пожал плечами. Но мне показалось, что вовсе не от нерешенности, а потому, что Юра очень ответственно относился к своему слову. Сказал — значит, так будет. Он же еще был курсантом, не мог содержать семью, поэтому, видно, считал, что о женитьбе говорить рано.

Мне хотелось напутствовать его в любви. Знала, что, и не спрашивая, он ждет моего решения. Поэтому сказала:

— Если любишь, то женись. Только крепко, на всю жизнь, как мы с отцом. И радости и горе — все пополам.

Говорила я с ним о женитьбе как о деле решенном, и Юре это было очень по душе. Разговор у нас с ним был долгий. Семейные дела сложные, всякое бывает. Есть такая поговорка: «Добрый жернов все смелет, плохой сам смелется».

На другой день Юра сказал, что хочет возвратиться в Оренбург. Я поняла его, не стала упрашивать остаться: его ждала любимая девушка.

Теперь он, уже не таясь, писал из Оренбурга о крепнущей дружбе, о планах. Об учебе сообщал в общих чертах — ведь был он военным человеком, да, пожалуй, мне не все было бы доступно.

Но как-то сообщил, что у него произошло ЧП: получил он тройку. В следующей строчке уточнил: «Мама, не волнуйся, я ее исправил». Знал, что мне сообщение будет неприятно. Это была первая тройка за все время его учебы. Поставил преподаватель справедливо, а Юра извлек урок. Серьезно под-

готовился и пересдал на пятерку. В этом же письме было: «Мы все потрясены полетом спутника».

Конечно, сейчас можно присочинить, что это его выражение обозначало особую заинтересованность, предопределение судьбы. Нет! Тогда все мы, вся наша страна, весь мир были потрясены этим событием. Не мог его не отметить и Юра. «Не буду пересказывать статьи, знаю, читаете. Но как же здорово! Победа!»

Юра сдавал выпускные экзамены, как всегда, успешно.

Недавно в музей доставлена копия Юриной аттестации: «За период обучения в училище показал себя дисциплинированным, политически грамотным курсантом. Строевая и физическая подготовка хорошая. Теоретически подготовлен отлично. Государственные экзамены по теоретическим дисциплинам сдал со средним баллом — 5. Приобретенные навыки закреплял прочно. Летать любит, летает смело и уверенно. Училище окончил по I разряду. Делу КПСС и социалистической Родине предан. Вывод: достоин выпуска из училища летчиком истребительной авиации с присвоением офицерского звания лейтенант. 26 октября 1957 г.».

С документами я познакомилась значительно позже. Тогда знала: Юра стал лейтенантом, с Валею они расписались, свадьбу будут играть в Оренбурге и в Гжатске. Чтобы никому из родителей не было обидно.

Мы стали готовиться к встрече молодых. Закололи поросенка, приготовили окорока. Продуктов с нашего огорода хватило бы не на одну свадьбу. Но хотелось собрать стол понаряднее, красивее. Иван Степанович — Юрин тесть — был поваром, профессионалом в деле обставления праздничных торжеств. Мы с Зоей старались, чтобы гжатская свадьба вышла не хуже оренбургской.

Юре, как отлично закончившему учи-

лице, было предоставлено право выбора места службы. Он выбрал Заполярье. Мне было понятно решение сына поехать туда, где труднее. Молодость его звала поступать так да пример комсомольцев, отправлявшихся на освоение целины, на строительство высотных плотин, маргеновских цехов...

Приехали наши молодожены. Невестка пам с Алексеем Ивановичем очень понравилась. Зоя, Валентин, их семьи сразу же как родную приняли ее в наш гагаринский круг. Алексей Иванович «для порядку» упрекнул:

— Это что же свадьбу-то играли не в доме жениха?

— Папа, не могли же все мои подружки и Юрины товарищи приехать к вам в Гжатск. Ведь у нас была комсомольская свадьба. — Валя так мило улыбнулась, что Алешину сердитость как ругой сняло.

Я оценила ее такт, ее умение ласковым словом напряженность снять. Алексей Иванович согласно покивал: «Так, так».

За праздничным столом собрались родные, друзья. Было весело, просто да легко.

Долго задерживаться они в Гжатске не могли. Валя торопилась на занятия в медицинское училище, Юра — к новому месту службы. До Москвы они поехали вместе, там должны были расстаться. Ненадолго. Вале до окончания училища оставалось каких-то полгода, а там она приедет в Заполярье, чтобы жить вместе с мужем.

Мне, расставаясь, Юра сказал:

— Мама, мы с Валею решили отпуск делить пополам, проводить и в Гжатске, и в Оренбурге. Поровну.

Так всегда и бывало.

Пока же мы получали письма из Заполярья. Юра прибыл к месту назначения под самый новый, 1958 год. Стояла полярная почта. Предвидя мои беспокойства, он сообщил: «Мы, новички, пока не летаем. Ждем солнца. Овладеваем теорией».

Приехали они втроем, с Юрой были еще Валентин Злобин и Юра Дергунов. Юра погиб через год. Сын очень горевал о нем. А пока они вместе работали.

О службе Юра сообщал скупо, но я уже к этому стала привыкать. Однако поделился, что служит в лучшей части Заполярья, с богатыми боевыми традициями. А чтобы компенсировать сдержанность сообщений, подробно рассказывал о жизни. Писал, что, едва появилось солнце и настал полярный день, они стали ходить на рыбалку, ловить форель. По воскресеньям, захватив с собой баян, отправлялись в сопки. Много читал. Больше всего чувствовалось — ожидал приезда Вали. Окончив медицинское училище и получив специальность фельдшера-лаборанта, она прибыла в Заполярье в конце лета. Жить молодой семье вначале было негде, по безвыходных положений не существует. Молодые не унывали. Им предоставила свою комнату уезжавшая в отпуск учительница, потом нашлась комната в гарнизонном доме. Перное их семейное жилье. Они дружно обустроивали его, ремонтировали, готовили к зиме: напилили дров, заклеили окна. Юра сообщал, что они сблизились с семьей Бориса Федоровича Вдовина, заместителя командира эскадрильи. Жена его Мария Савельевна помогла Вале войти в жизнь военного гарнизона.

Жили они очень дружно. Вечерами Юра читал, Валя занималась хозяйственными делами. Общественную работу он не забросил: был редактором боевого листка, участвовал в самодеятельности (пел в хоре), занимался в вечернем университете марксизма-ленинизма. Товарищи приняли его кандидатом в члены партии.

Юра и Валя жили в ожидании важнейшего события. Юра, конечно, волновался, как его молодая жена перенесет роды. А пока — «Валя чувствует себя хорошо».

...В середине апреля отвез он Валю в роддом, а 17 апреля родилась у них девочка. Назвали ее Леночкой.

Впервые не смогла я принять из роддома внучку. Ждали мы приезда наших молодых с нетерпением. Письма от Юры приходили редко, даже не письма — записочки. Я его понимала: когда в доме появляется малыш, он поглощает все свободное время родителей. Приходят нелегкие заботы. Но какие же они приятные!

Молодые родители приехали летом. Накануне приезда Юра и Валя озабоченно сообщали, что девочка заболела фурункулезом. Взрослые темноту да стужу Заполярья выдерживали, а малышке трудно было справиться. Но я надеялась на солнышко, парное молоко нашей Зорьки, врожденные силы, которые родители передали девочке.

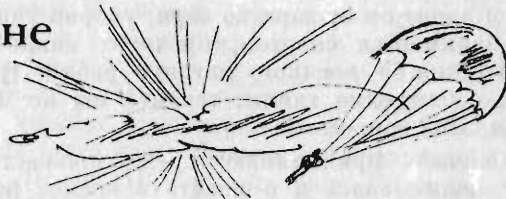
Зоя уже несколько лет как работала

в детской больнице медсестрой. Хирург отделения Михаил Васильевич Фомин по Зоинной просьбе осмотрел девочку, определил, что нужно вскрыть гнойник. Операцию она легко перенесла, и дело сразу же пошло на поправку. К оренбургским дедушке и бабушке девочка уже ехала здоровенькая.

В тот приезд много у нас разговоров было о спутниках, о полетах космических ракет к Луне. Мы считали эти беседы естественными. Жгучий интерес к космической теме испытывали все советские люди, вечерами, случалось, высыпали из домов, следили за звездочкой спутника, бегущей по небосводу. Мы не замечали, чтобы Юра проявлял какой-то особый интерес к космосу. Обсуждал как все.

А он, вернувшись из отпуска в часть, подал рапорт о зачислении его в группу кандидатов в космонавты.

Накануне

Часто меня сейчас спрашивают, говорил ли нам Юра о подготовке к космическому полету. Нет, не говорил. Знали ли мы? Нет, не знали. Догадывались? Так ведь даже представить тогда было невозможно, что в космос полетит человек.

Перед самым 1960 годом Юра предупредил, что едет в командировку в Москву, возможно, ему удастся вырваться к нам на короткую побывку. Удалось. Он приехал в форме старшего лейтенанта, объяснил, что проходит медицинскую комиссию.

— Вот и хорошо, — сказал Алексей Ива-

нович, — может, что неладно найдут, переведут с Севера, Леночка болеть не будет.

Юра засмеялся, как будто что-то уж очень остроумное услышал:

— Наоборот, папа. Если ничего неладного не обнаружат, тогда, может, переведут.

Все мои дети были в сборе: приехал Юра, возвратился из армии Борис. Но сердце рвалось к Вале, Леночке. Юра тоже переживал, как они без него справляются.

— Будем ждать перемен, — говорил Юра.

Уехал от нас. Возвратился в часть, а ме-

сяца через два — новое письмо: «Может, удастся побывать». Значит, опять вызывали в Москву. На этот раз приехал всего на несколько часов. Но нам, родителям, и такое свидание дорого. Юра рассказал, что снова проходил медицинскую комиссию, очень строгую, подробную, многодневную.

— Что ж они в тебе ищут? — спросил Алексей Иванович.

Юра уехал в ожидании каких-то решений. К дню своего рождения спешил он к своей семье, к жене, дочурке. Следом в полк пришел вызов. 11 марта Юра с Валей, Леночкой вылетают в Москву.

Теперь он жил в городке летчиков и парашютистов. Я приехала посмотреть, предложила внученьку взять к себе, пока очередь в ясли подойдет. Вот и снова малыш в доме. Как же приятно, покойно, когда беспокойная малышка топает по комнатам! Юра с Валей приезжали каждую неделю.

О работе его было нам известно только одно: занят он от зари до зари, упорно учится, занимается спортом, проходит какие-то испытания. У военного летчика работа требует соблюдения тайны, так что мы не мучили сына вопросами.

Сейчас припоминаю: среди множества тем поднималась и о полете в космос живых существ. Слетали и возвратились на Землю в космическом аппарате собаки.

Однажды Зоя заметила:

— Так, пожалуй, и человек полетит.

— Полетит! — громко сказал Юра.

Алексей Иванович вступил в разговор:

— Ты, что ль, собрался?

Нет! Не было в этом вопросе никакого желания разузнать о Юриных планах. Алексей Иванович, как всегда, в разговоре постарался осадить, на его взгляд, нескромного человека. Хвастовство он не любил, никому его не прощал. В ответе сына ему послыша-

лась, верно, нескромность, вот он и вмешался. Юра ему ответил:

— Поручат, и полечу.

— Тью-тью-тью, полетить! — с укоризной передразнил Алексей Иванович. — Там ученый потребуется, не тебе чета.

Юра не обиделся, посмеялся. Алексей Иванович тоже был удовлетворен: воспитательную работу провел. Не подозревали мы, что сын намекает нам о своем будущем.

Летом Валя прислала телеграмму, что заболел ее отец. Как ни велико было Валино горе, она нашла силы подумать о муже.

— Мама! Я Юре ничего не говорю. У них в группе сейчас ответственные парашютные испытания. Не надо его волновать.

Валя уехала в Оренбург. Ивалу Степановичу становилось все хуже. Он умер в июне. Валя сообщила об этом мужу только тогда, когда он из командировки вернулся. Я еще раз убедилась в чуткости своей невестки, порадовалась за сына. Что за испытания, что за группа, догадаться было невозможно.

16 июня 1960 года Юру приняли в Коммунистическую партию. Он серьезно готовился к космическому полету. Но об этом, повторяю, мы не знали. Я только чувствовала, что живет он каким-то ожиданием. Приезжал он, помогал дома по хозяйству, огород копал, окучивал картошку, пропальывал огурцы. И все так быстро, споро делал.

Приехали как-то они с Валей и Леночкой. Я Юру даже не узнала. Одет он был в темно-серый костюм, модный, дорогой. Очень он Юре шел, только непривычно мне было видеть его не в форме. Он ответил, что тоже не привык в гражданском ходить. Но я видела, хотелось показать обложку.

Привезли они тогда много фотографий об отдыхе в Клязьме, где были в предыдущее воскресенье. А фотографировал Саша Щекочихин — муж Нади (они в то время были в отпуске). Юра очень хвалил Сашины фо-

тографии. Мне они тоже нравились и нравятся. А сейчас они тем более ценны, что Саше удалось сохранить многие встречи.

На ноябрьские праздники назначил пап младший сын свадьбу. После возвращения из армии он опять пошел на стройку, поднимал завод «Динамик». Захотел на нем работать, выучился на гальваника. На новой своей работе познакомился с милой, красивой девушкой Азой.

Юра и Валя приехали на свадьбу Бориса. Юра был весел. Шутил. Заводил всех на песни, на танцы. Обратился к молодым:

— Молодоженам приятно желать счастья... Не знаю, правильно это или неправильно, но таков народный обычай. Я же хочу призвать Азу и Бориса быть мудрыми, терпеливыми, добрыми... — Юра говорил как бывалый семьянин, как старший напутствовал младшего. — Можно дать деньги взаймы, подарить радиоприемник, но никто не может подарить вам счастья, кроме вас самих. Так дорожите взаимным доверием, любовью, будущим... Поэт сказал: «Я люблю, когда в доме есть дети и когда по почам они плачут». Я разделяю взгляды поэта. Вам желаю полного счастья!..

Командировки Юры становились все более частыми, все более длительными. Валя ждала второго ребенка, чувствовала себя очень-то хорошо. Я приехала в городок. Возились с Леночкой. Она только училась говорить первые слова, была забавной, подвижной, шустрой.

Приближались Валины роды. А Юра отправлялся в очередную командировку и очень волновался, как жена будет без него. Попросил меня не оставлять Валю. Об этом и просить не надо! Но я ему сказала:

— Не беспокойся, сынок! Что нужно будет — передам и внука приму.

Я почему-то ожидала мальчика. А Юра, как и первый раз, — девочку. Отвезли Валю

в роддом накануне женского дня. Все не могли уйти из приемной, ждали.

7 марта в семье Гагариных появилась еще одна девочка. «Обсудила» я это событие с Леночкой, сказала, что у нее будет сестренка, а она ответила: «Дя!»

Юра был переполнен радостью. И, как ни был занят, когда бывал в доме (не в командировке), заботливо помогал жене, обихаживал дочек. Только по ночам Валя не допускала его к детям.

— Ты должен выспаться!

В начале апреля Юра уезжал в очередную командировку. Ничего особенного не заметила я. Он только пастойчиво, несколько раз повторил:

— Мама! Валю не оставляй!

Мы остались с Валею. Она была как натянутая струна. Я отнесла это на счет ее состояния.

Вдруг из Гжатска пришла телеграмма: Алексей Иванович тяжело заболел. Я не знала, как поступить. Валя стала уговаривать меня ехать к нему. Я все не могла решиться. Но Валя убеждала, что ей помогут все «наши», как выражалась она. В доме Юры тогда часто бывали его товарищи: Алеша Леонов, Павел Романович Попович, Андриян Николаев, Валерий Быковский, Павел Иванович Бедаев, Владимир Михайлович Комаров. С Германом Титовым они были, считай, соседями: жили в соседних подъездах, но балконы были рядом. Дружили и жены. Кроме Николаева и Быковского, все были женаты. Довод меня убедил. Я уехала в Гжатск, хотя на душе было беспокойно: не выполнила просьбу сына.

Алексей Иванович поправился. Он такой — ему чуть лучше, он уже за работу. Договорился помочь нашим клушинским по плотницкому делу. Я собиралась к Юре, Вале, малышам.

Было это 11 апреля 1961 года.

*На воскресенье
Юрий Гагарин
любил с женой
и дочкой приехать
из Звездного
в Клязьму
к сестре матери —
Марии Тимофеевне
Дюковой.
Ночь 1960 года.*

В воскресенье собрались у Марии Тимофеевны ее близкие. Стоят (слева направо): дочь Надя Щекочихина, сын Володя Дюков, племянник Юрий Гагарин, зять Александр Щекочихин, муж племянницы Юрий Иванов. Сидят (слева направо): жена племянника Валя Гагарина, Мария Тимофеевна с Леночкой Гагариной и внуком Юриком Щекочихиным на руках, племянница (дочь младшей сестры Ольги Тимофеевны) Лидя Иванова с сынишкой Витей. 1960 год. (Фото публикуется впервые.)

*Отдых
проходил
в прогулках,
общих
заботах,
семейных
радостях.
(См. снимки
этого и
последующего
разворотов.*

*Два
фото —
второе и
последнее —
публикуются
впервые.)*

Двенадцатое апреля

Встала я в ту среду по давней привычке рано. Надо было приготовить завтрак, отправить всех по делам: Алексея Ивановича в Клушино, Зою и ее мужа Диму — на работу, впучку Тамару и внука Юру — в школу.

Солнце вызолотило чистый небосвод, в воздухе пахло пабухающими почками. Люблю я эту пору ранней весны! Все в природе ждет пробуждения — и ты живешь в ожидании. Осталось это чувство весенней радостной заботы со времен еще нашей крестьянской жизни, когда шла подготовка к севу. Бывало, прикидываешь, когда же сеять, сажать. Последний смотр устраиваешь.

Первым посадила завтракать Алексея Ивановича — ему раньше уходить, пока дорога солнцу не расхлябало. Сама с ним перекусила, чтоб уж потом на еду не отвлекаться.

Свой плотницкий ящик он еще с вечера приготовил, я поутру только в чистую тряпочку сложила обед: яйца вареные, хлеба, картошки.

— Ну я пошел, Нюра! — попрощался Алеша, а я вышла его проводить до калитки. Утренний ледок хрустко поскрипывал под ногами, я поглядела ему вслед — Алеша шел легко. Путь ему предстоял долгий — двенадцать километров, но нам знакомый. Сколько уж хожено-перехожено по этой дороге!

Разбудила, накормила, отправила и остальных. Дай-ка, думаю, избу теперь приберу.

Вдруг слышу, как кто-то стучится в

дверь, дробно этак, нетерпеливо. Слышу — Мария, Валентинова жена, кричит:

— Мама! Радио включено? Мама! Вы что молчите?! Радио, говорю, включайте! Наш Юра...

Я к двери бросилась, отворяю, а сама ни жива ни мертва.

— Что?! Юра — что? Что с ним?

А она стоит тоже вся растерянная, толком объяснить ничего не может.

— По радио сообщение. Первый полет человека в космическое пространство. Юра наш — командир космического корабля.

Больше я ничего слушать не стала, накинула телогрейку и побежала на железнодорожную станцию. Не помню, как добежала. Одно только сверлило голову: скорее к Вале! Юра просил ей помочь! Вот он что имел в виду! Скорее к Вале, к их детишкам...

Уже на вокзале, когда билет взяла, чуть опомнилась: сообразила расписание посмотреть — оказывается, все поезда на Москву прошли, следующего обождать придется. Села — сижу. Себя оглядела и ужаснулась — несуразно одета: в халате, в домашних тапках, поверху телогрейка. Ну да ладно, возвращаться не буду, до городка как-нибудь доберусь, а там Валя свое пальто даст за Леночкой в ясли ходить. Еще чуть посидела, вспомнила, что сдачу в кассе с десятки не взяла, а встать, двинуться, чувствую, сил нет. Рядом со мной девушка на скамейке примостилась, я ее и попросила:

— Сходите, милая, объясните кассирше, что позабыла сдачу, да извинитесь, скажите: старушка тут одна совсем растерялась.

Она деньги мне принесла, спрашивает:

— Вам помочь?

— Нет. Все в порядке.

А сама сижу, жду — может, по радио что передадут. На вокзале громкая веселая музыка играет, но ничего не сообщается.

Отвлечся от своих мыслей все никак не могу: как он там, мой Юра? Что Валя сейчас делает? Что? Как?..

Пришел поезд, села, поехала. В окно смотрю. Вроде бы на станциях все смеются, но обмануться боюсь.

В Москву прибыли, вышла я на площадь у Белорусского вокзала — народу как в праздник, у многих в руках плакаты: «Ура Гагарину!» Люди смеются, кричат: «Приземлился! Ура! Прилетел!» Я заплакала и пошла в метро. Какая-то женщина спросила у меня:

— Бабушка, что с вами? У вас горе?

Я улыбнулась — у самой слезы рекой льются — и говорю:

— У меня радость!

Женщина засмеялась.

— У меня тоже. Знаете, человек поднялся в космос! Знаете?

— Знаю, — киваю, — знаю.

А она все говорит:

— Его зовут Юрий Гагарин. Запомните!

— Запомню, милая, запомню...

Спустилась в метро, доехала до Ярославского вокзала. Оттуда электричкой до городка.

В Юрину квартиру вошла, а там народу полно. Несколько военных порядок стараются установить, призывают:

— Товарищи корреспонденты! Просим дать семье Юрия Гагарина отдых. Просим всех уйти.

Распорядители обрадовались, что я приехала. Они уже и в Гжатск звонили, просили всех родных в городок отправить, а родителей космонавта не было дома. Организа-

торы взволновались. Мы же с Валею сразу занялись девочками. Приход незнакомых людей их растревожил. Мы успокоили, уложили маленьких. Да и Валею необходимо было передохнуть — она ведь Галочку еще кормила.

Распорядители это понимали, организовали отдых, сообщили, что скоро всех родных привезут сюда из Гжатска. Тут только я сообразила, что Алексею Ивановичу не легко будет весть передать. Подсказала, каким путем он пошел, но тут же прикинула: он уже в Клушине, там и искать его надо.

Пришел полковник, передал слова Юрия, что он чувствует себя хорошо, ждет встречи с родными.

В подъезде поставили дежурного, чтобы не пускал посторонних. Семье дали отдых — стало полегче.

Поздно ночью из Гжатска приехали Алексей Иванович, Валентин, Зоя, Борис с Азой. Спать долго не ложились: все обменивались впечатлениями. Каждый рассказывал, как услышал новость.

Валя поделилась, что сразу же после сообщения о полете к ней приехал корреспондент «Комсомольской правды» Василий Песков и попросил разрешения сфотографировать жену и дочерей первого космонавта Земли. Она разрешила. Скоро в квартире стало тесно от газетчиков, журналистов, соседей, знакомых. Валя не успевала отвечать на вопросы, очень устала.

— А ты где услышал? — спросила я Алексея Ивановича.

— Сказали мне еще на перевозе, только я значения не придавал, посчитал, что совпадение, — ответил Алексей Иванович.

Вышел ведь он рано-рано из дому, по холодку шагалось легко, дорога была ровная, морозом вымощенная. Нравилось и мне вот так ранним утром ходить. Алеша, знаю, тоже раннюю дорогу предпочитал. Предста-

вить красоту такого вот пути можно только по весне, когда деревья еще не проснулись от зимней спячки, соки копят, вот-вот отойдут. Рыжие космы прошлогодней травы перепутались в канавах и на пригорках, в небе — сине до пронзительности, солнечный свет будто растворен в небе золотой дымкой, а невидимая птица уже голос подает в вышине.

Мы, деревенские жители, как-то не привыкли о красоте окружающей говорить. Наши мужчины вовсе такого не скажут. Но видят, замечают не меньше городских.

Скоро дошел Алексей Иванович до села Ашкова, перед Трубином миновал речку, а там-то перевозчик знакомый спрашивает:

— Алексей Иванович! Не твой ли сын сейчас в космосе летает? Сообщение ТАСС по радио передали.

Алеша расспрашивать стал, тот и рассказал, что услышал:

— Сказали: пилотирует майор Гагарин.

— Нет, не мой сын. Мой — старший лейтенант.

— Так имя-отчество тоже совпадают: Юрий Алексеевич.

— Мало ли на свете Гагариных Юриев Алексеевичей? — Поднял Алексей Иванович свой плотницкий ящик и зашагал в Клушино.

Еще час пути оставался. Дошел, а в родном селе, кажется, все на улицу высыпали. Соседка Белова подбежала:

— Дядь Лексей, слышал? Юрка-то, видеть, твой... По радио сейчас говорили.

Он с укором посмотрел на людей:

— Да опомнитесь! Мой-то Юрка старший лейтенант...

Но его перебили, каждый радостно кричал, втолковывал:

— Все, все совпадает! Гагарин, Юрий Алексеевич, родом из Клушина Смоленской области. Он! Наш! Клушинский.

Пробился через толпу председатель колхоза:

— Алексей Иванович! Зайдите в правление. Из горкома партии просили позвонить.

Секретарь горкома сказал, что звонили из Москвы, есть распоряжение всем родным собраться в городке. Горком высылает за ним машину. Алексей Иванович мысленно прикинул обратный путь, представил, как солнце растопило ледок.

— Не пройдет машина, — ответил.

— Трактор отрядим. Ждите, — посоветовал секретарь.

— Ждать я не могу. Пойду навстречу.

— Да подождите же... — настаивал секретарь.

Но и Алексей Иванович упорствует:

— Товарищ секретарь, я наши дороги знаю. Трактор того... тоже не скоро подойдет.

Председатель колхоза выделил Алексею Ивановичу лошадь, сопровождающего, верхами они добрались до реки. Обратная дорога была неузнаваема — весна буйно растапливала лед.

Трактор уже ждал его за переправой, у Ашкова пересел в «газик». Домой он приехал изрядно измученный: шутка ли, в его шестьдесят проделать без отдыха такое путешествие.

В избе толпились знакомые и незнакомые люди. Корреспонденты обступили Алексея Ивановича:

— Расскажите, как рос Юра, каков он?

— Обыкновенный мальчишка, — ответил он на вопрос. — Обыкновенный хороший мальчишка. Хороший сын, добрый отец.

Но журналистам этого было недостаточно, они все выпрашивали, выпытывали.

Поздним вечером секретарь горкома партии остановил всех спрашивающих, распо-

рядился прекратить интервью, рассадил родных в машины и отправил в городок.

Послушала-послушала я Алексея Ивановича и укорила:

— Твой характер, Алеша, тебя наказал. Подумать даже не решаешься, что дети наши что-то особенное совершить могут. От Трубина мог повернуть назад. А ты... «Не мой сын, не мой сын. Совпадение!» Вот и месил попусту грязь.

Алеша посмотрел на меня. Глаза у него были усталые.

— Лучше, что ли, было бы, если бы не наш Юрка полетел, а я уже козырем ходил: я — Гагарин, я — Гагарин! Сама, Нюра, не такая, а меня укоряешь. Что по грязи шагал — трудность вовсе небольшая. Нам с тобой и не такое пришлось вынести. А начнем сейчас выставляться — с кого Юрке пример брать? Его и так со всех сторон расхваливают, голову закружить могут.

Что ж, Алексей Иванович был прав.

Следующий день прошел в хлопотах. Утром нам принесли приглашительные билеты на торжественный вечер в Кремле 14 апреля. Алексею Ивановичу вручили конверт с надписью: «Гагарину А. И. с супругой». Он на меня поглядел и головой покачал:

— Супруга! — слово ему показалось торжественным. — Вы в чем же в Кремль идти собираетесь, супруга?

Я обомлела. Стала прикидывать, успею ли до Гжатска и обратно обернуться. Но распорядитель встречи понял, предупредил:

— Предусмотрели. Начальством выделены деньги на экипировку. Скажите размеры, перечислите, что нужно.

Мы запротестовали, но он очень твердо отрубил:

— День предстоит волнительный. Берегите силы. — И добавил очень мягко, улыбувшись мило, по-сыповному: — Неужели,

думаете, не хватит средств, чтобы вы достойно смогли сына встретить? Так, чтобы никто из посторонних страну нашу в жадности не упрекнул?

Согласиться было нелегко. Ни разу не пользовались мы тем, что нами не заработано. Но выхода не было: времени было в обрез. День 14 апреля был расписан по минутам.

Еще до отъезда из городка нам принесли газеты с Указами Президиума Верховного Совета СССР.

Когда я оставалась одна, то брала в руки газету:

«За осуществление первого в мире космического полета на корабле-спутнике «Восток» присвоить звание *«Летчик-космонавт СССР»* гражданину Советского Союза летчику майору *Гагарину* Юрию Алексеевичу».

И тут же:

«За героический подвиг — первый полет в космос, прославивший нашу социалистическую Родину, за проявленные мужество, отвагу, бесстрашие и беззаветное служение советскому народу, делу коммунизма, делу прогресса всего человечества присвоить звание *Героя Советского Союза* с вручением ордена *Ленина* и медали *«Золотая Звезда»* первому в мире летчику-космонавту майору *Гагарину* Юрию Алексеевичу и установить бронзовый бюст Героя в городе Москве».

Неужели это о нашем с Алешей сыне написаны эти высокие слова?! Неужели имя нашего сына известно всем советским людям?! Неужели это он Герой Советского Союза?!

Он — тот самый мальчик, который шевельнулся у меня под сердцем в начале тридцать четвертого, тот самый, который далеким мартовским днем в половине шестого дня впервые подал голос «у-а», тот, который спустя неделю лежал у меня на руках —

крохотным теплым и беззащитным кулечком — всю долгую дорогу, пока вез нас Алеша из Гжатска в Клушино. Картины, впечатления, воспоминания сменяли друг друга. Да, тот! Но поверить было непросто.

На машинах приехали мы во Внуково, куда ожидался прилет самолета с Юрой. Сколько же было здесь людей! Лица у всех радостные, будто у каждого праздник. Почему «будто»? Разве каждый из нас не гордился успехами советского человека?! Нас переполняли волны счастья, когда вернулся из своего полета экипаж Валерия Чкалова, когда совершили подвиги Алексей Стаханов, Паша Ангелина, Иван Кривонос. В сердцах советских людей заложена особенность — гордиться делами соотечественников.

Нам помогли найти удобное место. Окружающие, едва узнав, что тут остановились родные Юрия Гагарина, старались устроить нас получше. Долгие минуты ожидания прервались гулом приближавшегося самолета. Сколько раз потом я видела по телевидению, в кинохронике моменты встречи, подробно запечатленные кинооператорами. Но в тот день, 14 апреля, все события были подернуты дымкой волнения. Кто-то меня спросил позже, видела ли я, что у Юры на ботинке развязался шнурок. Ничего я не видела. Смотрела только в лицо сына, не могла продохнуть от волнения.

Прошел он по красной ковровой дорожке, отдал рапорт руководителям партии и правительства, шагнул в нашу сторону, обнял Валю. Мне жаждалось одного: прижать его к груди материнскими руками, сердцем ощутить — вот он, живой и невредимый, родной мой мальчик! Сын обнял меня, ласково прошептал:

— Мама, не плачь, все позади. Мама, я тут...

Мы поехали на Красную площадь. Юра

стоял в открытой машине, люди кричали, поздравляли его, а он улыбался в ответ. Не знаю, как я пережила эти моменты гордости и счастья!

Потом шла демонстрация москвичей по Красной площади, они приветствовали Юру, стоявшего на самой главной трибуне нашей страны, он отвечал на приветствия. Я любовалась сыном, видела, что улыбка его добрая, открытая, взгляд прямой, честный. Я гордилась материнской гордостью. Радость было скрыть невозможно.

Долго шли колонны — вроде бы вся Москва хотела пройти через Красную площадь.

После демонстрации нас проводили в Кремль. Один из руководителей Коммунистической партии предложил:

— Давайте-ка пообедаем в тишине! Люди вы застенчивые, робкие, на приеме, пожалуй, голодными можете остаться...

В уютной комнате был накрыт стол, подали вкусный русский обед. Мы стали спрашивать Юру, но он сказал, что прежде должны ответить на его вопросы: «Как себя чувствуют девочки? Есть ли у Ваши молоко? Почему не видно племянников Тамары и Юры, Валентиновых дочек?»

Расспросил и о сестрах моих, своих двоюродных сестрах, Володе. Мария в те дни лежала в больнице с сердечным заболеванием. Юра сказал, что съездит проведать.

Девочки его чувствовали себя нормально, их опекали в эти дни медицинские работники. Семью разместили в Доме приемов — там девочки ждали свидания с папой.

— Как же я соскучился! — сказал Юра. Валя, отвечали дальше, справляется со своими материнскими заботами, племянники по общему решению оставлены в Гжатске.

Впечатления Юры от первого космического полета сейчас хорошо известны по прессе. Но 14 апреля рассказы его были вновь, говорил он о еще неизвестном. Слушали

его, боясь пропустить самую малость из сказанного.

Валя сидела рядышком. Я заметила, как время от времени она дотрагивалась до Юриной руки, будто проверяя, тут ли он, живой ли. Я ее понимала, Юра рассказывал всем, но иногда у него прорывалось: «Помнишь, Валя?»

Он всегда хорошо рассказывал — просто, доходчиво, слова находил очень точные. Так и тогда. Я сама словно его глазами увидела бархатную, глубокую черноту неба без солнца, колючее и незнакомое сияние звезд, Землю нашу со стороны круглым шариком, выплывающее солнце, яркое и могучее. Он рассказывал о невесомости, о состоянии, которое до тех пор никто из живущих на земле людей не ощущал.

— Чувствовал себя превосходно, — говорил Юра. — Просто все стало легче делать. Ноги, руки ничто не весят, предметы плавают по кабине. Да и сам я не сидел в кресле, а вдруг плавно вроде бы выплыл из него и завис на ремнях. По отработанной на земле программе я стал есть, пить — никаких неприятных ощущений или последствий. Стал писать — почерк ничуть не изменился, хотя карандаш как-то необычно легко шел по бумаге, да и рука была как не своя — веса ее не ощущал, но управлялась легко. Состояние непривычное, а предметы будто живые, как в детском стихотворении о Мойдодыре, — вдруг убегают от тебя. Приходится сосредоточивать внимание на том, что на земле привычно. Надо не забывать крепко держать блокнот, ручку, тубы с завтраком. Отпустишь — они станут плавать по кабине.

Он подробно рассказывал о своих ощущениях при взлете и приземлении.

— Юрк! Скажи честно — страшно было? — спросил отец.

— А ты как думаешь?! Когда корабль

вошел в плотные слои атмосферы, загорелась обшивка. Ты сидишь в самом центре пекла, а за щитками иллюминаторов бушует тысячеградусное пламя. Но... я был абсолютно уверен, что все будет в порядке. Я верил в нашу технику. Иначе Главный конструктор не дал бы согласие на полет человека.

Мы стали вспоминать различные события, эпизоды, смеялись, сопоставляя Юрины слова тех предполетных дней с тем, как мы на них реагировали. Юре же особенное удовольствие доставило, когда мы ему рассказали об отцовском недоверии, что в космос может полететь именно он, его сын. А уж когда узнал, что отец даже сообщению ТАСС не поверил, Юра вовсе развеселился. Отец тоже смеялся, повторял:

— Я говорю: нет, не мой сын, мой Юрка — старший лейтенант, а этот — майор...

Юра рассказывал о любопытных совпадениях. Оказывается, приземлился он на саратовской земле, примерно в тех местах, где начинал летать шесть лет назад курсантом аэроклуба. Первым ориентиром, который увиделся ему, была Волга. Он сразу узнал великую русскую реку — над ней он делал свои первые полеты под руководством Дмитрия Павловича Мартынова. Как же Юре было приятно, что на другой день он встретился с Дмитрием Павловичем, который по-прежнему работал в Саратовском аэроклубе и прилетел к своему курсанту на встречу.

А первыми, кого Юра увидел на земле, были жена лесника Аппа Акимовна Тахтарова с внучкой Ритой. Здесь Юра прервал рассказ замечанием: «Твоя тетка, мама!»

Женщина и девочка стояли около пятидесятого тележка, с любопытством смотря на Юру, потом нерешительно направились к нему. Заминка их была попятна: одет-то он был в непривычную одежду — оранжевый скафандр.

— Неужели из космоса? — спросила Анна Акимовна с сомнением в голосе.

— Представьте себе, да! — ответил Юра.

Потом прибежали механизаторы с соседнего полевого стана, окружили Юру, обнимали его. Подъехала машина с солдатами и офицером, которые тут оказались случайно. Они-то и передали Юре, что — он майор.

Юра воспроизводил свои, их жесты, картина вставала как живая.

Обед закончился. Наступил акт вручения наград. Мы все прошли в зал. Наступила тишина, и в ней торжественно и тепло звучал голос Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева, читавшего Указы. Он прикрепил награды на грудь Юрию, по-отечески улыбнулся в ответ на слова сына о готовности выполнить любое задание Родины.

В большом зале, куда все перешли после награждения, Юра сразу подошел к группе людей постарше его возрастом, что-то очень уважительно сказал им. Несколько человек отделились, приблизились к нам. Познакомились. Пошел общий разговор.

...В январе 1966 года после похорон Сергея Павловича Королева Юра приехал в Гжатск убитый горем, посеревший. До этого дня он часто с восхищением и преклонением рассказывал о Главном конструкторе космических кораблей, о его таланте, силе воли, оптимизме, доброте. Называл его как все — Сергей Павлович, СП, Главный. Произносил имена уважительно, с теплотой.

В том вьюжном январе он говорил о Сергее Павловиче с чувством глубокого горя, непоправимой утраты. Потом напомнил:

— Ты же с ним знакома, мама. Помнишь, как 14 апреля шестьдесят первого он подходил к вам с отцом, расспрашивал о жизни, о деревне, о семье, справлялся, не нужна ли какая помощь.

Я напрягала память. Мне хотелось припомнить, выделить среди множества лиц, окружавших меня в тот день, лицо Королева.

— Мама, Сергея Павловича невозможно ни с кем спутать, невозможно не заметить, — с мягкой укоризной сказал Юра.

Мне хотелось восстановить обстоятельства нашего знакомства, мгновениями даже казалось: помню. Нет, все-таки нет. А он, оказывается, хорошо все знал. Не раз спрашивал Юру о его семье, справлялся о самочувствии родителей.

Но нелегко воссоздать, восстановить каждый эпизод, каждое лицо в картине, особенно такой многоликой. Сколько людей было на приеме! В честь космической победы советских людей организовали концерт лучших артистов.

Мы сидели впереди. Чувствовали себя немного скованно — ведь такой пышности нам не доводилось видеть. Анастас Иванович Микоян, который сидел на концерте рядом с Алексеем Ивановичем, понял наше состояние, хотел помочь освоиться, потихоньку рассказывая о выступавших. Танцевала известная балерина. Анастас Иванович наклонился к Алепе, заметил:

— Какая фигура!

Алепа его тона не понял, с осуждением ответил:

— Да, да, платье ей надо бы подлиннее!

Анастас Иванович рассмеялся, да и Алепа мой понял свой промах, тоже подхватил смех.

Мы распрощались с сыном после приема, он пообещал, что скоро приедет в Гжатск на побывку.

— Из горкома партии просили чуть задержаться, они хотят подготовиться к встрече. Так что на меня не обижайтесь. Да и на них тоже.

Перед отъездом мы должны были проведать Марию, и Юра дал нам открыточку для нее: «Дорогая тетя Маруся! Очень сожалею, что не могу быть сегодня. Буду обязательно на днях. Побыстрее поправляйтесь. Желая Вам крепкого здоровья и всего самого наилучшего! С приветом Юра, Валя, Лешочка, Галя».

...Говорят, что о человеке надо судить по тому, как он отнесется к людям. Я бы добавила, что об известном человеке надо судить по тому, как он относится к родственникам. Ведь как бывает: прославился человек и уж родных пачинает стесняться. Нос воротит от тетки родной, от сестры двоюродной. Нет, наш Юра добро помнил всегда, никого своим вниманием не обделял.

Радость тех дней омрачена была лишь одним неприятным эпизодом. Вернулись мы из Москвы домой и обнаружили, что пустячок комода, где хранились наши семейные фотографии, письма, Юрины конспекты, дневники еще со школьных времен. Вед он их всегда аккуратно, собирал. Я эту привычку поддерживала.

Спрашиваем у Тамары, Юрика, где же все бумаги. Ребята растерянные, отвечают, что у них «дяденьки» попросили. Издания самые солидные называли, обещались, мол, вернуть. Не вернули — до сих пор. В различных газетах, журналах появляются репродукции. Копии у меня все есть. Но как хочется взять в руки те старые фотографии, мпой всегда бережно хранимые...

Через несколько лет, уже после Юриной гибели, передала мне Надюша его письма к ней, брату, Марии. Понимая тоску мою, горе мое. Вот эти-то сохранившиеся в их семье письма моего сына и привожу я в этой книге. Потому что писем к нам так никто и не возвратил. Помним мы с Зоей из них отдельные строки, отдельные мысли. Иной раз всплывут в памяти. Так мы теперь

их записываем, чтобы не упустить, удержаться...

Недавно вышла книга Вали «108 мипут и вся жизнь». В ней напечатаны строчки одного Юриного письма ко мне. Давнего-давнего. Но такие они ласковые, что вспомню — и сейчас волна тепла окатывает. Так и вижу их на страничке: «...Мама, я тебя так люблю, я так хочу целовать прожилочки на твоих руках. Спасибо тебе за все».

Сынок! Как ты был щедр на ласку! Спасибо тебе!

...Ребятишек тогда укорять не стали. Они не виноваты, что взрослым людям поверили. Да и не до укоров было тогда. Дни были наполнены опьяняющей радостью, ожиданием приезда сына, ожиданием приезда космонавта.

Напротив нашего домика стали строить новый дом. Стройка не такой сюрприз, который можно скрыть. Работники горкома партии советовались с нами, как лучше его поставить, как распланировать. Алексею Ивановичу было в новинку, что жить он будет в доме, созданном не его руками. Люди мы не капризные, никаких особых запросов не высказывали. Строители поставили на фундамент обычную трехкомнатную секцию-квартиру, накрыли ее крышей. Получилась городская квартира в саду. Землю вокруг обнесли заборчиком, предложили разбить цветник.

— А картошку, лук, свеклу, морковь, клубнику где же посадить? — спросил Алексей Иванович.

Работник горкома партии, который с нами договаривался, засмеялся:

— Понимаете ли, мы подумали: неудобно будет, что родители первого космонавта в земле возятся...

— Чего неудобно-то? — Мы с Алексеем Ивановичем не поняли даже.

— Ну... работа в земле грязная...

— Нет! Неудобно было бы, если бы мы, сил еще полные, работать перестали. Трудиться никогда не зазорно.

Вот и существует у нас и сейчас вокруг дома огород, все на нем вырастает и плодосит.

Весной 1982 года, когда опубликованы

были материалы майского Пленума Центрального Комитета нашей партии, внучка моя Тамара пошутила:

— Бабуль! Вы с дедом, видно, предвидели, что индивидуальному хозяйству тоже немалое внимание будет уделяться. Вот еще когда к решению Продовольственной программы приступили...

Свидание с родными местами

Трудно было привыкнуть к славе, которая обрушилась на Юру. Его фотографии, рассказы об эпизодах его жизни печатались в газетах, журналах, по радио сообщалось о его поездках, его делах. По правде сказать, я даже чуть робела от его популярности. Думаю, Алексей Иванович тоже, но вида он, конечно, не подавал. А мой холодок робости растапливала радость: воп чего Юра добился! Но это чувство я старалась скрыть. Не принято в нашем роду выхваляться, выставляться.

Из газет мы узнали, что Центральный Комитет Коммунистической партии Чехословакии пригласил Юру в их страну. Там он много выступал, встречался с руководителями партии и государства, рабочими, студентами, учеными, журналистами. Юре присвоили почетное звание Героя Социалистического Труда Чехословакии.

Юра прислал оттуда красочную открытку — поздравление с приближавшимся праздником. На 1 Мая он уже был в Москве, по телевизору мы увидели его на трибуне Мавзолея.

Следом пришло письмо от Марии. Оказывается, 2 мая Юра приехал к ним. Они его не ждали. Копали в огороде. В те дни у Марии находилась приехавшая из ГДР ее дочь Надюша с годовалым Юриком. Да и сын Володя был дома. Саша, Надиного мужа, которого Юра ласково величал «наш фотограф», к сожалению, не было. Вот и не осталось снимков того дня.

Вдруг у дома остановилась машина. Стукнула калитка, и Юрий голос:

— Гостей принимаете?

Юра! Тут же Володя сбегал к Ольге Тимофеевне, созвал всех: и ее, и Лиду с мужем Юрой, с сынишкой Витей, и Галку. Собрались все.

Мария понимала, что мне все хочется знать о сыне, описала все подробно. Даже что одет он был в новый костюм, серый габардиновый плащ, красные черные ботинки. «Только мне показалось, — писала Мария, — что Юре не очень-то нравится ходить в гражданском, я ему, Нуша, даже об этом сказала, он согласился. Но выглядит, конечно, нарядно. Как всегда, веселый,

шутит, всех чуть подначивает, заводит, но необидно».

Посидели за праздничным столом, поговорили, повспоминали, посмеялись. «Мне было так приятно, что я даже лучше себя стала чувствовать. Можно сказать, совсем поправилась», — описывала сестра.

После обеда, как всегда, Юра пошел мыть посуду. Мария с Надюшей пытались его остановить, но он поразился: «Это почему же?» Так они с Надеей все и прибрали.

Тут с улицы послышался какой-то шум. Оказывается, люди проведали, что сюда приехал Гагарин. Собрались к дому.

«Глянули мы, Нюша, в окно, — говорилось в письме, — огромная толпа. Все хлопают в ладоши, хором Юру приветствуют. Он руки кухонным полотенцем вытер, говорит: «Надо выйти». Пошел, да и нас пригласил. Вышли мы из калитки, смотрим — на дорогу выкатили большущий валу. Трибуну, стало быть, соорудили и просят, чтобы Юра на нее поднялся. Он встал, поблагодарил всех за теплоту, за поздравления».

«И что, Нюша, приятно, не забыл о нас. Сказал, что тут, в Клязьме, у сестер своей мамы провел он многие дни в годы учебы. Перечислил поименно всех родных, сказал, что семья наши дружные, что дружба в жизни — помощник», — закончила Мария свое письмо.

Через несколько дней газеты сообщили, что в США запущена космическая ракета с астронавтом Аленом Шепардом на борту. Дома обсуждали, что наш советский «Восток» облетел всю Землю, а не попросту совершил космический прыжок.

Побывал Юра в Болгарии, в стране, с давних пор родной каждому русскому человеку. Так бываю близки народы, издавна вместе борющиеся с захватчиками. Там Юре вручили орден Георгия Димитрова и

Золотую Звезду Героя Социалистического Труда Народной Республики Болгарии. Сын был первым иностранным гражданином, удостоенным этого высокого звания.

Вернулся он на Родину, поехали они с Валеи в Оренбург, к ее родным, в военное училище, которое всего за три с половиной года до полета закончил сын.

Калужапе пригласили Юру на закладку здания Государственного музея истории космонавтики. Представила, как Юре приятно было это приглашение: он еще в космическом полете решил побывать в Калуге — «колыбели теории межзвездных полетов», как он назвал этот город, где жил и работал К. Э. Циолковский.

...Строительство нашего дома подходило к концу. Юра сообщил, что семнадцатого июня будет у нас.

Я всегда ждала-ожидала его приездов с нетерпением. Бывало, хожу-хожу, вдруг замечу — улыбаюсь вроде бы без причины. В чем дело? Вспомню: Юра написал, что скоро приедет, — вот почему сердце поет, а губы сами собой улыбаются.

А уж этот приезд и вовсе праздничным будет. Лето в разгаре, деревья стояли в густой темно-зеленой одежде, расцвели розы; что посадили мы у старого дома, да и у нового тоже. Сирень у крыльца, которую когда-то слабым кустиком принес Юра, опушилась, окрепла, славно зеленела.

Юру ждали к полудню. Прослышала я, что собирались его у въезда в город встретить и потом понести на руках. Беспокоило меня это. Считала я такую встречу чересчур пышной. Представляла, как Юре будет не по себе. Вот только не решалась кому-либо сказать. Ведь люди-то от полноты сердца старались!

А Юра всех перехитрил. Взял да и приехал раньше срока. Мы только-только прибрали со стола после завтрака, а тут

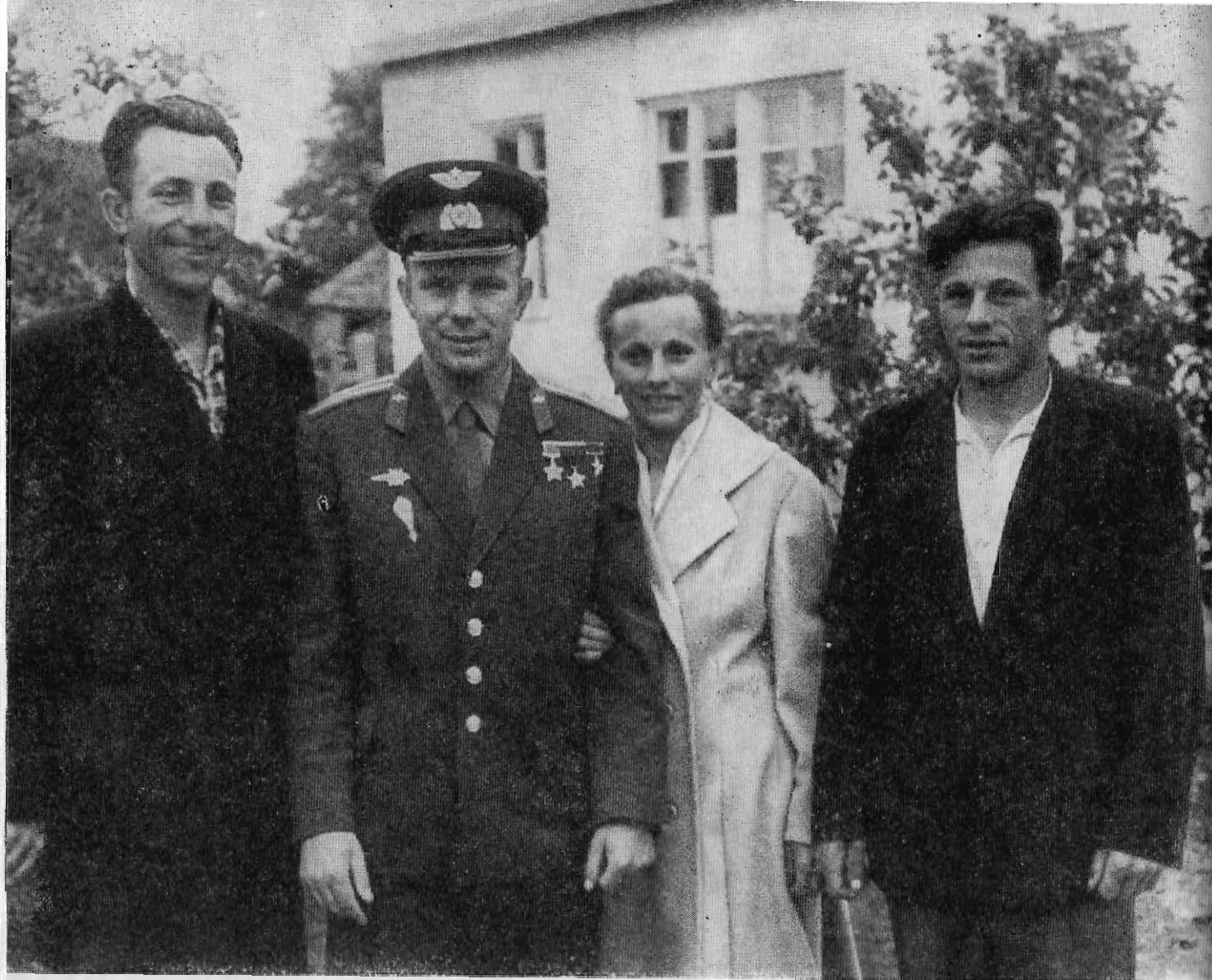
*Москва встречает первого космонавта
планеты Земля.*

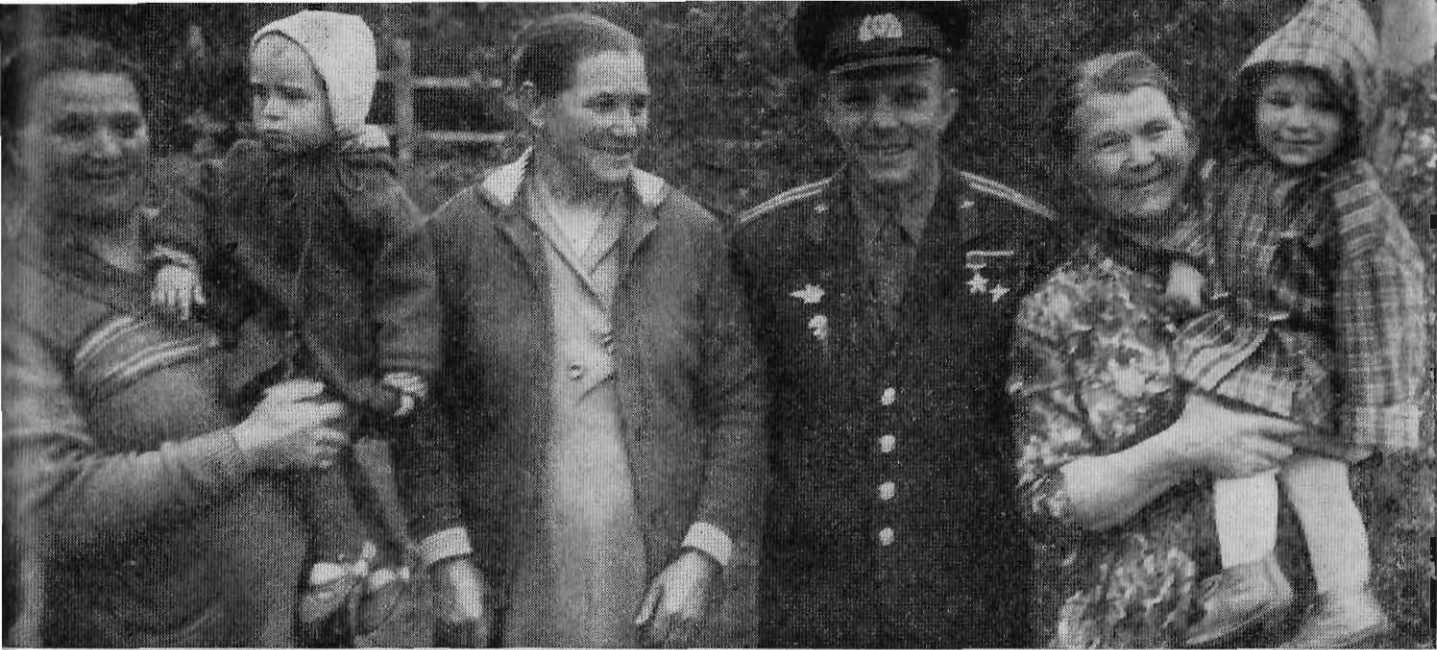

*В июне 1961 года Космонавт-1 приехал в родной Гжатск.
Его приезда близкие ждали с нетерпением.
Юрий Гагарин с матерью, отцом.*

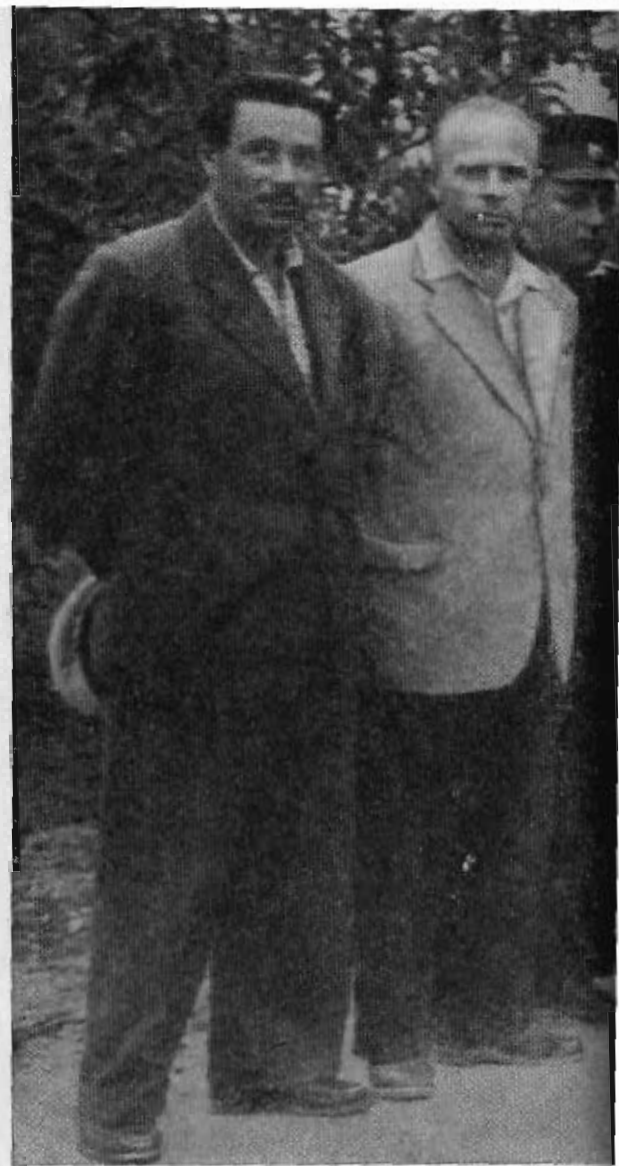
*Юрий Гагарин с братьями Валентином, Борисом, сестрой Зоей.
Ю. Гагарин с матерью Анной Тимофеевной и ее сестрами Ольгой
Тимофеевной (слева), Марией Тимофеевной (справа).
(Фото публикуется впервые.)
Автографы — землякам.*

*Юрий Гагарин с племянницей Тamarой.
В родном селе Клушине. (Фото публикуется впервые.)*

*Юрий Гагарин с двоюродной сестрой Надей Щекочилиной и ее мужем Александром Щекочилиным.
Ю. Гагарин с дочерьми брата Валентина.
Ю. Гагарин, его мать, отец, близкие, гости у нового дома родителей.
(Фото публикуются впервые.)*

Новоселье.
(Фото публикуется
первые.)
На рыбалке.
Материнское
напутствие сыну.

Очень рад побывать в родной
школе. Сердечное спасибо всем
преподавателям за их труд,
помощь и внимание, воспитывав
и обучаю меня. Желаю велико кол
лективную школу самых больших
успехов в обучении и воспитании
нового поколения советских людей

Гагарин
2006-04-04

Каждый раз, когда
Юрий Гагарин бывал
в Гжатске, он
неизменно заходил
в школу.
Ю. Гагарин
с любимым
учителем Львом
Михайловичем
Беспаловым.
В кругу учителей
и учащихся.

Здравствуйтесь со. Марусе,
со. Ане, Сауа, Нага, Баба,
Ганул!

С пожеланиями приятности и
вам Тарапину.

Только сегодня решилось, что
завтра еду в Троицк. Везде
звонки, но не на работе не
застану. Если пометит, вы-
езжайте в Троицк, моя
машина приехала за вами.
Я уезжаю туда раньше, буду
ждать вас там. Но мне
заехать за юркой и мидой
потому что в Олесе вилла и
потому что там же.

Олеус не ду бае в Троицке.
Виганне. С приятностями
ане, мюнка и Ганорна.

Тарапину -
16.06.67.

С 1 января 1961 г. цена
конверта с маркой 3 коп.

уда Московское
бу. Ст. Клеуина
Торолевская 15
му Шеховичу
Иксандрю

сп. правителю

Категория «Красный Москва».
ехать: Шеховская шоссе - окружная дорога,
Архангельская шоссе - поворот на Кутузову,
ул. Торолевская. 15

глядим — машины у дома останавливаются, несколько черных «Волг».

Тут же соседи из домов повысыпали. Немного неудобно было, что нашу встречу наблюдает много народу, но жители Гжатска так искренне радовались Юриному приезду, что первоначальное замешательство прошло.

Юра вошел в старую избу, одушевился на лавку у стола, взглядом обвел комнату:

— Хорошо дома!

Тут, слышим, еще машины подъехали. Входят секретарь райкома партии Николай Григорьевич Федоренко да другие товарищи:

— Что же вы, Юрий Алексеевич, раньше времени? — поздоровавшись, сказал Николай Григорьевич. — У нас же планы были...

Юра улыбнулся, отвечает:

— Не сердитесь. В план небольшую поправочку внесем. Необходимую. Но в дальнейшем обещаю быть дисциплинированным. Так какое второе действие?

Нет! На него невозможно было сердиться. Это я не просто как мать говорю. Многие отмечали его доброту да доброжелательность. И тут Николай Григорьевич понял, что Юра опередил их, потому что, видно, о встрече проведаль да избежать такого хотел.

Мы все вышли, перешли дорогу. Тут на глазах Юры и тех, кто приехал с ним, нам с Алексеем Ивановичем вручили ключи от нового дома — дара Советского правительства. Как новоселы обошли мы квартиру: большая комната, спальня, кабинет.

— Это и для тебя, Юра! — сказал Алексей Иванович.

— Вот и славно! — похвалил Юра и

обернулся к организаторам встречи с вопросом:

— Пошли?

Он вывел всех нас из дома и повел в парк имени Федора Федоровича Солнцева — нашего гжатчанина, погибшего под Баку в числе двадцати шести комиссаров.

...Много доставляли нам дети приятных минут. Сейчас, на старости лет, я мысленно перебираю их. Вспоминаю прежде всего те мгновения, когда вел нас Юра по улицам родного Гжатска, и люди приветствовали его. А улицы были украшены флагами, как в самый главный праздник.

В парке был митинг. Выступали вслед за Юрой многие. Смотрю — недалеко от трибуны Лев Михайлович Беспалов стоит, Юрин школьный учитель по физике, какие-то жесты делает. Слов его я не расслышала, а Юра разобрал, закивал:

— Обязательно приду! В школе обязательно буду! А как же?!

Очень уважал Юра своего учителя, в книге «Дорога в космос» писал о нем: «Кто знает, не встретить я его, и, может быть, не был бы космонавтом. Это так важно — с детства определить свой дальнейший жизненный путь и идти по нему, не сворачивая в сторону. Лев Михайлович привил мне любовь к физике и точным наукам, познакомил с творчеством К. Э. Циолковского».

После митинга в парке мы пошли домой. Подходим к дому, а там еще одна машина стоит. Юра говорит:

— Ну вот, все в сборе!

— Кто все? — спрашиваю.

— Сейчас увидишь! — А сам улыбается: понимаю — сюрприз приготовил.

Так оно и было. Накануне Юра попросил отправить машину в Клязьму за всеми родными, а им написал письмецо. Ту записочку-приглашение Надя мне вместе с остальными Юриными письмами передала.

В те дни у почтальона Ани Царевой прибавилось работы. Множество похвальных писем и телеграмм шло родителям космонавта.

Я ее сейчас нередко перечитываю. Коротенькая она, написана в то время, когда сына отовсюду приглашали на различные встречи. Мог бы он закружиться, позабыть своих. Но нет. В записочке все родные поименованы, никто не забыт:

«Здравствуйте, т. Маруся, т. Оля, Саша, Надя, Вова, Галя! С горячим приветом к вам Гагарины. Только сегодня решилось, что завтра еду в Гжатск. Лиде звонил, но ее на работе не застал. Если можете, выезжайте в Гжатск, эта машина прислана за вами. Я уезжаю туда раньше, буду ждать вас там. Можете заскочить за Юрой и Лидой. Получилось все очень быстро и поэтому такая спешка. Очень жду вас в Гжатске. До свидания. С приветом Юра, Валя, Леночка и Галочка Гагарины. 16.06.61 г.»

Подошли все к дому, тут Саша и говорит:

— Товарищи! Предлагаю всем сфотографироваться.

Кто-то из организаторов стал торопить: время! Но Юра возразил, что у нас издавна так повелось — важные события запечатлевать. Стали фотографироваться разными группами: то Юра с родителями, то Юра и «три сестры», как нас назвал Саша, то Юра с семьями братьев, с племянниками. Под конец все мои дети. Зою Юра поставил рядом с собой. Я отошла в сторонку, залюбовалась ими: хорошие все-таки у нас с Алейшей ребята выросли, дочка пригожая...

Вечером обновили новый дом. За праздничным столом собралась вся наша семья: Зоя с Димой, их дети Тамара и Юра, Валентин с Марией и девочками Людой, Галей, Валей, Борис с Азой. Во главу стола Юра посадил нас с отцом:

— Новоселам — почетное место!

Новоселье было веселое, лучезарное. Вечером по радио передавали Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении

многих рабочих, конструкторов, ученых, руководящих инженерно-технических работников за успешное осуществление первого в мире космического полета. Сто два человека стали Героями Социалистического Труда, семь из них — дважды, а шесть тысяч девятьсот двадцать четыре человека награждены были орденами и медалями Советского Союза.

Я слушала Указ, и мне открылась грандиозность труда, результатом которого был первый полет в космос. Сколько же людей трудилось, коли одних награжденных более семи тысяч!

Юра поднялся очень торжественный и предложил тост:

— За выдающихся ученых, за умнейших инженеров, за самоотверженно трудившихся советских рабочих, за испытателей техники, за всех-всех, кто готовил дерзкий полет, кто доверил мне плод своего ума и труда, своих мечтаний.

Все за столом последовали Юриному примеру и встали.

По телефону Юра связался с редакцией газеты «Правда», попросил передать от своего имени, от имени родителей и земляков сердечные поздравления всем награжденным.

Утром он «попросился» на рыбалку, пошутил, что все-таки имеет право на отдых. Я-то думаю, что дело было не в этом. Просто хотел он показать приехавшим с ним из города наши смоленские места, которые очень любил.

В школу Юра пошел на другой день. Вначале подошел он к старенькому двухэтажному дому на Советской, где располагались их классы в послевоенное время, постоял, посмотрел, затем повернул к новой школе.

Лев Михайлович рассказал мне потом о встрече. Сын вошел в школу, как положено,

снял фуражку. Молоденькая учительница обратилась к нему:

— Юрий Алексеевич!..

Хотела продолжить, но Юра очень мягко ее поправил:

— В этих стенах я не Юрий Алексеевич, а как был — Юра, Юрка.

Обошел он все классы, посидел за партами, с интересом послушал учителей, расспросил об их жизни, рассказал о себе. Потом Юра в школьном дворе посадил лиственницу, напомнил: «Мы каждый год сажали, восстанавливали изуродованные фашистами леса. Пусть это дерево растет в знак мирной победы советского народа».

В книге записей, которая была приготовлена к этому дню, записал: «Очень рад побывать в родной школе. Сердечное спасибо всем преподавателям за их труд, который они вложили, воспитывая и обучая меня. Желаю всему педагогическому коллективу самых больших успехов в воспитании и обучении нового поколения советских людей».

В Клушино поехали на нескольких машинах. Юре хотелось, чтобы все вместе мы побывали в дорогих нам местах. Ехали. Сияющими глазами смотрел он вокруг, приговаривал:

— Хорошо-то как! Красиво у нас на Смоленщине!

В своей книге он так написал об этой встрече с родными местами: «И вот они, милые моему сердцу раздольные края. Глубокая и прохладная река Гжать, опушенная метелками камыша, рощи и перелески, полевые дороги среди цветущей ржи и льна, смугло-золотые вальдшнепы и цоканье соловьев. Все как в детстве. Только добавились высоковольтные линии электропередачи, да больше стало на дорогах машин, да еще, пожалуй, масса новых, недавно построенных домов».

В деревне нас уже ожидали. Сколько же

народу собралось! У каждого дома останавливался Юра, потому что людям хотелось поговорить с ним, а ему — порасспросить односельчан.

У большого дома в центре деревни оклинула его старая женщина, лукаво на него поглядела:

— Ну, Юрушка, бога-то там не видел?

— Не видел! — Юра эдак головой качнул.

А она ему:

— А меня-то небось не помнишь!

Все вокруг затихли, а Юра нагнулся к ней, отвечает:

— Да как же могу я вас, Вера Дмитриевна, забыть? Часто с благодарностью вспоминаю. Не только я — уверен, что и другие школьники сорок третьего.

Это была та самая Клюквина, в доме которой на третий день по освобождению стала заниматься школа.

Услышала Вера Дмитриевна Юрины слова и прослезилась. Глаза платком утирает, приговаривает:

— Спасибо, Юрушка, уважил!

Спустились мы на наш край. Остановились на том месте, где дом наш когда-то был. Юра и говорит:

— Mam! Пройдем к землянке.

Землянка-то тогда, конечно, обвалилась, яма от нее осталась — примета. Подошли мы. Сколько мыслей пронеслось в голове! О войне, о горестях, о мире, о победах. Юра меня понял, обнял, говорит:

— Ну теперь-то все хорошо!

— Хорошо, Юра!

...Время нашей встречи подходило к концу. Теперь у Юры дни были расписаны. В этом расписании встречались названия других стран, о которых мы раньше только в газетах, книгах читали, в кино их видели.

Юра успокоил:

— Бывать буду часто.

Обещать-то он обещал приезжать, но я опасалась, что трудно Юре будет это сделать, раз так много у него разъездов. Но опасения были напрасными. Юра понимал, что нам будет очень не хватать его, да и сам скучал. Едва выдавался свободный день — являлся погостить. Хотя не так часто, как ему и нам хотелось.

А вот писем его мне стало недоставать. Телефонный разговор отзвучал — нет его. Письмо же можно читать-перечитывать...

...Сейчас часто читаю Юрины книги, статьи. Встречаются там упоминания о доме, детстве, семье, родителях — они как привет из далекого далека, от родного моего мальчика.

Земные пути

Мы с Алексеем Ивановичем так и не смогли привыкнуть к славе сына. Умом-то я понимала, что стал он человеком знаменитым, а все-таки было как-то необычно, что многое из его жизни известно, что люди интересуются не только его работой, но и домашними делами. Как будто он все время на сцене находится и виден всем.

Говорить мы об этом с Алексеем Ивановичем не говорили, но знаю — он тоже задумывался над особым положением Юры. Поняла я это по одному случаю. Когда у нас в городе ремонтировалась пекарня и хлеб привозили из района, машина иногда задерживалась, возникали очереди. Как-то захожу я в магазин, а там как раз хлеб только-только привезли, народу полно. Стала я в конец очереди, а тут одна женщина и говорит:

— А что, Гагарина, тебе, что ль, без очереди не отпустят?

Сказала не то что зло, а вроде бы с подковыркой. Люди-то ведь разные бывают! Я отвечаю:

— Отпустить-то отпустят, но вдруг хлеб перед тобой копчится, ты и скажешь, что Гагарина мой хлеб взяла, да еще без очереди. Нет, не хочу, чтобы имя наше трепали. Постояю — мне нетрудно.

Домой пришла, на сердце как-то неуютно. Случай вроде пустяковый, а тревожит как заноза. Алексею Ивановичу рассказала. Он прежде успокоил:

— Юра, ну что ты на такое внимание обращаешь? Небось другие-то ее одернули?

— Конечно.

Потом уж какое-то время прошло, он и говорит:

— Нюр! Ты бы это Юре рассказала. Имя-то не говори, не жалуйся. А пусть поймет, пусть знает.

И замолчал. Я тоже об этом же думала.

Когда Юра приехал, как бы между прочим пересказала. Он послушал, засмеялся:

— Воспитательное значение притчи понял. Не беспокойтесь! Я тоже не допущу такого, чтобы имя наше — как ты, мама, выразилась — трепали. Но... что у вас с хлебом?

Мы объясняем, а он построжал, брови сдвинул, говорить стал даже резче:

— Как это — очереди? Давно пекарня на ремонте? А что же мне ничего в исполкоме не сказали? Надо решать! Подождите!

Оделся. Ушел. Возвратился часа через два, улыбается:

— Ну вот, все в порядке. Я как-никак у вас депутат. Мне до всего дело.

Такие дела решал, а вот по дому помогать не удавалось. Бывало, только начнет какую-нибудь работу работать — забор поправлять, картошку сажать или копать, огурцы полоть или поливать — глядишь, кто-то из городских руководителей идет, вопросы важные нужно обсудить. Юра смущенно улыбнется:

— Мам! Освобожусь — помогу.

Но какое там — освобожусь! Идут и идут люди. Я вижу, ему домашними делами хочется заняться — физический труд он всегда любил, да другие заботы к себе требуют.

Нам не то обидно, что Юра не помог, а то, что побывать-то одним почти что не удавалось. Может, Юру такое положение тоже немного утомляло, только он никогда такого не сказал — ни словом, ни намеком. А кто приходил, никогда его неудовольствия не чувствовал, потому что не было его. Усталость, может, и была. Я думаю, Юра потому и к охоте пристрастился, что порой одному хотелось побыть. Ему как-то Алексей Иванович сказал, что охота — это вроде бы барство. Но Юра возразил:

— Подумать человеку тоже нужно. Природа к этому располагает.

Но эти замечания так, к слову. Юра приезжал обычно энергичный, подтянутый. Так и вижу: быстро выходит он из машины, несколько шагов, и он уже в доме. Глянешь — важный военный, улыбнется — мой Юра, прежний: простой, ласковый, заботливый. А он уж подарки достает, да все нужное, же-

лаемое. Значит, внимательный, присмотрелся, кто в чем нуждается, кто чего хочет, — отец, я, Зоя. А уж племянниц да племянника игрушками, сладостями порадует.

Сам по дому, огороду ходит. Все обсмотрит, новое оценит, слово обязательно скажет:

— Абажур, мам, красивый.

Или:

— Вот как Зоина клубника выросла, ай да ягоды!

А нам уж не терпится поговорить, о семье узнать, если он без Вали и девочек приезжал, о поездках послушать. Конечно, как каждой матери, угостить его хочется своим, домашним обедом.

Юра в дом пройдет — тут уж обычно вся семья собиралась, китель снимет, за стол сядет и эдак радостно-удивленно скажет:

— Щи! Ох, здорово как! Как я, мама, твой щи люблю!

Зоя накрывает, заметит:

— Между прочим, я их готовила.

— И твой всегда вкуснющие!

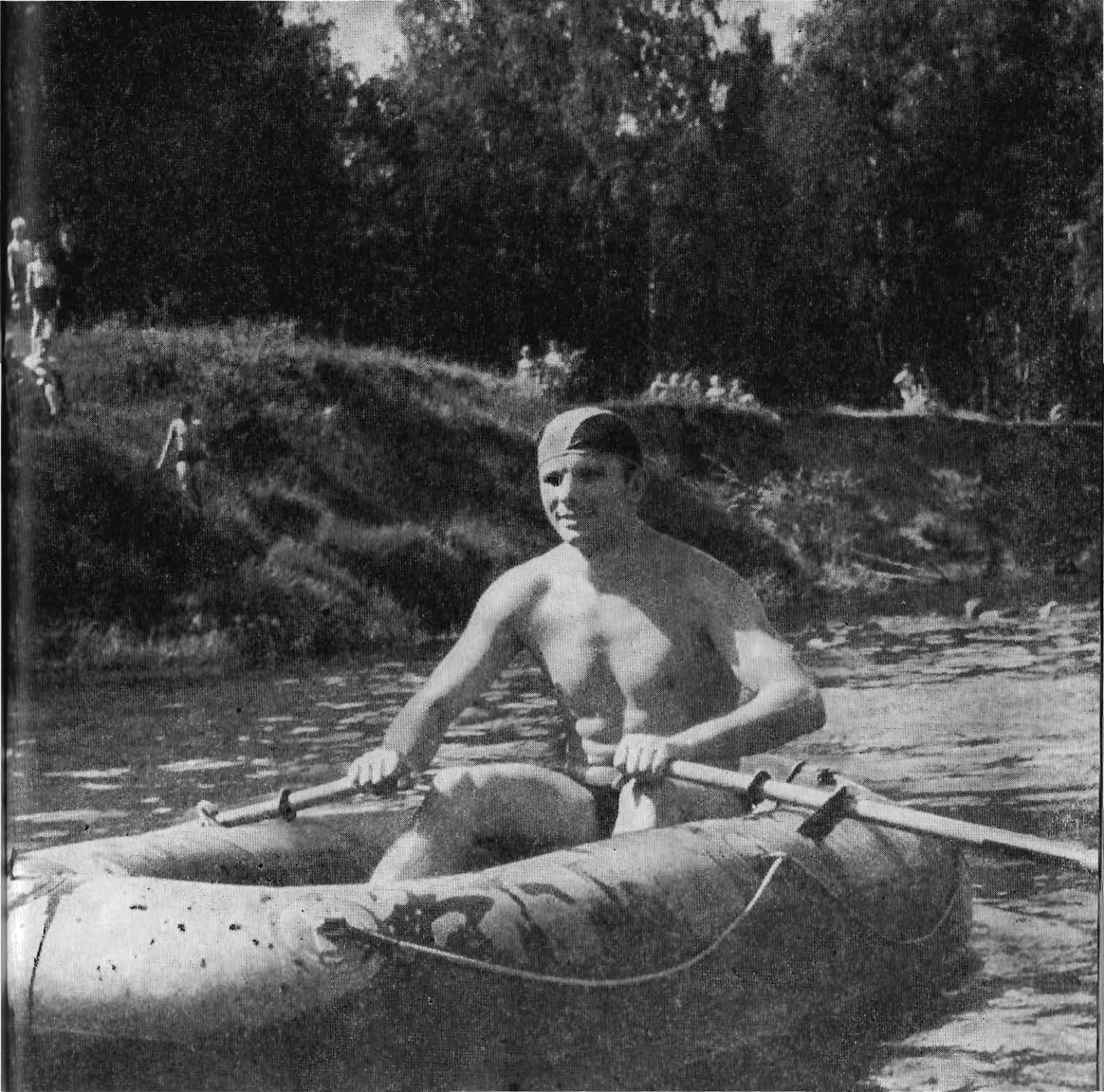
А мы уж расспрашивать начинаем. Половина времени уходила на рассказы о его поездках по свету. Раз он даже шутливо посетовал:

— Мало мне пресс-конференций за границей, так приходится родным отвечать на многочисленные вопросы.

Но вместе с тем не поделиться с нами он не мог. Был полон впечатлениями, мыслями, наблюдениями.

В скольких же странах он побывал! Финляндия, Англия, Польша, Куба, Канада, Венгрия, Индия, Цейлон, Афганистан, Египет, Гана, Либерия, Греция, Кипр, Австрия, Япония, Дания, Франция, Мексика, Швеция, Норвегия... Разные были встречи. Юра

Космонавт-1 на отдыхе. (Фото публикуется впервые.)

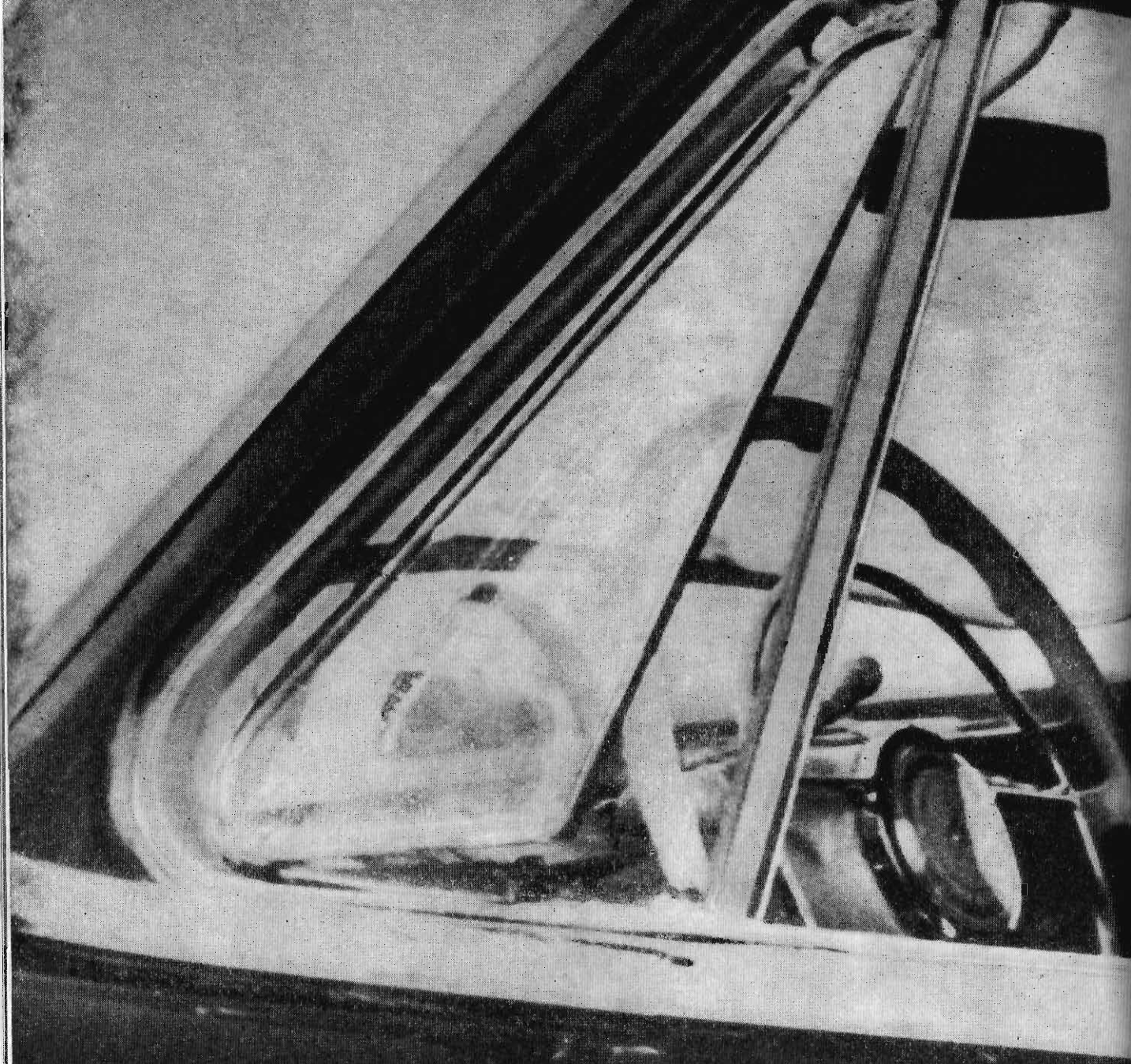

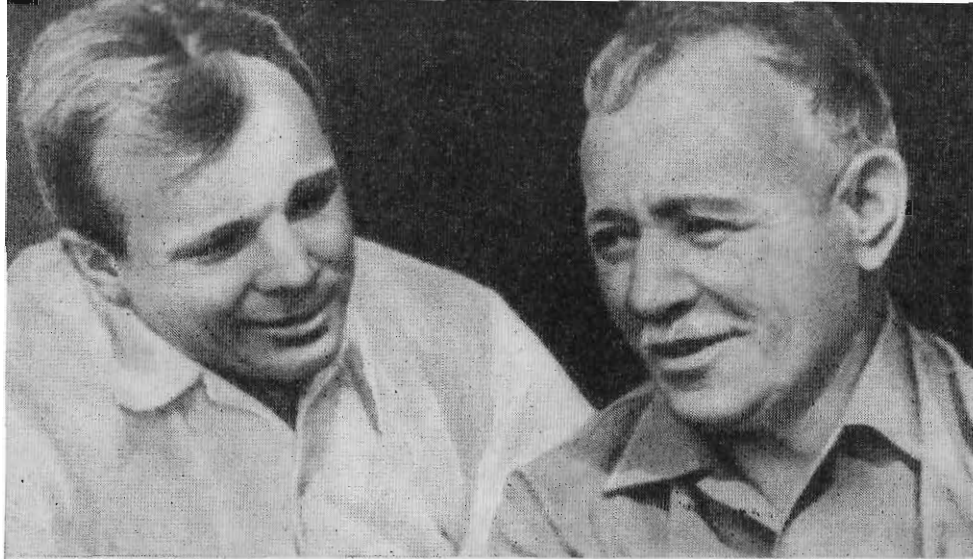
*К Юрию Гагарину приехали родственники. Июль 1961 года.
(Фото публикуется впервые.)*

*Вскоре после своего космического полета Юрий Гагарин приехал
на встречу к ребятам в подмосковный пионерский лагерь «Энергетик».
Июль 1961 года. (Фото публикуется впервые.)*

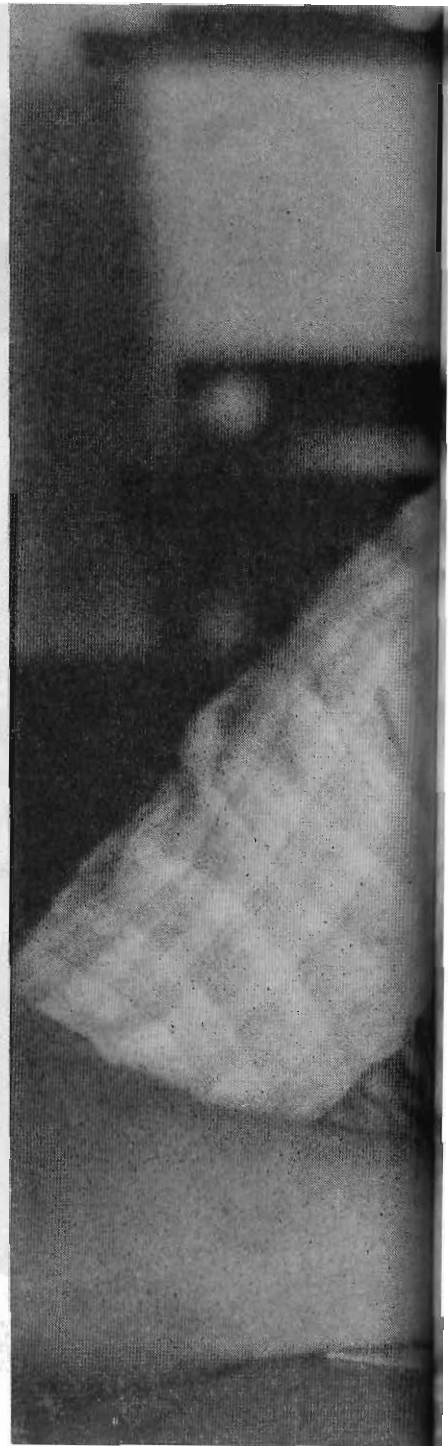

*Юрий Гагарин с М. А. Шолоховым.
На охоте с космонавтами В. М. Комаровым и
А. Г. Николаевым.*

встречался и беседовал с рабочими, королями и королевами, студентами, журналистами, крестьянами, учеными, миллионерами, летчиками, артистами.

У нас никогда не возникал разговор о значении этих поездок. Но вот припоминается прежде всего, как Юра рассказывал об Австрии. Посетил он небольшой городок Маутхаузен, который сейчас известен миру тем, что возле находился фашистский концентрационный лагерь. В знак памяти, для предостережения всем людям сохранили это место. Высокая, сложенная из серого камня, обвитая колючей проволокой стена. В «лагерь смерти» привозили борцов против фашизма, и мало кто вышел живым из его ворот. Высятся сейчас там памятники погибшим. На большой мемориальной доске, установленной у ворот, выбит длинный перечень загубленных в лагере людей.

Юру так поразили тогда эти цифры горя, что он записал их, прочитал нам, рассказывая о лагере. С июня 1938 года по май 1945 года здесь было замучено фашистами 122 767 узников. Из них граждан СССР — 32 180 человек, поляков — 30 203, венгров — 12 923, югославов — 12 870, чехов — 4473, немцев-антифашистов — 1500, австрийцев-антифашистов — 235... От рук гитлеровских палачей тут погибло 8204 француз, 6502 испанца, 5750 итальянцев, 3700 греков, 742 бельгийца, 178 голландцев, 77 порвежцев, 34 американца, 19 жителей Люксембурга, 17 англичан. И еще 3160 человек, не имевших подданства. В этом лагере был зверски замучен видный советский ученый, генерал Д. М. Карбышев, не согласившийся ни за какие посулы продать свои знания гитлеровцам.

Тот Юрин рассказ мне как-то особенно запомнился. Сидели мы за столом: Юра, Алексей Иванович, я, Зоя — она ради Юрино приезда все домашние дела бросила,

пришла. Конечно, тут же прыскакали внуки — Тамара да Юрий. Сын говорил негромко, а как до описания издевательств фашистов над людьми дошел, голос его вовсе как бы прервался. Встал он, к окошку отошел... Я чувствовала, что ему виделись дни оккупации, издеательства фашистов над нашей семьей, над Бориской, над нашими соседями, над советскими людьми. Знала, что думалось ему об участии угнанных тогда в неволю Валентина и Зои.

Постоял немного, успокоился, сел рядом с Зоей и приобнял ее. Сурово, сдержанно произнес:

— Какое счастье, что наш народ выдюжил в этой ожесточенной борьбе с врагами человечества, что он наголову разгромил фашистов и тем самым дал нам, молодому поколению советских людей, возможность жить такой богатой творческой жизнью, летать в космос, строить коммунизм!

Юра не любил громких слов, стеснялся произносить их, но тут сказал:

— Я дал клятву отдать все силы борьбе за мир. Все силы! Рассказать, доказать, что наша страна, от войны пострадавшая, делает все возможное, чтобы предотвратить новую войну.

Я поняла: Юрины поездки необходимы. Люди других стран убеждаются, как добра наша страна, если простой, очень простой человек становится героем. Что главное для нас — мир, коль даже военный летчик отдает себя для проведения научного дела. И еще... Только пусть никто не упрекает меня в нескромности, вывод этот не только мой.

Многие говорили, что улыбка Гагарина — лучшее доказательство наших мирных помыслов. Юра всегда был честным, смелым, отзывчивым. Это было написано на его лице.

Может, это была хорошая, убедительная

иллюстрация к искренности наших заявлений о желании мира. Таковую мысль я не раз слышала от людей авторитетных, знающих.

Враги разрядки — и те это, конечно, понимали.

В той же Австрии, рассказывал Юра, в один из дней его пребывания одна венская газета поместила заметку, где пыталась настроить читателей против визита советского космонавта. В ней с удивлением отмечалось: как же это так — офицер Советской Армии разъезжает по территории страны, да еще в военной форме?! А на другой странице та же газета сообщала, что якобы группа студентов Венского университета против приглашения Гагарина к ним на лекцию о космосе, что будто ректор поступил вопреки воле студенчества.

Но Юра поехал на встречу. Конечно, студенты приняли его горячо, слушали внимательно, вопросов задавали много. Никаких провокаций — если они даже кое-кем и готовились! — не допустили.

Простые люди его везде понимали. Потому что пароды всей земли хотят мира, не хотят войны. Еще при посещении Маутхаузена Юра отметил, что на подходах к бывшему «лагерю смерти», на стенах домов в соседних селениях много надписей: «Мир», «Дружба», «Никогда больше фашизма!», «Никогда больше концентрационных лагерей!» Так мирные австрийские труженики, сами немало пострадавшие от фашизма, выражали свою подлинную волю.

Вспоминал Юра и другой случай в Австрии.

Однажды всем им пришлось ночью сделать короткую остановку в одной придорожной таверне. Народу там было очень много: туристы, шоферы грузовиков, лесорубы. Австрийцы узнали наших людей, тепло поздоровались с Юрой, Валей, сопровождавшими

их товарищами. Один молодой лесоруб подошел к музыкальному автомату. Раздался отрывистый счет по-немецки: «Пять, четыре, три, два, один, ноль!», потом шум и грохот, как при запуске ракеты, и голос, похожий на Юрин, сказал по-русски: «Поехали!» Зазвучала веселая мелодия. Оказывается, это была очень популярная в те дни у австрийцев «космическая» пластинка под названием «Полет к звездам».

Лесоруб так своеобразно приветствовал советских людей. Ставили эту мелодию несколько раз. Все были довольны: и гости и хозяева.

Дружелюбие побеждает. Особенно когда встречаются труженики Земли. Юра щедро, не таясь, нес свои знания, свои впечатления тем, кто его принимал. Встречавшие дарили ему взамен свою теплоту.

В Гаване, когда самолет с делегацией приземлился, разразился тропический ливень. Аэродром сразу же залило водой. Но никто из встречавших — а их были тысячи — не сделал даже попытки укрыться от дождя. Генерал Николай Петрович Каманин, Юра, все прибывшие тоже вышли под ливень.

Вместе с Фиделем Кастро ехали от аэродрома к центру столицы в открытых машинах, а на обочинах и тротуарах выстроились тысячи и тысячи радостных людей, наших кубинских друзей.

Сотни тысяч человек собрались в большом парке в индийском городе Бомбее, чтобы повидаться с первым космонавтом планеты Земли.

В Египте в знак признания огромных заслуг советской науки и техники в освоении космических просторов Юре вручили высшую награду страны «Ожерелье Нила», передали на вечное хранение золотые ключи от древних ворот Каира и Александрии. В Либерии одно африканское племя избрало его почет-

ным вождем, ему сказали, что совет вождей доверяет мудрости молодого советского человека.

На острове Кипр, где немало английских военных баз, выступавшие на митингах киприоты особенно горячо говорили о мире, о необходимости за него бороться, пускали в небо стаи голубей. Президент республики архиепископ Макариос, по словам Юры, был энергичным, живым человеком с умными, добрыми глазами. Он расспрашивал Юру о подробностях космических полетов, заинтересовался книгой «Утро космической эры».

Бывало, поручали Юре и деловые переговоры, которые неизменно заканчивались успешно, к удовольствию обеих сторон.

Почему?

Юра объяснял так: может быть, дело в том, что он не знал дипломатических, внешнеторговых правил, а считал, что в откровенном разговоре многое можно выяснить, конкретно о чем-то договориться. Вот и договаривался. «С заданиями справился», — как он сам оценивал свои деловые встречи.

...Немало пришлось сыну поехать и по нашей стране. Его приглашали, рассказов

его ждали, надеялись на его подсказку, помощь.

Трудно припомнить да и перечислить те места, где он только не побывал: Ленинград, Красноярск, Калуга, Рязань, Краснодарский край, Оренбург, Саратов, Ташкент, Подмосковье, Смоленск, Комсомольск-на-Амуре, Ростовская область. Каждая встреча, каждая поездка приносила много волнений и впечатлений.

Часто обращался Юра мыслями к встрече с Михаилом Александровичем Шолоховым. В станице Вешенской Юра был в одно время с группой молодых писателей. Потом не раз вспоминал ту или иную деталь этой встречи, реплики Михаила Александровича, его замечания, оценки. Юра преклонялся перед гением Шолохова, его мудростью, простотой, смелостью и принципиальностью человека и коммуниста. Говорил, что все мы можем гордиться им.

Это все была та часть жизни сына, о которой было известно, которая была открыта взорам. О поездках сообщала печать, о различных встречах печаталось в журналах, газетах, беседы передавались по радио и телевидению.

Но была и другая часть его жизни...

День за днем

Шестого августа 1961 года было передано правительственное сообщение о начале полета корабля «Восток-2», пилотируемого Германом Титовым. Наша семья следила за полетом с волнением, переживая за Германа как за родного. Я близко позна-

комилась с Юриным соседом еще до полета сына, оценила мягкость, предупредительность, интеллигентность Германа. Мне, как жене и матери, нравилось его отношение к Тамаре, детям. Всей душой желали мы ему успехов в полете, поэтому вздохнули с

радостным облегчением, когда по радио сообщили о его благополучном приземлении.

Сопоставив кое-какие свои наблюдения, вспомнив, как часто вместе уезжали на занятия и в командировки Юра, Герман и другие летчики, я поняла, что немало еще будет космических рейсов. А значит, немало еще предстояло работы и у Юры. К тому же летом 1961 года его назначили командиром отряда космонавтов. В конце декабря 1963 года он уже стал заместителем начальника Центра подготовки космонавтов. На руководителях всегда лежит большая ответственность. Можно только предполагать, как она велика. Конечно, космические полеты — дело особенное, специфическое. А когда приходили к Юре домой космонавты, из их бесед — хотя никогда в глаза они сына моего не хвалили — можно было понять, что его помощь и опыт служат им большой подмогой.

Юра сразу после полета встретился с Титовым и, как Герман выразился, помог ему перенести последующие земные перегрузки. Юра был наставником Андрияна Григорьевича Николаева и Павла Романовича Поповича, готовил их к полету, провожал на космодроме. Много занимался с группой двушек-парашютисток, был техническим тренером Валентины Владимировны Терешковой, участвовал в подготовке экипажей космических кораблей «Восход» и «Восход-2» — Владимира Михайловича Комарова, Константина Петровича Феоктистова, Бориса Борисовича Егорова, Павла Ивановича Беляева, Алексея Архиповича Леонова. Может, кому-то мало посвященному казалось, что полеты отличались друг от друга только длительностью, увеличением размеров корабля и числом членов экипажей. Но Юра говорил, что каждый полет — это открытие неизвестного. А неизвестное всегда коварно, таит в себе разные неожиданности.

Андриян Николаев первым в мире должен был покинуть пилотское кресло. Никто не знал, что может произойти с космонавтом, когда в состоянии невесомости освободится он от привязных ремней, начнет свободно «плавать» по кабине. Сможет ли самостоятельно вернуться в кресло, или будет совсем беспомощным? Тогда создастся аварийная ситуация... Но Андриян Николаев с заданием успешно справился.

Алексей Архипович — Леша Леонов — первым вышел в открытый космос. Думать об этом страшно — а уж делать и вовсе! Но космонавт выполнил намеченное, совершил настоящий подвиг.

Было в этом полете и еще одно героическое свершение. Во время полета обнаружились неполадки, из-за которых нельзя было автоматически, с Земли включить тормозную установку... Тревога бывает разная. У иных она вызывает панику, а других мобилизует на быстрые поиски выхода. Решено было разрешить Павлу Ивановичу Беляеву принять на себя управление. Приказ передал Юра. Павел Беляев взялся за ручное управление и первым в мире посадил космический корабль без подсказки с Земли.

К этому финишу космонавты всегда возвращались, восторгаясь умением Павла Ивановича, его собранностью, бесстрашием, хладнокровием. Юра говорил, что Павел определил время, разведал то, что еще не планировали осуществить. Говорил, что это была разведка боем.

Все эти годы Юра и сам готовился к следующему своему полету. В 1967 году он был дублером Владимира Михайловича Комарова, когда тот полетел в космос на корабле «Союз-1». Правда, мне об этом стало известно лишь месяцы спустя...

В Военно-воздушную инженерную академию имени Н. Е. Жуковского Юра вместе с товарищами поступил вскоре после космиче-

ского полета. Когда Юра объявил нам, что продолжает учиться, Алексей Иванович заметил:

— А я уж думал, что с учебой покончено.

— Что ты, отец, работа предстоит серьезная, знания нужны глубокие.

Учился Юра, как всегда, хорошо. Хотя сам иногда был не удовлетворен, когда наряду с пятерками проскакивали в зачетке четверки.

Однажды Алексей Иванович предположил, что им — известным людям — профессора небось оказывают снисхождение.

— Как бы не так! — вроде бы с укором преподавателям, но на самом деле удовлетворенный их справедливостью, ответил сын и рассказал: — Недавно говорили на партийном собрании группы о случае с... — Юра назвал известнейшее имя. — Шел экзамен, он задачу полностью не решил, получил тройку. А когда вышел из аудитории, сообщил, как нужно решать. Дождался профессора, тот проверил, говорит: «Правильно! Сам решил?» Наш товарищ: «Сам!» Профессор ему в ответ: «Вовремя надо было решить!» Отметку не исправил. А ты, отец, о снисхождении толкуешь. Тут мы еще и на собрании подсыпали неуспевающему! Ничего, научится побыстрее соображать.

Диплом Юра защитил в феврале 1968 года. Я как раз после больницы была у сына дома. Получал он новый документ о присвоении ему квалификации летчик-инженер.

Подготовка к будущим полетам шла полным ходом.

Не забывал Юра и своих общественных обязанностей. Коммунисты избирали его на партийные съезды, был он делегатом XXII и XXIII съездов КПСС. А это большое и ответственное поручение: решать партийные дела на самом высоком уровне. Был он членом ЦК ВЛКСМ, председателем Общества советско-кубинской дружбы.

В январе 1962 года земляки выдвинули его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. В день выборов мы пришли на избирательный участок всей семьей. Соседи, знакомые поздравляли нас, говорили, надеются, что депутат поможет родному городу, району.

Наказов ему как депутату было немало. Но Юра и без наказов за работу принялся с энтузиазмом. Весь город жил тогда своей первой большой стройкой — заводом «Динамик». Юра бывал на строительстве. Во время его приездов дом наш превращался в штаб. Приходил первый секретарь горкома партии Николай Иванович Артюхов, директор завода Александр Иосифович Станкевич, другие руководители. Раскладывали чертежи, схемы, проекты. Юра выслушивал, спрашивал:

— Чем я могу помочь?

Договаривались, куда ему нужно пойти, кому доказать, на чем настаивать.

В 1965 году пустили завод. На очереди были другие стройки: кинотеатр «Космос», городская больница, средняя школа № 2, школа-интернат, городской водопровод и канализация. «О чистоте не забывать!» — любил повторять Юра. Первый асфальт был положен в городе по Ленинградской (самой длинной) улице, около парка имени Солнцева.

Бывало, идем мы по улице, проходим мимо какой-нибудь стройки, — сын останавливается, с рабочими поговорит и сразу: «В чем загвоздка? В чем нужда?»

Да и села депутат не забывал. Наш район первым в области был полностью электрифицирован. В Клушине построили Дворец культуры, благоустроили улицы деревни.

Очень болел Юра за университет культуры. Он также считал, что жители небольших городов и сел не меньше, чем столичные, нуждаются в культурном отдыхе. Умел заинтересовать родными местами известных

артистов, композиторов, писателей. В Гжатск приезжали Тихон Хренников, Александра Пахмутова, Юрий Чичков, Александр Долуханян, Оскар Фельцман, Иосиф Кобзон, Владимир Дружников, Ия Саввина, Евгений Матвеев...

Не только в городе выступали они, ведь в районе было 14 «спутников» университета культуры. Вот артисты, композиторы и побывали в селах Токареве, Карманове, Пречистом, Мишине, Никольском.

Алексей Иванович однажды даже укорил:

— Все Гжатску да Гжатску! Другим что останется?!

Юра не согласился.

— Ты, отец, недооцениваешь энергию, силу убеждения других депутатов.

Вел Юра депутатский прием обычно в горкоме. Мне кажется, что в эти вечера он очень уставал. К депутату приходят с предложениями, но чаще за помощью. Да по таким вопросам, которые не сразу решишь. Юре хотелось всем помочь. Но ведь могло получиться — поможешь тому, кто обратился, а другого, кто к депутату не дошел, обидишь. Особенно это касалось жилищных вопросов. Выслушает он человека, вникнет в его нужду, запишет, но пока возможности предприятия в предоставлении квартиры не проверит — ответа не даст.

Вот и настаивал он на скорейшем строительстве благоустроенных многоэтажных домов в городе. Добился этого решения. Сейчас город наш неузнаваем, расстроился. А начали подниматься большие дома в шестидесятые годы.

Так и складывались дни в делах, заботах, будничных хлопотах. Неожиданно для меня в 1962 году пришло приглашение приехать в Латвию в Вольмиерскую восьмилетнюю школу на празднование 40-летия пионерской организации. Позднее — в Ленинград. Я в недоумении была оба раза, даже немно-

го испугалась. Да еще в письмах просили о выступлениях... Что я скажу?

В нашей семье было заведено, что дети советуются с родителями. А теперь я под- сказки ждала от сына. Юра послушал мои сомнения, сказал, что я не права.

— Как это не знаешь, мама, о чем рассказывать? Я всегда говорю, что родители меня научили трудиться, мама привила вкус к книге, к учебе. А ты считаешь, что и рассказывать нечего...

Но мне как-то было неудобно. Хорошо ли, думалось, сыном так похвалиться? Юра понял мои колебания, сказал:

— А я считаю, что каждый человек, который чему-нибудь научился, чего-то достиг, должен свою науку дальше передать. Другим свои секреты открыть. Может, мама, и твой материнский опыт кому-нибудь поможет.

И мы поехали. В Латвию отправилась целая делегация из школы: учителя Лев Михайлович Беспалов, Зинаида Александровна Комарова, я и ученики. В Ленинград тоже мы ездил с ребяташками из школы № 1, завучем Геннадием Тимофеевичем Никитиным. Из нашей семьи были я да сестры Ольга Тимофеевна и Мария Тимофеевна.

Так мы более чем через сорок лет приехали в город, где прошли наши детские годы, на завод, где начинала я трудиться. Приехала и поразилась красоте Ленинграда. Ходили мы по улицам, не могли налюбоваться. Побывали на крейсере «Аврора», в Петродворце, Кронштадте. Кировский завод потряс меня своим могуществом. Но особенно порадовали новые дома для рабочих на улице Возрождения — бывшей Богомоловской. Рассказывала я ребятам о моем детстве, о детском труде, о жизни рабочих, о несправии трудового люда при царизме. Когда возвратились мы из Ленинграда, впечатлений о поездке хватило надолго.

◀ Юрий Гагарин с родными и близкими в минуты отдыха. (На предыдущем развороте. Фото публикуется впервые.)

С. П. Королев и Ю. А. Гагарин. На учебном аэродроме. ▶

...Жизнь шла своим чередом. Подростали дети. Юрины Лепочка и Галочка, которые часто приезжали к нам, радовали своей приветливостью, ровным характером. Как все детишки, были они любопытными, что необычное заметят — тянутся. Вот увидели у соседей цыплят, разахались. Конечно, им, городским девчушкам, деревенское в новинку.

По Юриной просьбе сходила я к соседке, та подарила им цыпленка. Я в коробку посадила желтый комочек — пусть внучки иг-

рают, бабушку вспоминают. Наказала им его кормить да поить.

Старшая наша внучка Тамара закончила школу, поступила в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова на экономический факультет. Жила она в Москве в общежитии университета, а на выходные дни часто ездила в Звездный. Юра об этом договорился с Зоей сразу же: «Не волнуйся, сестренка, Тамару не оставлю».

Да иначе и быть не могло. В нашей семье так издавна заведено. Ведь и сам Юра, когда в ремесленном учился, выходные проводил у сестры моей, вся семья Марии заботилась о мальчике. Как же ему было долг доброты забыть! Тем более что Зоя, можно сказать, Юру вырастила, не сестрой, матерью второй была. Да и с Тамарой у них было полное понимание, он ее любил, помогал ей, она его слушалась, делилась с ним всем-всем.

Письма Тамары тех лет полны рассказами об учебе, подругах и друзьях, о том, как с Юрой, Валею, девочками ездили они то в театр, то на спортивные состязания, а то и просто в гости в Клязьму к моим сестрам или в Москву к Савелию Ивановичу Гагарину.

Тамара, зная мое и Зоино желание представить их жизнь во всех подробностях, писала обстоятельно о том, какие слова стали говорить девочки, как чувствуют себя Юра, Валя, другие родственники. Тамара в одном из писем писала: Галка пришла с гулянья, раскраснелась, а Юра сказал, что она бесподобна, как помидор.

Внук Юра заканчивал школу. Нам с Зоей приходилось контролировать, как он учится. Мечтал он стать военным, окончил школу — поступил в училище.

Валентин с женой и тремя дочерьми еще в 1962 году переехал в Рязань. Там сын и

Мария сразу пошли работать на завод синтетического волокна, девочки продолжали учиться в школе.

А в нашем доме опять ребенок. У Бориса и Азы появилась дочка Наташа. Нянчили ее по очереди: родители да мы — бабушка с

бабушкой. Малыш всегда силы прибавляет, хотя годы брали свое. Мы с Алексеем Ивановичем не молодели, прибаливать стали. Вот и приходилось все чаще обращаться к врачам. Юра был по-сыновнему внимателен, всегда навещал в больнице.

Утраты

Мне кажется, что после смерти Сергея Павловича Королева что-то изменилось в Юре. Как бы это точнее передать? Посуровел он, строже стал к себе. Не раз повторял, что неудобно ему как-то, что все почести за полеты — им, космонавтам. Даже в газете «Известия» написал: «Пишется очень много статей, очерков о космическом полете. И пишут все обо мне. Читается такой материал, и неудобно становится. Неудобно потому, что я выгляжу каким-то сверхидеальным человеком. Все у меня обязательно хорошо получалось. А у меня, как и у других людей, много ошибок».

Он весь ушел в работу. Потом уж мне сказали, что к полетам готовился так серьезно, что в январе 1967 года был утвержден дублером Владимира Михайловича Комарова.

А в апреле того года Владимир Михайлович погиб...

Юра весь почернел от горя. Мы его расспрашивали, как же так произошло, ведь полет-то уж был завершен. Оказывается, над землей неожиданно перевернулись стропы парашюта.

— Неизведанное всегда непредсказуемо, коварно, — ответил Юра. Объяснение вовсе не заглупало боль.

Опасность, которая раньше только проглядывала, показала себя. Теперь я стала бояться. Я ведь надеялась, что космонавты, уже побывавшие в полете, больше не подвергнутся этому испытанию. Но ведь Владимир Михайлович уже во второй раз совершал полет... А Юра, поняв мое состояние, старался ничем не тревожить меня, был неизменно ровен. Когда я его пыталась спросить о работе, отшучивался, говорил, не подослала ли меня иностранная разведка.

Но я чувствовала, чувствовала! Он почти не выезжал в заграничные поездки да и по стране летал не так часто, как раньше. Зато не пропускал физзарядки, где бы он ни был, много занимался спортом, подтянулся, за полночь засиживался за конспектами, учебниками. На мои вопросы говорил:

— Я же слушатель академии, я же военный, мама! Работаю!

По-прежнему, едва выдавалось время, старался приехать с Валею и девочками, а то и один в Гжатск. По своим депутатским делам, да нас проведать, отдохнуть на рыбалке, охоте.

В последний раз в родном городе был он в конце 1967 года. 20 декабря, мой день рождения, он старался никогда не пропус-

кать, к этому дню всегда стремился в Гжатск. На этот раз много ходил по городу, будто проверяя, будто подводя итоги дел... Расстались мы ненадолго. Сразу после Нового года приехала я к Юре — побаливало у меня сердце. Определил он меня в больницу, приходил проводить, шутил, вспоминал наши семейные обычаи, случаи разные, веселил как мог. В феврале врачи выписали меня, и Юра настоял, чтобы я поехала в Звездный.

— Мама, у меня такой праздник! Закончил академию!

Я, конечно, сразу же согласилась. Позвонил он Зое, чтобы приезжала к нему на торжество. Отпраздновали по-семейному. Уехали домой 19 февраля. Провожая нас, Юра заверил:

— Скоро не обещаю быть. А вот 30 марта в Гжатске я буду.

Дело в том, что именно в этот день мы отмечали день рождения Алексея Ивановича. Родился-то он 27 марта, но по деревенскому обычаю справляли его именины. Такой обычаи завела еще его мама, нам не хотелось менять привычный порядок. И в предпоследний мартовский день Юра всегда бывал с нами. Коли не мог, был «вне сферы досягаемости», как он выражался, получали мы от него теплые поздравления.

Открытка пришла от него 8 марта, но это была весточка мне. Девятого позвонила я Юре, поздравила его и Галочку с днем рождения. Узнала, что заболела Валя. Сын еще укорил нас, что мы поселили в больнице лежим. Я-то видела, что он тревожится за жену, за девочек, которые подолгу оставались без родителей.

24 марта в Звездный поехали Валентин, Борис, Зоин сын Юра. Гуляли, отдыхали, фотографировались все вместе, запечатлели всех, и Юра обещал проявить пленку, через неделю в Гжатск привезти готовые снимки.

Расстались. Сын уезжал в командировку. В очередную, как обычно. Как много-много раз.

Наступил день 27 марта. Поздравила я Алешу, стали мы с Зосей помаленьку готовиться к гостям: прикидывали, что имеется и чего недостает, что пужно купить, что приготовить.

Поздравительной открытки мы от Юры не ждали — раз сам обещался приехать. Но вот и не звонил... Успокаивала я себя: вроде бы и не должен звонить.

Сердце цемило. Отнесла я эту боль на болезнь...

На следующий день забежала к нам Зоя, удивилась, что отец радиоприемник выключил: он любил по радио послушать «Последние известия». Включила, в дом ворвалась фраза «...при выполнении тренировочного полета на самолете трагически погиб...» — в приемнике затрещало, Зоя стала было настраивать, но передача уже кончилась, зазвучал траурный марш.

Я поняла! Я не хотела верить!!! Глянула на Алешу — он сидел без кровинки в лице, руки его дрожали.

Через минуту сообщение повторили. Алеша не сказал, прошептал:

— Нюра! Нюра!

Зоя бросилась ко мне:

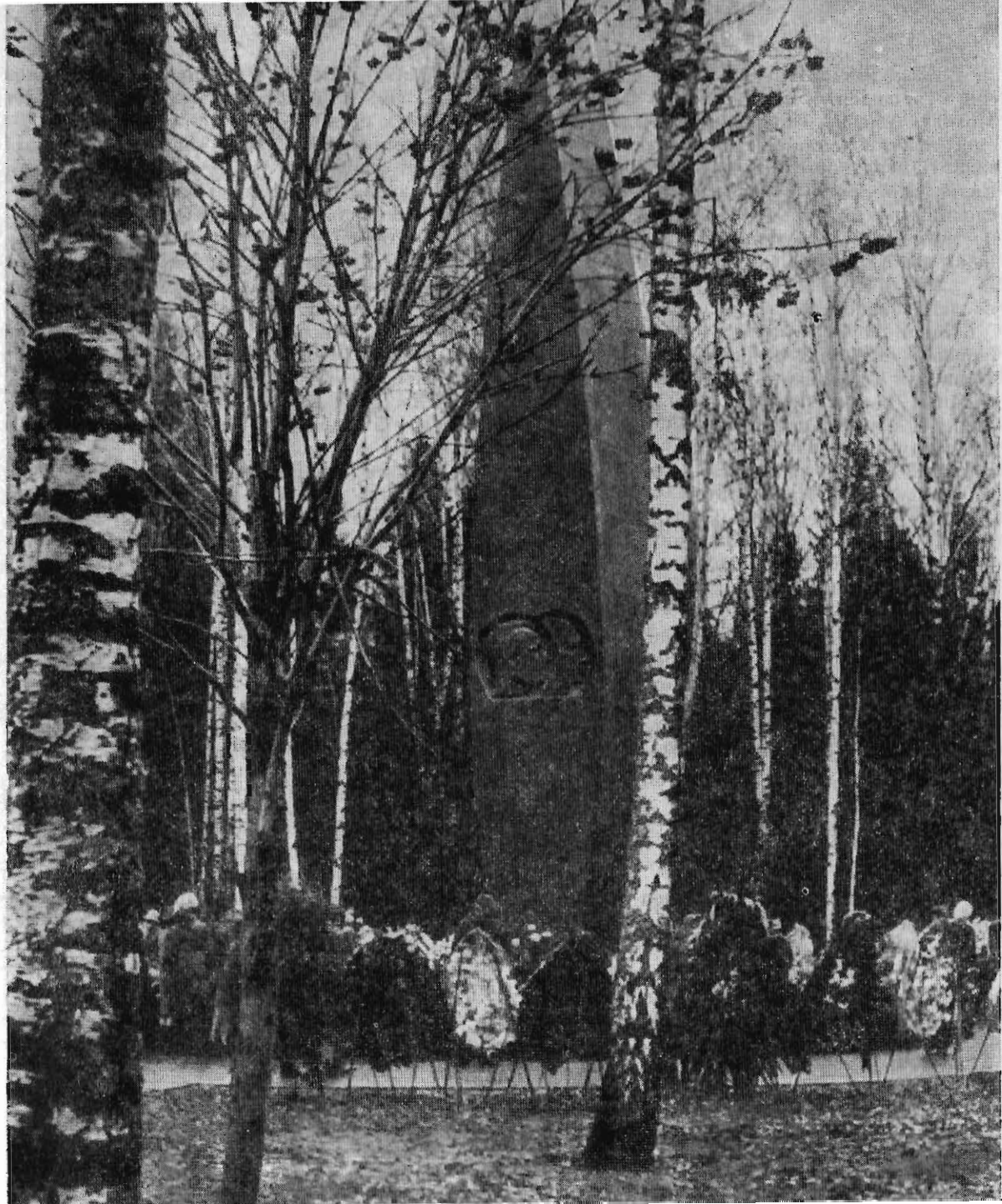
— Мамочка! Нет! Нет!

К дому бежали люди. Первой пришла на помощь Мария Михайловна Хайрулина, заведующая отделением больницы, где Зоя работает. Она собралась сделать мне укол, но я попросила:

— Помогите Алексею Ивановичу.

Хлопнула дверь подъехавшей машины, быстро вошел секретарь горкома партии Николай Иванович Артюхов...

Обелиск на месте гибели Ю. Газарина и В. Серегина.

Больше ничего не помню... Как сквозь сон мерещится, что поехала я с детьми в Москву. Алексей Иванович выйти из дома не смог, слег. Стояли мы в Краснознаменном зале Центрального Дома Советской Армии. Валя была, родные Серегина. А потом последний путь сына. Шла я, головы поднять не могла. Так и осталась в глазах брусчатка Красной площади.

...Много позже рассказали мне люди о последних часах Юры.

Накануне, 26 марта, Юра беседовал в Москве с главным редактором издательства «Молодая гвардия» о книге «Психология и космос». В три часа дня был на предварительной подготовке к завтрашним полетам. На следующий день наметил: полеты, телевидение. Составил расписание и на 28 марта: побывать у Вали, потом — во Дворец съездов на торжественный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения А. М. Горького. Конец дня он провел дома, с девочками. Как всегда накануне полетов, рано лег спать.

Память собирает вместе разговоры, сообщения. Матери все дорого в ребенке, от его первого движения до последнего вздоха. Но не дай бог пережить последний вздох сына. Я до сих пор не могу с этим смириться.

Недавно вышла книга «Первый космонавт планеты Земля». В ней по рассказам многих людей и документам восстановили по минутам последний Юрин день. Боюсь, что сама я что-нибудь упусти. Лучше привести оттуда отрывок:

«Юрий Алексеевич проснулся рано, включил радиоприемник, слушал гимн Советского Союза. Широкая и величавая мелодия проникла в душу.

6 часов 10 минут. Юрий Алексеевич спортивному резко, с натренированной легкостью встал, подошел к окну, минуту-другую посмотрел на него, сделал несколько

движений, давая телу нагрузку, физическое напряжение. Услышав шаги, торопливо лег в кровать принял небрежно-сонную позу.

В комнату осторожно вошла Лена.

— Я знала, что ты не спишь, папа.

Началась десятиминутная разминка. Лена спрашивала — папа отвечал.

6 часов 30 минут. Юрий Алексеевич выполнил обычный комплекс физических упражнений, принял душ, побрился, оделся, пошел в кабинет.

7 часов. Просматривая почту, писал ответы, сделал наброски рабочего плана на несколько дней.

7 часов 30 минут. Энергичный, собранно-деловой вышел из кабинета, направился на кухню, поцеловал девочек...»

...Мария Ивановна Калашникова, старшая Валина сестра, которая мне не раз описывала эти последние минутки с детьми, всегда отмечала, что он приветливо поздоровался с ней, предупредил, чтобы она зря не беспокоилась: «На завтрак пойду в столовую! Вам и так с девчушками забот много». Еще раз поцеловал Леночку и Галочку: «Слушайте Марию Ивановну». Вышел в переднюю, надел шинель, подошел к телефону, позвонил дежурному: «Я на полетах!» И опять заглянул на кухню: «Я пошел! До вечера! — Он глазами обвел их всех. — До вечера!»

...Я так и вижу, как он стоит в дверях и смотрит на девочек долгим, ласковым, искристым своим взглядом: «До вечера!»

В книге восстановлен дальнейший путь:

«7 часов 40 минут. Вышел на лестничную площадку, подошел к лифту, посмотрел вверх на движущуюся кабину, крикнул: «Остановите, пожалуйста, на шестом». Прсыба была уважена: лифт остановился.

Увидев подполковника Георгия Добровольского, Юрий Алексеевич весело произнес:

— А, ас-автомобилист Добровольский, — дружественно и тепло поздоровался. — Куда мы так рано спешим?

— В ГАИ, Юрий Алексеевич, — доложил Добровольский. — У меня сегодня нет полетов. Разрешите?

— Любишь кататься — сдавай вовремя зачеты. — Гагарин был неистощим на выдумку, словесный каламбур, дружескую подначку. — Самоволку разрешаю, только сдавай на права по-настоящему, а не как вчера в гараж въезжал...

— В любом деле нужна практика, — парировал Добровольский выпад Гагарина.

Лифт остановился на первом этаже. Секундой раньше на другом лифте спустились жены космонавтов.

Юрий Алексеевич поздоровался, уступил проход. Женщины кокетливо заулыбались, предлагая первому выйти Гагарину.

— Какие красивые наши женщины! — восхищенно сказал Юрий Алексеевич своему спутнику. — Как изящно идут!

Тамара Волынова, услышав слова Гагарина, обернулась и в том же шутовском тоне ответила:

— Ну еще бы, перед такими мальчиками иначе ходить нельзя.

— Привет.

У опушки соснового леса Виталий Жолобов в гордом одиночестве делал физзарядку. Он жил по особому распорядку.

Неожиданно Юрий Алексеевич остановился:

— Фу ты, черт!

— Что случилось? — участливо спросил Добровольский.

— Ты знаешь? Забыл, кажется, дома пропуск на аэродром.

Георгий Добровольский заулыбался: отлегло. «Мне бы его заботы».

— Ну и что? В автобусе поедете ведь вместе со всеми. Вас знают, пропустят.

— Да как-то неудобно. Солдат будет проврать, а ты ему объясняй, кто ты есть. Очень неудобно. А потом: порядок есть порядок.

Он еще несколько метров продолжал идти, раздумывая, как поступить, торопливо, но планомерно искал пропуск.

— Нет! Вернусь, возьму пропуск. Ты иди. Желая тебе счастливо сдать. Будь здоров! Да, Жора, будь осторожен, автомобиль — это тебе не самолет, на нем всякое случается и почаше, чем на аппарате тяжелее воздуха.

Секунду постоял в нерешительности, вернулся домой. Пропуск был в повседневной тужурке».

...Не верю я в приметы, но всегда не любила возвращаться, особенно если какое важное дело предстояло. А после того года и вовсе. Летчики, как я заметила, многие обряды соблюдают. Подчас думаю: зачем он вернулся-то? Хотя умом понимаю, что ерунда это, а от недоуменных вопросов отделаться не могу.

Алексей Иванович раз, когда я уж очень маялась, даже прикрикнул на меня:

— Ну как ты не понимаешь, что не мог он поступить не как положено! Порядок есть порядок. Забыл — надо исправить. Что делать-то иначе прикажешь? Или хочешь, чтобы он особенного чего себе требовал? Всем проход по пропускам, а ему исключение?.. — Но увидел Алеша, что не успокоил, а только растравил, подошел ко мне, руку на плечо положил: — Прости меня, Нюра. Я и сам мучаюсь. Осиротил он нас. Прости. Крепиться надо.

Но в то утро ничто не предвещало скорбного конца. В книге далее пишут:

«Спустя некоторое время Юрий Алексеевич вошел в столовую, весело и ласково поздоровался с присутствующими работниками столовой, сел на свое излюбленное место, с аппетитом поел. Сделал заказ официантке.

Затем Юрий Алексеевич направился к автобусу.

В автобусе, как обычно, шутили, рассказывали забавные истории, смеялись.

Когда он поднялся в автобус, смех тотчас прекратился, и офицеры, подчиняясь единому чувству воинской этики, встали, приветствуя своего командира. Гагарин со всеми поздоровался, предложил сесть. Спросил:

— Все в сборе?

И, не дождавшись ответа, сам посмотрел на присутствующих, удостоверился — все, распорядился своим крылатым словом:

— Поехали!

Говорили о полетах, о метеорологической обстановке, об автолюбительстве.

Автобус остановился на аэродроме. Юрий Алексеевич направился в раздевалку. В коридоре встретился со своим инструктором Анатолием Хмелем.

— Как живешь? — спросил Гагарин.

— Вашими заботами, Юрий Алексеевич.

В награду Хмель получил искреннюю и благодарную улыбку первого космонавта.

В гардеробной комнате Юрий Алексеевич облачился в летный костюм.

Увидев Алексея Губарева, Гагарин спросил:

— Ты что, Леша, уже пошел?

— Так точно, товарищ полковник. Я на Ил-14 обеспечиваю ваши полеты, слежу за погодой...

— Хорошо обеспечивай! Ты, Леша, только не паникуй, давай погоду такую, какая есть на самом деле.

— Слушаюсь!

Юрий Алексеевич направился к доктору И. Чекирде.

— Ну как, доктор, погода? Будем сегодня летать?

— Погода вроде ничего, позволяет. Как вы себя чувствуете? Как спали, Юрий Алексеевич?

— Самочувствие отличное, спал крепко,

как убитый, почти девять часов. Судя повсему, и доктор сегодня не страдал бессонницей.

— Нет, не страдал, — засмеялся Чекирда.

— А как самочувствие, Игорь? — спросил Гагарин.

Кто кого исследует?!

— В норме.

Кто-то из космонавтов спросил:

— Как пульс, Юрий Алексеевич?

Незамедлительно последовал типичный гагаринский ответ:

— Как у молодого.

Врач допустил Юрия Алексеевича к полетам, пожелал мягкой посадки.

По пути в класс предполетной подготовки Гагарин зашел в кабинет полковника Владимира Серегина. В кабинете находился начальник Центра подготовки космонавтов Николай Кузнецов. Он проверял летную книжку Юрия Алексеевича, правильность ее заполнения, общий налет».

...Николай Федорович говорил мне, что Юра не допускал никаких исключений в строгом порядке выпуска любого летчика в полет. Полагается пройти медицинский осмотр — он его пройдет. Необходимо отчитаться о знаниях — он расскажет. Должно вышестоящему командиру проверить летную книжку — Юра, не ожидая напоминания, протянет ее.

Вот и за пропуском он вернулся, потому что при въезде на аэродром полагается его представлять. Всем, а значит, и ему.

Николай Федорович рассказывал, что Юра был абсолютно готов к полету — по здоровью, тренированности, знаниям — и даже настроен был как надо — собран, весел, тверд.

Кузнецов каждого летчика выпускал в воздух со всей необходимой осмотрительностью. Он понимал: полеты при современных

скоростях — дело очень небезопасное. Вот и старался все предусмотреть.

В книге отмечено, что даже погода была проанализирована на весь летный день, чтобы принять решение на самостоятельный Юрий полет. В сводке сообщалось, что погода неустойчивая. Вот и решили командиры, что самостоятельно Юра полетит в другой день, а сегодня будет очередной полет с инструктором. Юре хотелось самому поднять машину в небо, но он не спорил. Запрет есть запрет.

Что было дальше?

«Гагарин пришел в класс, сел за второй стол среднего ряда, к нему подошел инструктор — командир звена А. Хмель. Начальник связи Виктор Понкратьев попросил Юрия Алексеевича проверить данные запасных аэродромов. Гагарин достал планшет и сверил свои записи. Степан Сухинин сделал несколько объявлений.

В класс предварительной подготовки вошли начальник Центра подготовки космонавтов Кузнецов и полковник Серегин.

— Начнем предполетную подготовку? — спросил Серегин.

Кузнецов кивнул.

— Проводите предварительную подготовку, — распорядился полковник Серегин.

Степан Сухинин начал постановку задач. Выступили руководитель полетами, дежурный штурман, начальник связи.

Юрий Алексеевич сделал запись о навигационной и метеорологической обстановке.

Полковник Серегин слушал сообщения начальников служб, быстро просматривал полетные листы, делал необходимые правки. Отыскивал глазами того или иного космонавта и пристально всматривался в его лицо, только после этого, удовлетворенный своими наблюдениями, подписывал летную документацию.

Юрий Алексеевич внимательно сверял

записи с плановой таблицей, нанесенной на доске. Записи он делал четко, карандашом ярко-красного цвета.

— Чем вы так красиво пишете? — спросил кто-то из сидящих сзади.

Юрий Алексеевич откинулся на спинку стула, сказал:

— Нравится? Это стеклоглаф. У меня дома есть, как только Валя придет из больницы, разыщем, подарю.

— Через два часа погода резко ухудшится, — тихо сказал Серегин Юрию Алексеевичу. Гагарин кивнул.

Полковник Серегин сделал последние необходимые уточнения по летному дню, определил рабочие места своим заместителям, сообщил, что Юрий Алексеевич после контрольного вылета на спарке начинает самостоятельные полеты.

Затем Гагарин в сопровождении Серегина направился к командному пункту. Кузнецов в их присутствии заслушал последнюю информацию о метеорологической обстановке. Посмотрев карту района полетов, Юрий Алексеевич поблагодарил расчет КП и направился на аэродром, широко размахивая новым наколенным планшетом.

Несколько дней назад он проверял летную экипировку космонавтов и под угрозой отстранения от полетов — все хорошо знают привязанность летчиков к полюбившимся предметам — приказал получить новую.

Юрий Алексеевич с нетерпением ждал сегодняшнего дня и придавал огромное значение этому первому учебно-тренировочному полету, после которого он должен был вылетать самостоятельно. Утром к нему подошел подполковник Гришиц, который давно собирался взять у Гагарина автограф. И вот наконец сегодня он принес Гагарину книгу «Дорога в космос».

— Подписать? — Юрий Алексеевич воз-

вратил книгу. — С удовольствием подпишу, но только после самостоятельного вылета.

Гагарин попросил разрешения у техника, сел в первую кабину двухместного учебно-тренировочного истребителя УТИ-МиГ-15 бис номер 18 и провел тренаж. Полковник Серегин поднялся во вторую кабину.

Кузнецов сделал некоторые пояснения, пожал руку Юрию Алексеевичу, пожелал успешного полета. Техник самолета проверил парашютные ремни, замки катапультного кресла, перегнулся через борт кабины, включил электропитание. Гагарин запустил двигатель, опробовал его на всех рабочих режимах. Запросил СКП.

— Я — 625-й, разрешите вырубивание, — сказал Юрий Алексеевич. Самолет, освобожденный от цепких упоров тормозных колодок, побежал по рулежной дорожке.

Через несколько минут полковник Андриян Николаев запросил разрешение на запуск двигателя своего самолета. С СКП ему ответил руководитель полетов:

— Подождать.

Неведомое чувство тревоги заставило летчика Петра Колодина сесть на прослушивание радиопереговоров.

— Я — 625-й. — Колодин узнал голос Гагарина. — Полет в зоне закончил. Возвращаюсь на точку.

Колодин заулыбался: волнительное ощущение страха мгновенно улетучилось.

Голос Гагарина звучал спокойно и деловито.

— Я — 625-й, задание выполнил. — Гагарин вновь, как того требовали инструкции, доложил: — Высота 5200, разрешите вход.

Руководитель реагировал немедленно:

— Уточните высоту. Следите за высотой. — Это было не назидание, а совет.

...Сколько раз потом повторял мне Андриян Григорьевич Николаев последние услышанные слова Юры: «Высота 5200, разреши-

те вход». Они были спокойными, деловитыми. Шла летная работа.

Вспоминал Николаев, как через несколько минут в шлемофоне прозвучало: «Всем самолетам, готовым к взлету, запретить вырубивание, выключить двигатели».

Он рассказывал, как вмиг испытал тревогу, заглушил мотор. Молча вслушивался в тишину наушников. Запрашивать было нельзя. Все напряженно молчали.

Через 29 минут по радио объявили: «Всем летчикам прибыть в штаб».

Он побежал к зданию штаба. Там уже собрались остальные летчики. Николай Федорович Кузнецов объяснил прибывшим, что на локаторе исчезла отметка самолета Гагарина, и приказал всем оставаться в штабе.

Все оставались на своих местах. До тех пор, пока не пришло сообщение из Владимирской области. Группа спасателей на вертолетах вылетела к месту аварии, все еще надеясь. Но разве бывают чудеса в авиации?.. Андриян Григорьевич говорил слова успокоения, но... как найти его — успокоение?

До сих пор, когда читаю эту книгу, строки расплываются перед глазами:

«...Жители совхоза Новоселово привычно начинали свой трудовой день. Пенсионер Николай Иванович Шальнов, уважаемый на селе человек, в прошлом учитель, в это утро вышел на прогулку. На улице было тихо. Николай Иванович уловил гул самолета. Видимо, он был где-то высоко в небе, за облаками. Звук приближался и то становился густым, сильным, то удалялся и напоминал равномерное гудение жука. Вдруг Николаю Ивановичу показалось, что самолет загудел где-то совсем близко. Учитель поднял голову и увидел, как из облаков с ревом выскочил истребитель и, легко покачивая крыльями, как по наклонной горке, пошел к земле. Шальнов подумал, что с самолетом что-то произошло, что через несколько секунд мо-

жет быть катастрофа. Если бы можно было что-то сделать, помочь, остановить! Однако самолет неумолимо шел к земле. Потом вроде бы на некоторое время обрел прочность. И даже, подняв нос, стремился уйти в небо. Но вот он пролетел почти над домом Шальнова и, подобно урагану, со свистом и диким ревом, ломая верхушки берез, врезался в лес.

Услышав взрыв, в кабинет директора совхоза сбежались люди.

— Срочно направить к месту падения трактор!.. Соедините меня немедленно с Москвой! Вызов экстренный!.. Лыжников к месту падения!..

Директор совхоза звонил, отвечал на звонки, но он и сам еще не знал, какой упал самолет, что случилось с летчиком. Он надеялся, что, может быть, успеют помочь.

Над деревней на небольшой высоте пролетели вертолеты. Они вели поиск. Оцеплен район катастрофы, идет фотографирование. Группа солдат ведет раскопки. На брезент складывается каждый агрегат, даже малейшие детали от разбившегося самолета.

...Стало холодно. Подул резкий ветер, все работали молча, сосредоточенно. Иногда собирались в кружок перекурить. Тихо говорили о Юрии Алексеевиче. Говорить было тяжело».

...Сын наш погиб в день рождения отца.

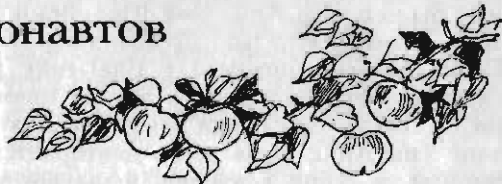
Юре только исполнилось тридцать четыре года.

На месте гибели мы потом побывали с Зоей. Остановились у обрыва. Вокруг срезанные ударом деревья. Я наклонилась, взяла в руку горсть земли. В ней словно ощущались холодные кусочки металла, острые, рваные, как осколки. Теперь эта горсть земли лежит в музее Юрия Гагарина. Его создали в нашем бывшем домике, который Алексей Иванович с нашими ребятами строил в 1947 году на окраине Гжатска. Гжатск теперь носит имя сына. В память о нем.

Алексей Иванович так и не оправился после сообщения о Юре, умер он 30 августа 1973 года, не дожив до нашей золотой свадьбы полутора месяцев. Через год скончалась моя старшая сестра — Мария. В 1977 году не стало тяжело болевшего Бориса. Не прошло и полугода — похоронили мы Ольгу, мою младшую сестру. Из семьи осталась я одна, из троих сыновей потеряла двоих младших. Недавно старший сын Валентин подарил мне свою книгу о Юре с надписью: «От твоего теперь единственного сына».

Долгими бессонными ночами лежу я без сна, думаю, где же взять силы, чтобы выдержать. Человек жив мыслями, что он нужен людям, что люди нужны ему.

Член семьи космонавтов

С возрастом, как я замечала, заботы приносят не усталость — она-то тоже, конечно, есть, — а силы. Забот оказалось немало. Зоина дочка Тамара — та, что директором музея работает, — поутру начнет

давать распоряжения. Прежде всего проследить, чтобы Леня (ее сын-школьник, мой первый правнук) после школы переоделся, пообедал, уроки выучил. Начнет говорить, а потом рукой махнет:

— Бабуль, да ты же сама лучше меня знаешь, за чем нужно проследить.

Живем мы с Леной дружно. Вместе радуемся, когда что новое узнаем, прочитаем, вместе и ответ перед родителями держим, если с успеваемостью не все в порядке. Мальчик он трудолюбивый. Павлу, отцу, помогает ремонтировать мотоцикл, другую технику, матери да бабушке — поливать огород, собирать овощи, копать картошку. Если же в школе бывают накладки, отвечать за них приходится нам сообща. «Ничего, — решаем мы с ним каждый раз, — исправимся». Исправляемся. Правда, не теми темпами, как хотелось бы его родителям и нам самим.

У Зоиного сына Юры растет мальчик москвич Юрик. Есть внучки у сына Валентина. У его младшей дочки Вали две девочки: Наташа да Иришка. Когда приезжают на лето в наш город, обязательно забегают проведать. Самая младшая моя внучка Наташа — дочь Бориса и Азы — вышла замуж в 1980 году, переехала с мужем Сашей в Минск, поступила в институт. Родилась у них Анечка — в мою честь девочку так назвали.

Надо сказать, что во многих семьях существуют любимые имена. Это даже не те, которыми по традиции старшего сына или там первую девочку называют. А самые повторяющиеся. В нашей семье мужское любимое имя было и есть Юра. Мой Юра, Зоин сын — Юра, его сын — Юра; Щекочихины Надя да Саша сыночка, который в 1960 году родился, тоже Юрой назвали, а другая племянница — Лида — за Юрия замуж вышла. Женское имя Анна чаще всего повторяется: мама моя — Анна Егоровна, я, да вот теперь правнучка тоже Нюрочка.

Наташа в письмах подробно о своем житье пишет, об Анечке рассказывает. Както прислала очередную весточку. Письмо было бодрое, рассказала она, как разумно они

все организовали: она продолжает учиться в институте, время выкраивает за дочкой ухаживать да женские хозяйские дела выполнять. Саша работает шофером, по вечерам жену около ребенка сменит, а Наташенька позанимается. Прочитала я ее письмо и поняла — в сессию им без помощника не обойтись. Собралась — да в Минск. Зоя вначале отговорить подумала: трудно с ребенком, устану, мол.

Было трудно, уставала, а сил прибавилось. Я за собой такое знаю — малыш меня лучше любого лекарства лечит. Сессию «мы» сдали хорошо. Все были довольны. А из дома уже письма, телеграммы — пазад требуют. Договорились мы с Сашей, Наташенькой, летом они девочку ко мне привозили, мы с невесткой Азой с Аннушкой возились. А родители ее смогли отдохнуть.

Вышла замуж старшая дочь Юры — Леночка. Она закончила МГУ, работает в Музее изобразительных искусств. И младшая, Галя, уже стала взрослой, завершила учебу в Институте народного хозяйства имени Г. В. Плеханова, поступила в аспирантуру. Время придет, думаю, что и им тоже понадобятся бабушкины советы, опыт. Силы будут — не откажу.

Вот вроде бы коротенько рассказала о делах нашей семьи. Но поставить на этом точку было бы неправильно...

Случилось это еще в том печальном, 1968 году. Приближался мой день рождения, да не до празднования было. Но решили мы с Зоей традицию не нарушать. Не устраивать торжество, а просто собраться родным вместе.

Вдруг по телефону междугородный звонок:

— С вами говорит Леопов.

Алексей Архипович поздравил меня с приближающимся шестидесятилетием, поинтересовался, будем ли отмечать. Я отве-

тила, что близкие придут. Он и спрашивает:

— А мы с Андрияном Николаевым за близких сойдем?

— Конечно!

Приехали они 20 декабря. Вот и опять, как каких-то год-два назад, за столом шел разговор о космосе, о работе и заботах отряда космонавтов. Закрою глаза — те же имена слышатся, о событиях говорится нам знакомых, вспоминаются случаи всем одинаково дорогие. На миг погрезится — ничего не изменилось... Погостили они дня два у нас. Погрели мою душу, одиночество в сторону отодвинули. При прощанье стала я Алексея Архиповича и Андрияна Григорьевича за внимание благодарить, так Леонов даже возмутился:

— А как же иначе?! Вы же члeп нашей космической семьи! Вы, Алексей Иванович, родные ваши...

С тех пор не бывало такого случая, чтобы на дни рождения, мой да Алексея Ивановича, не приезжал кто-либо из Юриных «космических братьев», которые мне, получается, приходится сыновьями. Зачастую обязательного дня не дожидаются, появляются у нас, как время выдается у них свободное.

Алексей Архипович по нескольку раз в году бывает. Приедет — сразу же интересуется, чем помочь, чего не хватает. Я не жалуюсь, скажу:

— А чего мне, старухе, нужно?

Он даже рассердится:

— Как это «чего нужно»?

Но я все-таки права — мне всего хватает: дом ухоженный, на огороде все растет, благо Зоя, Тамара да Павел без дела сидеть не любят. Пожилому человеку нужнее всего забота, внимание да ласка. Но и это есть. Дети, внуки у меня выросли уважительные, внимательные. Рукоподатели города предудительные. Теперь и мои новые, кос-

мические сыновья без внимания не оставляют.

Алексей Архипович послушает-послушает, говорит:

— Убедили. Но гостинцев я все-таки привез.

Но я в ответ:

— И я картошечки, моркови, яблок приготовила.

Он в первый раз возражал, но я ему объяснила:

— Юре-то я всегда старалась чего-то со своего огорода дать. Он любил все домашнее.

Нередко бывают Павел Романович Попович и Валерий Федорович Быковский. Когда Павел Романович в доме, всегда смех, песни звучат. Ну а Валерий Федорович посидеть, побеседовать любит.

Андриян Григорьевич Николаев, когда приезжает в гости, любит по району поездить, в Клушине побывает, в других хозяйствах. Он даже у нас своего одноклассника отыскал: Владимира Михайловича Верхилеева. Тот директором совхоза имени Гагарина работал. Тоже был у нас частым гостем.

Юрины товарищи настолько стали родными, что я уж даже не представляю, чтобы на наше семейное событие кто-нибудь из них не приехал. На свадьбе у Наташи был Владимир Александрович Шаталов, а Бориса Валентиновича Волинова вместе с женой Тамарой Алексей Архипович привез на мое семидесятипятилетие, а еще раньше они и на городском празднике были — по случаю 250-летия Гжатска в 1969 году.

Трудно перечислить эти дорогие сердцу встречи!

Алексей Архипович Леонов и Евгений Васильевич Хрунов первыми поздравили меня в 1973 году с наградением орденом Трудового Красного Знамени, сказали, что оценен мой труд колхозницы, труд воспитателя. Вручали-то орден на Гагаринских чтениях,

И НЕ ЗРЯ ПРОЖИЛ СВОИ 34 ВЕСНЫ

Анна Тимофеевна Гагарина в клушинском доме.
С пионерами в Мемориальном музее Ю. А. Гагарина.

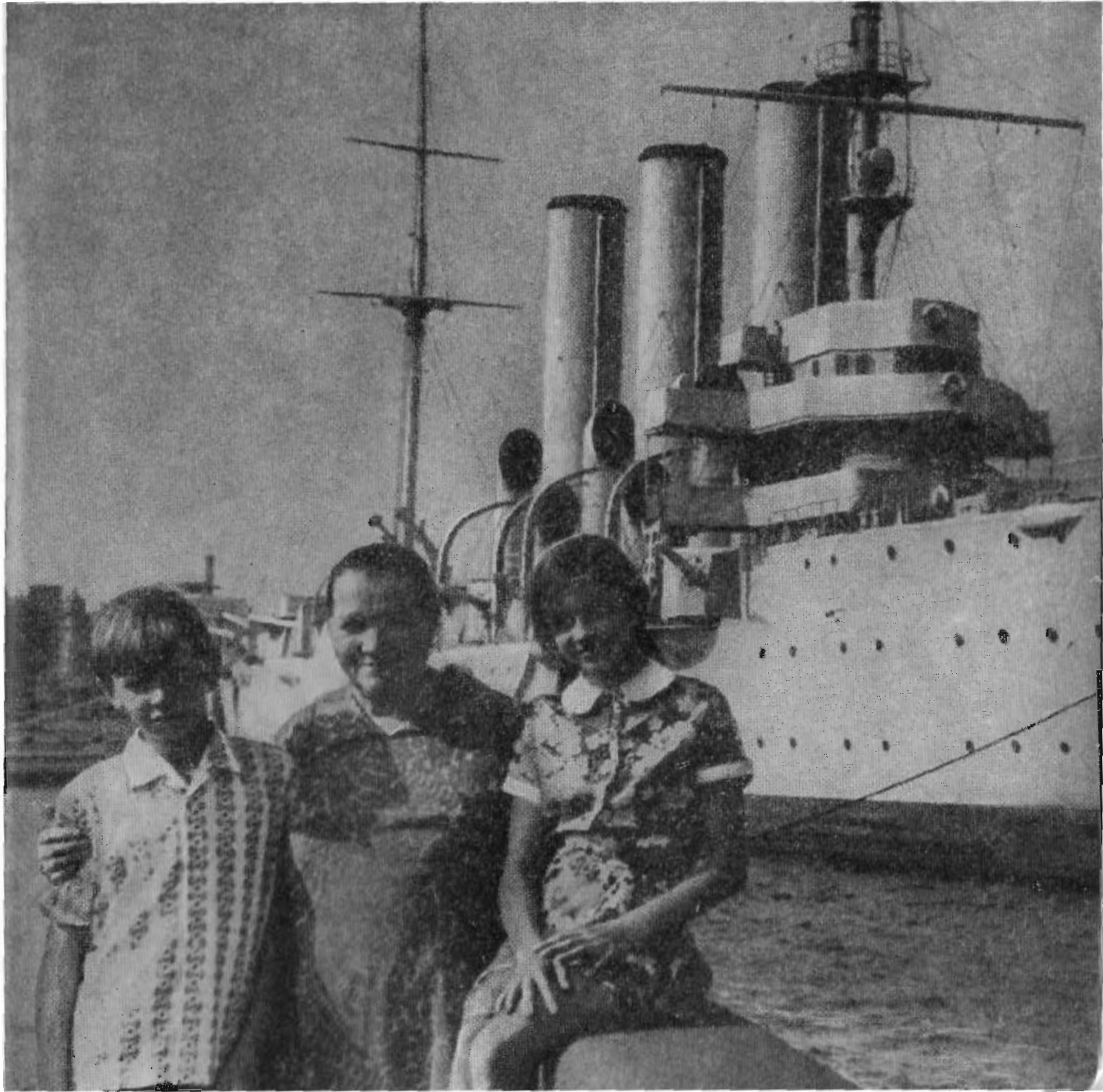
Милой Анне Миусеревне,
от матери Сергея Павловича,
Марии Ивановны-Вареники

А. Т. Гагарина, М. Н. Баланина-Королева и
В. И. Севастьянов во время подготовки к телепередаче.

А. Т. Гагарина в детском садике на Украине, на Млиевской опытно-селекционной станции, в Ленинграде.

Анна Тимофеевна дома.
На свадьбу внучки Наташи приехали к А. Т. Гагариной из Звездного
В. А. Шаталов с женой, В. И. Гагарина.

тогда специально приезжал из Смоленска Иван Ефимович Клименко, первый секретарь обкома партии.

На мое семидесятилетие столько сразу гостей нагрнуло, что они сами решили праздник перенести в ресторан, все хлопоты взяла на себя.

На юбилей приехали мои космические сыновья, преподаватели Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского и Наталья Сергеевна Королева — дочка Сергея Павловича. Она привезла привет от бабушки, извинения ее, что по состоянию здоровья быть не может. Была и паша Валя. Постояли мы с ней, помолчали о нашем общем горе. Да разве словами поможешь? А потом Валя говорит:

— Сегодня праздник. Надо все сделать как надо.

Гости привезли транспарант: «Хотим побывать и на 100-м юбилее!» Поздравляют, спрашивают:

— Желание наше выполните?

Не хотелось их огорчать, пообещала выполнить.

Владимир Александрович Джанибеков приезжал так часто, что решил, будто Тобик должен его признавать. Но собака у нас маловоспитанная, взяла да куснула его однажды. Так что теперь тот входит с опаской, с оговоркой: «В космос лететь не боялся, испытаний не страшился, а вот Тобика придется остерегаться».

У каждого даже свои вроде бы обязанности определились. Георгий Степанович Шопин и Виктор Васильевич Горбатко обычно приезжают летом на субботники, когда студенты интернационального строительного отряда работают. Петр Ильич Климук, Юрий Николаевич Глазков, Лев Степанович Демин на Гагаринских чтениях бывают. Толя (Анатолий Федорович) Воропов, с которым Юра крепко дружил в последние годы жизни, то-

же присутствует на торжествах, но чаще он вместе с женой Людой, сыновьями Сашей и Юриком приезжают по-семейному: пособить по хозяйству, провести, отвлечь...

Не хочу никого обидеть. Поэтому, думаю, нужно назвать всех побывавших в моем доме космических сыновей. Выросла ведь моя семья до огромных размеров. В ней Герман Степанович Титов, Андриян Григорьевич Николасев, Павел Романович Попович, Валерий Федорович Быковский, Алексей Архипович Леопов, Владимир Александрович Шаталов, Борис Валентинович Волипов, Евгений Васильевич Хрунов, Георгий Степанович Шопин, Анатолий Васильевич Филипченко, Виктор Васильевич Горбатко, Василий Григорьевич Лазарев, Петр Ильич Климук, Геннадий Васильевич Сарафанов, Лев Степанович Демин, Алексей Александрович Губарев, Вячеслав Дмитриевич Зудов, Валерий Ильич Рождественский, Юрий Николаевич Глазков, Владимир Васильевич Коваленок, Юрий Викторович Ромашенко, Владимир Александрович Джанибеков, Владимир Афанасьевич Ляхов, Юрий Владимирович Малышев, Геннадий Михайлович Стрекалов... Навестила меня и Светлана Евгеньевна Савицкая.

Объявляют очередной космический полет, и я, как мать, жду возвращения моих космических сыновей, сердцем желаю им всем успеха и благополучия. Алексей Архипович говорит, что горячее ожидание близких, родных всегда помогает: оно, будто свет маяка, кораблям в космосе путь указывает. Напомнил даже стихи Симонова: ожиданием своим ты спасла меня. Вот какую силу оно имеет!

Заботятся мои новые дети и об увековечивании памяти первого космонавта. По их инициативе организованы в нашем городе Гагаринские чтения, проводятся они 9 марта, в день рождения Юры. А в Звездном городке — 12 апреля, в День космонавтики.

*Анна Тимофеевна Гагарина с правнуком Юрой.
(Фото публикуется впервые.)*

Старый наш гжатский домик превращен в музей. Восстановлен дом и в Клушине, чтобы люди могли познакомиться с условиями жизни колхозной семьи. Отремонтирована и землянка, где спасались мы во время гитлеровского нашествия. Над городом нашим взял шефство Ленинский комсомол, на третий, трудовой семестр приезжают сюда бойцы интернационального строительного отряда. Вместе со студентами часто выходят на работу и космонавты.

Многому учусь и я у своих детей. Boldостью своей они меня заражают, собранностью, организованностью. Подумать только, сколько же каждый из них успевает общественных дел сделать при загруженности на работе, с депутатскими обязанностями справляться! Прикину — и неудобно как-то становится от выступлений, на которые меня приглашают, отказываться. Тем более что Юра еще говорил: человек опыт свой людям нести должен.

Побывала я еще раз в Ленинграде. Ездила в Белоруссию, Саратов, Смоленск, в Одессу. Была на кораблях «Юрий Гагарин», «Владимир Комаров», «Сергей Королев». Летом 1977 года ждали меня в Латвии в пионерском лагере имени Юрия Гагарина. С начальником лагеря Сармой Яновной Кейшей у нас дружба завязалась, с ее воспитательницами тоже. Ребяточки приезжали к нам, посадили у музея и нашего домика розы, цветут они каждый год до сих пор.

С 1978 года езжу я на Украину в Черкасы, на Млиевскую опытно-селекционную станцию имени Льва Платоновича Семиренко. Труд садовода сродни труду воспитателя: усилия, наблюдения, заботу вкладывать нужно ежедневно, а результат проявится через годы. В 1934 году заложил пынешний директор станции Николай Михайлович Артеменко яблони. Прошли десятилетия, оказались плоды на диво вкусными, крупными, устой-

чивыми к долгому хранению и морозу. Назвал Николай Михайлович этот сорт «ровесник Гагарина». Украинский журналист Владимир Григорьевич Тищенко привез саженцы в наш город, посадил у музея и в садике. А на мое семидесятипятое прислали со станции целый ящик яблок. Гости ели, похваливали. Кто-то сказал, что раз сейчас в космосе ведутся биологические опыты, хорошо бы испытать зернышки нового сорта и там... Алексей Архипович сразу же загорелся идеей, собрал семена. Позже Ляхов и Рюмин прорастили «ровесника Гагарина» во время полета на орбитальной станции «Салют-6». Нынче новые саженцы проходят испытание на Млиевской станции.

А как-то позволил Виталий Иванович Севастьянов, спросил, не согласусь ли я участвовать в телепередаче. Страшновато стало. Смогу ли? Но Виталий Иванович сказал, что это просьба не только его, но и матери Сергея Павловича Королева. Отказаться я не смогла.

Никогда мы раньше не виделись, но встретились как самые близкие люди. Мария Николаевна сразу же сказала, что Сережа очень много рассказывал ей о Юре, о его семье, что он любил и восхищался моим сыном. Напомнила слова Королева: «Гагарин — олицетворение вечной молодости нашего народа». Я знала, что Юра преклонялся перед гением и талантом Главного конструктора, его добротой и человечностью. О чем говорят матери, безвременно потерявшие сыновей? Мы вспоминали. Мы грустили. Мы желали, чтобы мечты наших сыновей полностью осуществились.

Так началась наша недолгая, но теплая дружба с Марией Николаевной Баланиной. Конечно, встречались мы не так уж часто. Возраст и у меня немолодой, а Мария Николаевна была на пятнадцать лет меня постарше. Но когда я бывала в Москве, всегда за-

езжала к Марии Николаевне. Раз от нее пришел на мое имя пакет, в нем большая фотография, сделанная во время телепередачи. На полях снимка — стихотворение Виктора Бокова «Две матери». Его переписала дочка Сергея Павловича Королева Наталья Сергеевна:

Две матери живут на белом свете,
Двух сыпшей на белом свете нет.
Для матерей они как были дети,
Так и остались ими с детских лет.

Одна Мария, а другая Анна,
Две матери, избранницы Земли.
Нет сыпшей, но славой осияны
Два имени в космической дали.

Два сына. Две упрямых дерзких воли.
Один и спал и видел Байконур.
Другой еще за партией, в сельской школе,
Мечтою в беспредельность заглянул.

Две матери. Две славы. Две легенды.
Две опаленных жизнью седины.
Они сыновним подвигом и делом
В единый круг, как сестры, сведены.

Две матери. Печаль закралась в лица,
Когда не стало славных сыпшей.
Двум матерям хочу я поклониться,
Сказать спасибо ото всех людей.

Сейчас, когда Мария Николаевна ушла из жизни, я смотрю на ее портрет. Сильная, мужественная была женщина, жизненные испытания переносила с достоинством. Когда горе подступало, Мария Николаевна не терялась, преодолевала его. Приходила ра-

дость — она вела себя скромно, спокойно. Вспоминаю я слова Марии Николаевны: «Мы должны крепиться. На нас смотрят, на нас равняются. Мы должны быть достойны сыпшей наших — Сережи и Юры».

Так Юра, память о нем сдружили меня со многими прекрасными людьми, сблизили и породнили. «Друзья познаются в беде» — говорит наша пословица. Без всякого папашания, какой-либо просьбы, приходят ко мне на помощь, проявляют заботу работники горкома партии Геннадий Андреевич Штыряев и Виктор Тимофеевич Зеров, другие люди, работающие на ответственных постах. Бойцы интернационального студенческого строительного отряда, которые взяли шефство над нашим городом, тоже опекают меня. А что уж говорить о близких, соседях, о людях, с которыми пережили трудности войны, послевоенной разрухи, радости успехов! Места в книге не хватило бы перечислить всех друзей семьи Гагарина! А хотелось бы!

Весной 1982 года пригласили меня на XIX съезд ВЛКСМ. Много и тут оказалось знакомых мне людей. Слушала я доклады, выступления делегатов — радовалась. Какая же у нас в стране замечательная молодежь! Трудолюбивая, смелая, умная, образованная, готовая постоять за дело мира.

Я мать. Матери всегда хотят мира. То, что и воочию убедилась: дети наши, внуки сделают все возможное, чтобы отстоять мир на Земле, — наполняет сердце спокойствием, уверенностью в завтрашнем мире, создает тихий день.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
Истоки	6
Сельское жите-бытье	12
Прибавление семейства	14
Грозная година	22
Освобождение	29
День Победы, дни мира	33
Семья вся в сборе	42
Письма из техникума	58
Осуществление сыновней мечты	63
Накануне	75
Двенадцатое апреля	86
Свидание с родными местами	94
Земные пути	115
День за днем	127
Утраты	137
Член семьи космонавтов	145

*Фотографии Фотохроники ТАСС, Виктора Гусева,
Владимира Зими́на, Василия Малышева, Александра
Моклецова, Владимира Тищенко, Ларисы Ураловой,
Александра Щекочихина.*

*Издательство благодарит Анну Тимофеевну Гагарину,
Зюю Алексеевну Бруевич, Надежду Кирилловну и Александра
Алексеевича Щекочихиных за предоставление снимков
из семейного альбома, а также неопубликованных фотографий
и неизвестных писем Юрия Гагарина.*

ИБ № 3670

Анна Тимофеевна Гагарина
СЛОВО О СЫНЕ

Редакторы *Л. Аятылина, В. Миронов*
Рецензент *М. Герасимова*
Художник *Ю. Копылов*
Художественный редактор *Н. Коробейников*
Технический редактор *Р. Сиголаева*
Корректоры *Г. Василева, Т. Пескова*

Сдано в набор 06.06.83. Подписано в печать 08.08.83. А05269. Формат 84×84^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 13,1. Учетно-изд. л. 17,0. Тираж 100 000 экз. (1-й завод 50 000 экз.). Цена в обложке 65 коп. (90 000 экз.). В переплете на мелованной бумаге 1 р. 50 к. (10 000 экз.). Заказ 935.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.